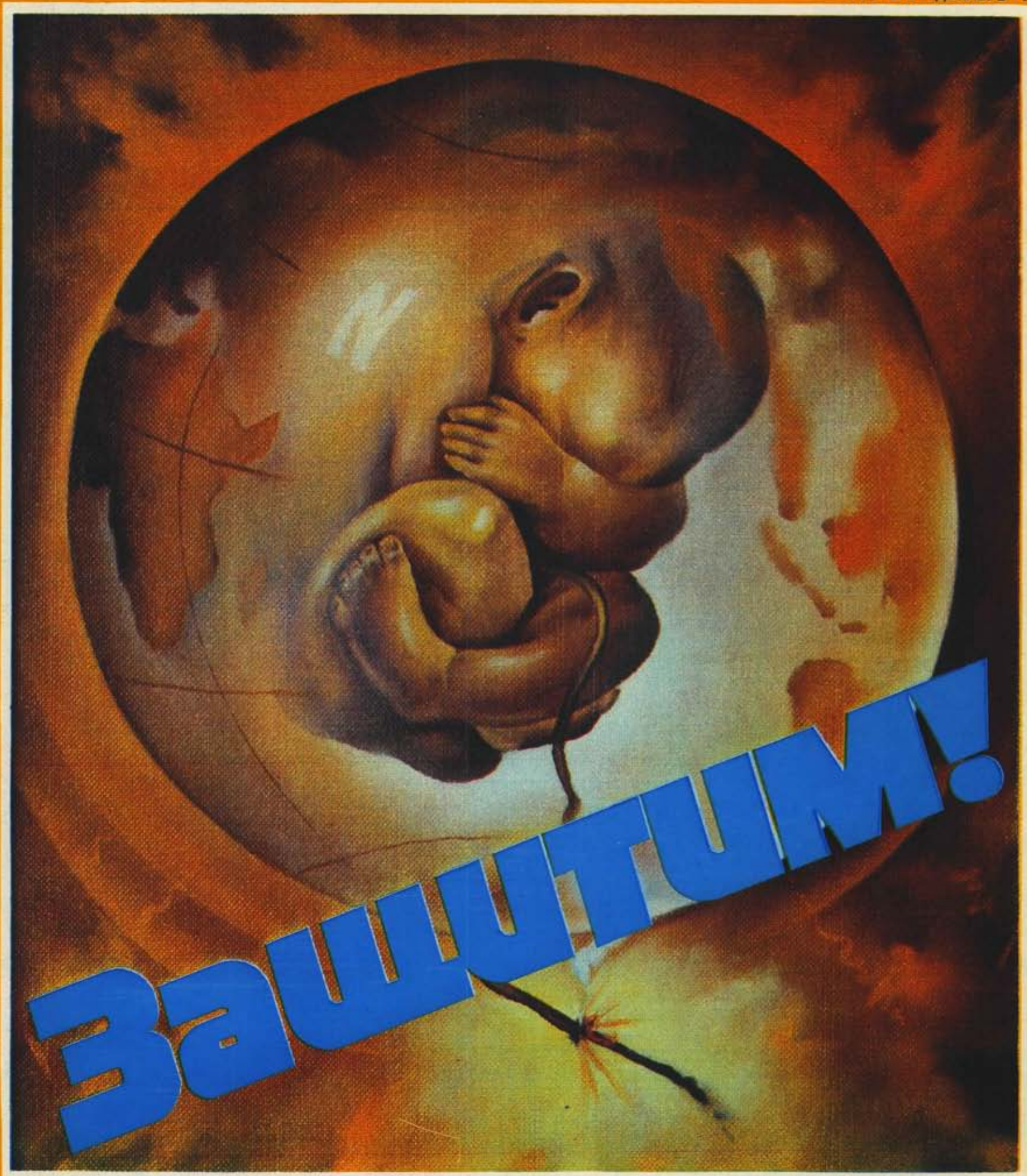

ISSN 0131-6656

СМЯНА

№ 23 ДЕКАБРЬ 1981

Защитим!

«Отстоять мир — нет сейчас более важной задачи в международном плане для нашей партии, нашего народа, да и для всех народов планеты. Отстаивая мир, мы работаем не только для ныне живущих людей, не только для наших детей и внуков; мы работаем для счастья десятков будущих поколений... Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день».

Л. И. БРЕЖНЕВ.
Из Отчетного доклада
ЦК КПСС
XXVI съезду партии

**МИР КАПИТА
ЭСТАФЕТА АГРЕС**

ЕСЛИ БЫ ЛЮДИ ВСЕЙ ЗЕМЛИ...

Дорогая редакция «Смены»!

Я хочу рассказать об одном эпизоде, который не выходит у меня из головы...

Моя комсомольско-молодежная бригада из депо Москва-Сортировочная вот уже больше десяти лет дружит с молодежным коллективом имени «Комсомольской правды» в Бранденбурге, ГДР. Пишем друг другу о своих делах, ездим в гости, ездим вместе поработать, приглядеться к опыту друзей — мы к ним, они к нам. Помнится наш приезд с цветами в берлинский Трептов-парк — поклониться советским солдатам, которые погибли, спасая мир от фашизма. Там всегда много людей. Стоит на холме, на высоком постаменте солдат со спасенной девочкой на руках, а вокруг, в зеленых аллеях Трептов-парка, играют дети. Многие сюда приходят — и русские, и немцы, и люди из разных стран мира. И вот в тот раз мы встретили в Трептове молодых американских солдат. Экскурсовод объяснял им что-то, и они слушали, смотрели. На рукавах у них были

нашивки с обозначениями дивизий, с эмблемами родов войск. Все это были ребята, родившиеся после войны. И я подумал тогда: а что, собственно, знают они о той войне и что думают о другой, к которой их готовят? Помнят ли, что кровавый счет, оплаченный во второй мировой войне народами, — 50 миллионов жертв? Понимают ли, что ядерная война стала бы катастрофой для всей нашей планеты, включая Америку, на землю которой мировая война прежде никогда не вступала? Сегодня мы дружим с немцами ребятами, отцов которых когда-то одели в форму вермахта и отправили стрелять в наших отцов; почему мы не можем дружить с американскими ребятами, отцы которых были в ту пору нашими союзниками? Америку пугают «советской угрозой», но ведь Гитлер тоже говорил о «советской угрозе», когда готовился к походу на Восток.

Мне кажется, что многие люди в сегодняшнем мире просто-напросто «плывут по течению», не задумываясь над тем, куда их ведут и чем все

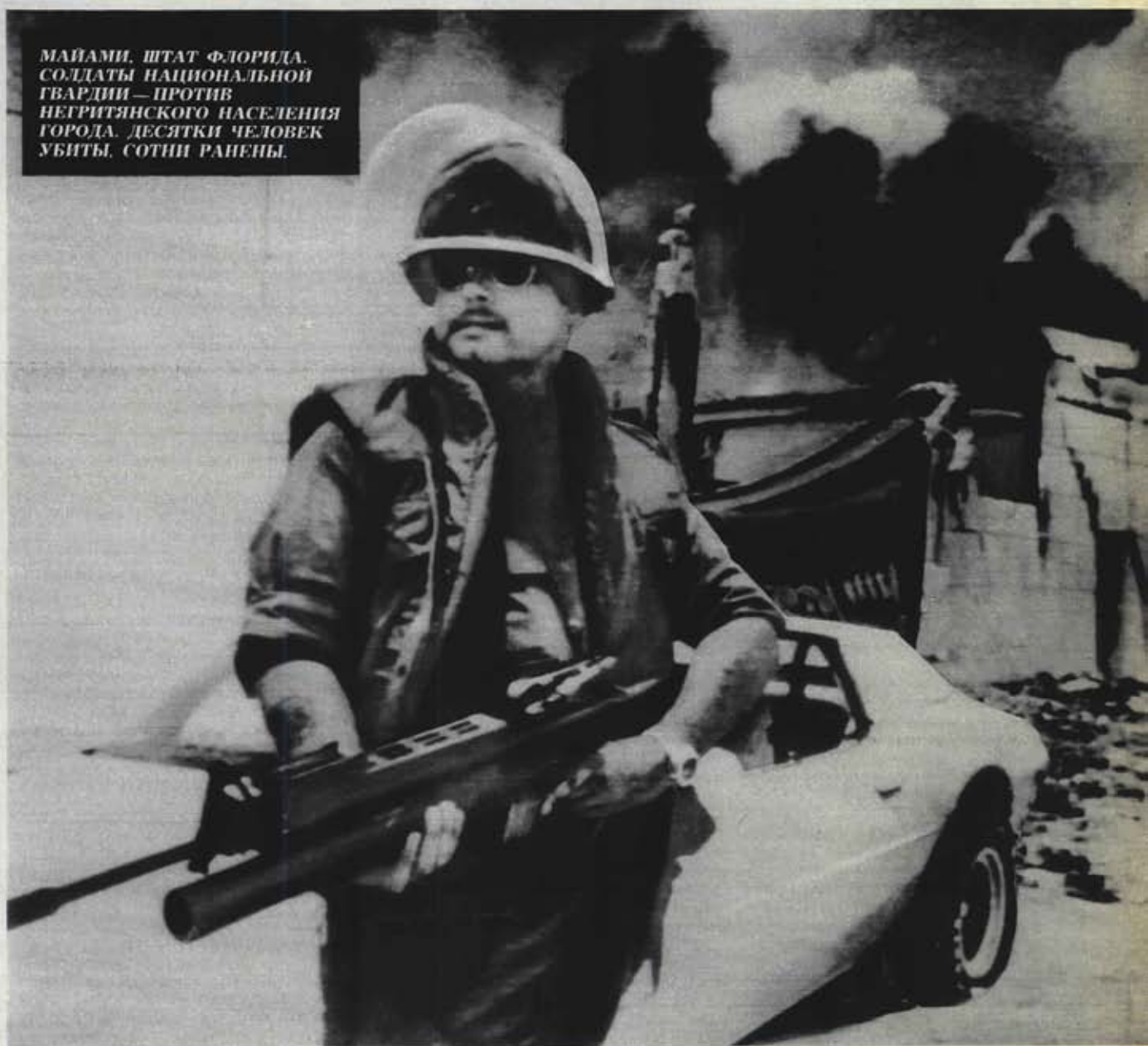
может кончиться. На XXVI съезде КПСС Леонид Ильич Брежнев выступил с предложением создать авторитетный международный комитет ученых, который рассказал бы народам правду о том, что принесет с собой ядерная война. Я, как коммунист и гражданин Советского Союза, голосую за это предложение. Наша страна, испытывавшая столько горя в прошлой войне, предана миру, готова сделать все возможное для его защиты и неизменно доказывает это. Наши союзники сегодня — все, кто не хочет стоять в стороне от великого и благородного сражения за мир.

Ядерная война — это не вопрос политики. Это вопрос жизни. Вопрос жизни всего человечества. Это неправда, что от «маленьких людей» не зависит, быть или не быть войне. Это зависит от каждого. И каждый должен понять это! И найти свою позицию.

Николай ЛОГУНОВ,
бригадир комсомольско-молодежной бригады
депо Москва-Сортировочная

МАЙАМИ, ШТАТ ФЛОРИДА.
СОЛДАТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ
ГВАРДИИ — ПРОТИВ
НЕГРИТЯНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ГОРОДА. ДЕСЯТКИ ЧЕЛОВЕК
УБИТЫ, СОТНИ РАНЕНЫ.

ЗА КАЖДОЙ
АНТИМИЛИТАРИСТСКОЙ
ДЕМОНСТРАЦИЕЙ В США
НАБЛЮДАЕТ ПРИСТАЛЬНОЕ ОКО
ПОЛИЦЕЙСКИХ...
ТАЙНЫЕ СЛУЖБЫ ВНОСЯТ ИМЕНА
ДЕМОНСТРАНТОВ В СВОИ ДОСЬЕ.

ЛА: СИИ

Джемма ФИРСОВА,
Генрих ГУРКОВ

СКОЛЬКИХ ЖЕРТВ ПОТРЕБОВАЛИ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «ЛОКАЛЬНЫЕ» ВОЙНЫ?

●●● Слепительный свет необычайной, неземной яркости залил тучи и горы в районе Аламогордо, в пустынном уголке штата Нью-Мексико. Огненный шар превратился в злое облако, напоминавшее своей формой некий чудовищный гриб. Часы показывали 5 часов 30 минут утра. Начинаясь день 16 июля 1945 года. День рождения атомной бомбы.

Застыв, словно в столбняке, вцепился в одну из стоек контрольного поста и, не отрываясь, смотрел на клубившееся, менявшее форму ядовитое облако Юлиус Роберт Оппенгеймер, научный руководитель «сверхлаборатории», которой было поручено реализовать носивший гриф высшей секретности Манхэттенский проект. Биографы бомбы и ее творцов утверждают, что в этот момент ему вспомнилась строка из древнего индийского эпоса: «Я становлюсь смертью, сокрушительницей миров». Так говорил божественный Кришна, повелевающий судьбами смертных. Пройдут годы, и «отец атомной бомбы» Оппенгеймер, бесконечно уставший, морально опустошенный, изломанный преследованиями тех, кому он вложил в руки чудовищное оружие, произнесет горькие слова: «Мы сделали работу за дьявола».

Никто до момента взрыва не мог с

полной достоверностью предсказать, подтвердятся или будут опровергнуты предварительные расчеты. Одно было ясно любому из ученых, имевших отношение к Манхэттенскому проекту: в арсенал средств уничтожения вошло новое оружие, принципиально отличающееся от всех прежних.

Прежние убивали человека, многих людей.

Это было способно убить человечество.

«...В 40—50 метрах от сада Сьюккеев, напротив радиостанции, стояла обугленная женщина. Огонь поразил ее на бегу, одна нога еще была приподнята, а в руках женщина крепко сжимала ребенка...»

«...В районе Матопа мы оказались перед кварталом, где по обеим сторонам улицы стояли храмы. Теперь здесь было море огня. Пути вперед не было, только узкая тропинка, да и та вряд ли проходимая. Одежда, которую мы раньше смочили водой, уже высохла и могла вот-вот вспыхнуть от пожара. Но нельзя было терять время. Мы снова смочили одежду водой, которую нашли в бомбубежище, и отчаянно побежали сквозь огонь. Я молилась, просила бога помочь мне. Когда же мы добежали до более безопасного места, мы оглянулись и посмотрели назад. То было самое ужасное зрелище, которое я когда-либо видела в своей жизни. Даже там, где мы остановились, повсюду лежали мертвые тела...»

«...Человек, лежавший на спине на улице, видимо, погиб, как только сбросили атомную бомбу. Его рука была поднята к небу, и пальцы горели странным голубым пламенем...»

Мы цитируем воспоминания очевид-

цев атомной бомбардировки Хиросимы, собранные Японской радиовещательной корпорацией. Многие из тех, кто прислал воспоминания,—инвалиды. Они были искалечены 6 августа 1945 года. В день, когда пилотируемый командиром 509-го авиаполка 20-й воздушной армии США полковником Тиббетсом бомбардировщик «В-29», носивший имя «Энола Гей», в 2 часа 45 минут по местному времени стартовал с острова Тиниан, а в 9 часов 15,5 минуты сбросил над Хиросимой бомбу, которую кощунственно окрестили «Малыш».

В сентябре 1976 года отставной генерал ВВС Тиббетс, ныне президент одной компании в штате Огайо, принял участие в имитации атомной бомбардировки Хиросимы над техасским городом Харлингген. Жертв, естественно, не было. А когда репортеры спросили о 6 августа, о Хиросиме, Тиббетс, красноречивый плотный солдафон с круглыми, как пуговицы, глазами, заявил: «Я не провел ни одной ночи без сна из-за того, что осуществил бомбардировку Хиросимы. Поседел я лишь теперь, занимаясь бизнесом».

Историческая справка

Информируя Америку и мир о взрыве атомной бомбы над Хиросимой, президент США Гарри Трумэн в официальном правительственном сообщении заявил: «В самой крупной в мировой истории азартной научной игре мы поставили на карту 2 миллиарда долларов и выиграли».

Мнение ученого

«Наш мир стоит перед кризисом, все значение которого еще не постигли те, кому дана власть выбирать между

СКОЛЬКИХ ЖЕРТВ ПОТРЕБОВАЛИ ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ «ЛОКАЛЬНЫЕ» ВОЙНЫ? И СКОЛЬКО РАЗ ОНИ ПОДВОДИЛИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО К РОКОВОЙ ЧЕРТЕ ЯДЕРНОЙ КАТАСТРОФЫ?

НОВЫЕ ВИДЫ СВЕРХОРУЖИЯ РОЖДАЮТСЯ В ЛАБОРАТОРИЯХ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРАХ, ФИНАНСИРУЕМЫХ ВОЕННЫМИ МОНОПОЛИЯМИ.

добром и злом. Освобожденная от оков атомная энергия все изменила; неизменным остался лишь наш образ мыслей, и мы, безоружные, движемся навстречу новой катастрофе».

Альберт Эйнштейн

На полях сражений второй мировой войны солдаты антифашистского фронта сражались насмерть, веря, что само понятие «война» после разгрома фашизма исчезнет из жизни человечества. Что может быть потом, кроме мира? Какие еще нужны кровавые уроки?

Шел год 43-й, когда аккуратный человек с оттопыренными ушами и залитым пробормотом по фамилии Форрестол, в ту пору заместитель военноморского министра США, рассуждая о послевоенном устройстве, изрек следующую сентенцию: «Понятия «безопасность» больше не существует, вычеркнем это слово из нашего лексикона. Запишем в школьные учебники изречение: мощь, подобно богатству, либо используется, либо утрачивается». Сам он, естественно, не предлагал ее утратить. Он намеревался ее использовать...

Психиатры еще не приглядывались к Форрестолу. Позднее, когда он уже станет министром обороны, они это сделают. Прыжком в окно госпиталя он завершит карьеру, и опасная должностная близость одержимого антикоммунизмом маньяка к кнопке ядерной войны не приведет к вселенской катастрофе — на этот раз. Он уничтожит себя, не успев уничтожить мир.

Находясь на посту министра обороны,

Форрестол 10 июля 1948 года потребовал представить правительству «всестороннюю оценку национальной политики» в отношении Советского Союза. Аналитический документ под названием «Цели США в отношении России» был утвержден 18 августа 1948 года как совершенно секретная директива Совета национальной безопасности, носившая номер 20/1. Она была рассекречена и впервые опубликована в США в 1978 году. Заглавный тезис, касающийся, как подчеркивается в документе, «основных целей в отношении России», звучит так: «Свести до минимума мощь и влияние Москвы...» Далее следует расшифровка этого тезиса: «Речь идет прежде всего о том, чтобы Советский Союз был слабым в политическом, военном и психологическом отношениях по сравнению с внешними силами, находящимися вне пределов его контроля».

Как достичь этого? Атомной бомбе, монополией на которую политики и военные США предполагали пользоваться достаточно длительное время, отводилась функция главного «аргумента».

Впрочем, бомба бомбой, а что дальше?

Директива содержала рекомендации на этот счет:

«На любой территории, освобожденной от Советской власти, перед нами встанет проблема человеческих остатков(!) советского аппарата власти. В случае организованного отхода советских войск с нынешней советской территории местный аппарат Коммунистической партии, вероятно, уйдет в подполье, как случилось в областях, занятых немцами в недавнюю войну. Затем он, вероятно, вновь частично возродится в форме партизанских отрядов».

В этом отношении проблема, как справиться с ним, будет относительно проста, нам надо будет только раздать

необходимое оружие и оказать военную поддержку любой некоммунистической власти, контролирующей данный район, и разрешить окончательно расправиться с коммунистическими бандами традиционными методами русской гражданской войны...»

На таком языке намеревалась разговаривать с Советским Союзом — вчерашним союзником по антигитлеровской коалиции — американская военщина.

Разумеется, вначале должен был последовать ядерный нокаут. Согласно плану «Чарлотир», разработанному к середине 1948 года по указанию комитета начальников штабов, в первый месяц войны предполагалось сбросить 133 атомные бомбы на 70 советских городов, из них 8 — на Москву.

В 1949 году комитет начальников штабов разработал план войны под кодовым названием «Дропшот». Первый этап войны стратегам из Пентагона рисовался так: 300 атомных и 250 000 тонн обычных бомб должны были превратить в руины важнейшие советские города, уничтожить до 85 процентов советской промышленности и подготовить вторжение в СССР наземных сил созданного к тому времени Североатлантического пакта. В комментариях исследователей, получивших доступ к тайным планам Пентагона через четверть века после их составления, подчеркивалось: «Дропшот» был не только планом атомного разгрома России, но предусматривал оккупацию громадной страны американскими войсками и уничтожение корней большевизма».

В 1950 году профессор Уайдер из Корнуэллского университета предложил с помощью особых механизмов, установленных на судах в Атлантическом океане, отвлечь осадки от «комму-

нистического мира», с тем чтобы, уменьшив их количество в Европе и Азии на 50 процентов, вызвать там искусственную засуху.

В 1953 году известный делец Гуггенхайм на церемонии вручения ему премии Американского метеорологического общества заявил: «Атомная бомба сейчас является наивысшей возможностью уничтожения жизни, контроль над погодой может стать наивысшей возможностью уничтожения средств к жизни».

Природа, окружающая человека среда прежде неизменно становилась жертвой военных действий. Теперь их намеревались превратить в орудие войны. И наука, обслуживавшая военные приговоры, эксплуатировала умы и расходовала доллары, чтобы злое фантастика обрела конвейерную реальность, чтобы производством ураганов и засух можно было управлять, как производством бомб и ракет.

Мнение ученого

«Уже сейчас специалисты на Западе говорят о возможном создании в недалеком будущем лучевого оружия, которое могло бы иметь широкий диапазон избирательности — от воздействия на клетки и отдельные системы человеческого организма до массового поражения людей; инфразвукового оружия для воздействия на внутренние органы, психику и поведение людей; генетического оружия, приводящего к нарушению механизма наследственности как человека, так и животных и растений, необходимых для его существования, что в конечном счете вело бы к деградации и вымиранию; этнического оружия, основанного на использовании естественно существующих биохимических различий отдельных групп населения по цвету кожи, группам крови и другим признакам, для избирательного поражения специальными агентами».

В. Петровский,
доктор исторических наук

Хроника гонки вооружений дает однозначный ответ на вопрос: кто был инициатором, кто виноват?

Когда Роберту Оппенгеймеру вручали грамоту «За заслуги», которой была награждена Лос-Аламосская лаборатория, он в ответной речи сказал: «Если атомным бомбам будет суждено пополнить арсенал средств уничтожения, то неминуемо наступит время, когда человечество проклянет слова «Лос-Аламос» и «Хиросима». Люди нашей планеты должны объединиться, или они погибнут. Ужас и разрушения, посеянные последней войной, диктуют нам эту мысль. Взрывы атомных бомб доказали ее со всей жестокостью».

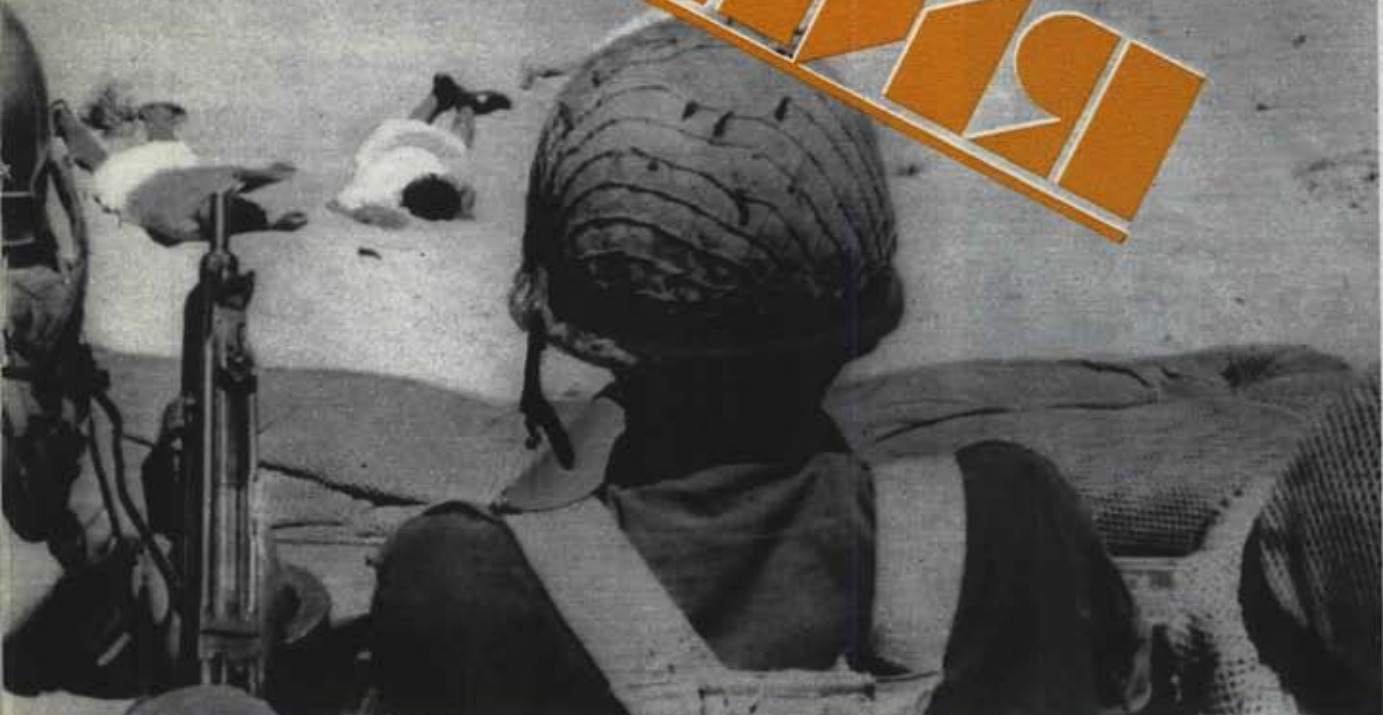
Среди работавших в Лос-Аламосе был физик Эдвард Теллер. В 1946 году он выступил перед коллегами с лекцией о возможности создания водородной бомбы, мощь которой теоретически безгранична. Рядом с супербомбой, которую Теллер нежно именовал «деткой», хиросимская бомба выглядела бы чем-то вроде детской хлопушки.

Против проектов создания водородной бомбы выступили известнейшие ученые Америки, включая Оппенгеймера. Ферми призвал президента Трумэна публично отказаться от создания термоядерного оружия и обратиться к СССР с предложением принять такое же обязательство.

Решение, как и следовало ожидать, оказалось иным. Что мог знать тот же Ферми о готовом уже плане «Дропшот», в который столь логично вписывалась «детка» Теллера? 31 января 1950 года Трумэн отдал Комиссии по атомной энергии приказ: начать работы по созданию водородной бомбы. 1 ноября 1952 года на маленьком островке посреди Тихого океана было взорвано устройство, в ту пору еще слишком громоздкое, чтобы его можно было доставить куда-либо самолетом. Водородная бомба существовала.

Накануне первой мировой войны, в ноябре 1912 года, Уинстон Черчилль

ВЫЖИВАЮТ

Наша обложка:
плакат художника
Владимира
НИКОЛЬСКОГО.

- 1** МИР КАПИТАЛА: ЭСТАФЕТА АГРЕССИИ.
- 7** XIX СЪЕЗД ВЛКСМ. РАБОЧИЕ — ЛАУРЕАТЫ ПРЕМИИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА. Виктор МУХА. «ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ».
- 8** РАССКАЗ Валерия ОСИПОВА «ОШИБКА ПРОФЕССОРА».
- 11** КАК А. А. ФАДЕЕВ РАБОТАЛ НАД РОМАНОМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ».
- 12** «ВЭФ В ЛИЦАХ». Фотоочерк Леонида ПЛЕШАКОВА и Сергея ВЕТРОВА.
- 15** ДЕТСКИЙ ДОМ — ТЕПЛЫЙ ДОМ. «В ПОДАРОК — БИБЛИОТЕКИ». К читателям и друзьям «Смены».
- 16** НАУКА: СЕЙСМОЛОГИЯ. «ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ ПО РАСПИСАНИЮ?»
- 18** ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ. Владимир БУЛЫЧЕВ. «ДЕРЕВЬЯ С СОБСТВЕННЫМ ИМЕНЕМ».
- 20** «И СЕРДЦЕМ ПРИКОСНУТЬСЯ».
- 22** А ЧТО У ВАС? Информационная страница «Смены».
- 24** Дмитрий ЖУКОВ. «БОРОВСКИЕ БЫЛИ».
- 26** Стихи Валентина ЛУКШИ.
- 27** Стихи Раима ФАРХАДИ.
- 28** Братья ВАЙНЕРЫ. «КАРСКИЙ ПРОРЫВ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Ю. Д. МАКАРЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САОШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, В. В. ЧИКИН, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор А. В. Исаева.

© Издательство «Правда». «Смена», 1981 г.

заявил: «Мир скажет о поколении, допустившем возникновение подобной войны: это было поколение безумцев».

По другую сторону Ла-Манша в том же году премьер-министр Франции Раймон Пуанкаре сказал: «Возникшая война была бы вызовом, брошенным здравому смыслу, человечеству, цивилизации».

Вызов «здравому смыслу и цивилизации» был брошен менее чем через два года.

Если такой вызов будет брошен в третий раз, уже не останутся свидетелей и потомков, чтобы назвать «поколением безумцев» тех, кто это допустит.

Статистическая справка

Во время второй мировой войны наиболее мощными бомбами были 10-тонные.

Бомба, взорванная над Хиросимой, обладала мощностью около 20 кило тонн. Иными словами, мощность ее взрыва была эквивалентна 20 тысячам тонн обычного взрывчатого вещества.

Ныне мощность ядерных зарядов исчисляется в мегатоннах, то есть в миллионах тонн обычной взрывчатки. В арсеналах ядерных стран имеются бомбы мощностью в 10, 20 и более мегатонн. Сегодня практически возможно создать бомбу любой мощности.

ОДИН СОВРЕМЕННЫЙ СТРАТЕГИЧЕСКИЙ БОМБАРДИРОВЩИК ИЛИ ОДНА МЕЖКОНТИНЕНТАЛЬНАЯ РАКЕТА СПОСОБНЫ НЕСТИ ЯДЕРНЫЙ ЗАРЯД, ПРЕВЫШАЮЩИЙ ПО МОЩИ ВСЕ, ЧТО БЫЛО ВЗОРВАНО ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ВОЙН.

Мнение ученого

«Если начнется третья мировая война (и даже будет запрещено ядерное оружие), то невозможно сейчас предсказать, какое новое оружие было бы изобретено, если бы столь сильно возросшие материальные и интеллектуальные ресурсы всех континентов были обращены на поиски новых возможностей достижения военной победы. Мы не можем сегодня предсказать, какие появятся конкретные виды нового оружия, но, исходя из необъятных возможностей науки и возрастающей мощи этих возможностей, можем с определенностью сказать: они могут быть ужаснее всего, что мы знали до сих пор».

М. Марков,
академик,

Герой Социалистического Труда,
член исполкома международного
Пагуошского движения ученых

У нас нет доподлинных данных о том, чем занимался голливудский актер Рональд Рейган в день 6 августа 1945 года, когда погибла Хиросима, в съемках какого фильма участвовал и какова была его роль. В истории она не оставила следа. Но вот роль, которую Рональд Рейган, президент США, сыграл 6 августа 1981 года, в годовщину хиросимской трагедии, история, без сомнения, назовет кощунственной. Как известно, в этот день было принято президентское решение о полномасштабном производстве нейтронного оружия.

Каждое утро тревожный бой часового колокола Хиросимы напоминает миру о трагедии 6 августа. Он звонил и в тот день, когда Рейган подписал решение о нейтронной бомбе. Звонил по погибшим, предупреждал живых...

Оценка эксперта

«У нас уже достаточно ядерного оружия, чтобы устроить более 600 000 Хиросим и 2400 таких войн, как вторая мировая».

Д-р Барри Шнайдер,
специалист по контролю
над вооружениями в госу-
дарственном департаменте США

Война — это разрушенный город, гонка вооружений — непостроенный город. Война — это изувеченное сражением поле. Гонка вооружений — это невспаханное поле. Растрата материального и

духовного потенциала кошмарна, экономические потери невообразимы, но один важнейший фактор особо подчеркивают ученые, военные, политики: создание новых систем оружия и «антиоружия» с неотвратимостью снижает так называемый «ядерный порог», делает угрозу большой войны все менее контролируемой.

Что касается многократно произнесенных с высоких трибун в США слов о «гуманности» нейтронной бомбы, то вот лишь два суждения хорошо информированных оппонентов. Профессор Э. Стернгласс, ядерный физик из Питтсбургского университета: «Нейтронная бомба — не что иное, как небольшого размера ядерное оружие того типа, что было использовано в Хиросиме. Поэтому обещание произвести нейтронную бомбу, которая «щадит города», звучит отвратительно с моральной точки зрения. И это чудовищная ложь». Г. Сквилл, американский эксперт в области вооружений: «Нейтронная бомба не сделает войну более гуманной, она сделает ее более близкой».

«Единственное, к чему может привести непрекращающаяся гонка вооружений, — так это к последней войне человеческой цивилизации», — заявил сенатор Эдвард Кеннеди. Его тревогу разделяет немало американцев, требующих от своего правительства одуматься. Но нельзя не видеть и другого — многие, трагически многие люди в Америке склонны верить заверениям стратегов Пентагона: будущая война будет происходить где-то далеко, не на американской земле. Наверняка в Европе. Возможно, в зоне Персидского залива. Где угодно, только не в США.

Институт Брукинга (американское частное исследовательское учреждение) опубликовал такие подсчеты: за три послевоенных десятилетия Соединенные Штаты 215 раз прибегали к использованию вооруженных сил для достижения политических целей. В книге, изданной институтом, подчеркивается: «В течение 30 лет после окончания второй мировой войны США использовали вооруженные силы в качестве инструмента политики практически раз в два месяца».

Мнение парламентария

«Нам необходима позитивная внешняя политика — нужно делать то, что выгодно для США, вместо того, чтобы проводить ставшую анахронизмом политику «холодной войны», которая диктует нам поступать так, как, по нашему мнению, будет хуже для Советского Союза... Соединенные Штаты должны стать миролюбивым соседом других стран мирового сообщества».

Сенатор А. Крэнстон,
демократ, от штата Калифорния

Накопление ядерного оружия создает множество серьезнейших факторов «незапрограммированного» риска, действующих и в мирное время. Сколько раз поднималась в воздух по тревоге стратегическая авиация США и ложились руки на кнопки пусковых устройств ракет из-за ошибок радаров, углядевших «противника»? А чего стоят одни лишь аварии с атомными и водородными бомбами? О некоторых из них стало известно лишь недавно...

Штурмовик «А-4» с ядерной бомбой на борту скатился с авианосца и упал в воды Тихого океана на расстоянии 508 миль от берега. Самолет и его пилот пропали без вести. **ЯДЕРНЫЙ ЗАРЯД НЕ БЫЛ ОБНАРУЖЕН...**

В районе Средиземного моря не встретился с самолетом-заправщиком и бесследно исчез бомбардировщик «В-47». Два контейнера с ядерным веществом, которые находились на борту самолета, так и НЕ БЫЛИ ОБНАРУЖЕНЫ...

В заливе Пьюджет-Саунд, в штате Вашингтон, упал самолет противолодочной обороны «Р-5». Ядерная противолодочная бомба НЕ БЫЛА ОБНАРУЖЕНА...

Пентагон до сих пор хранит молчание об аварии на подводной лодке, находившейся в Атлантическом океане. Ядерное устройство с нее НЕ БЫЛО ОБНАРУЖЕНО...

22 сентября 1979 года в южной части Атлантического океана была зафиксирована двойная вспышка, имевшая все признаки ядерного взрыва в атмосфере. Атомная бомба в руках южноафриканских расистов? Расследование, проведенное ООН, не внесло полную ясность. По мнению авторитетных экспертов, ядерные реакторы ЮАР могут производить количество плутония, достаточное для изготовления каждой недели по ядерной бомбе, превышающей мощность той, которая была взорвана в Хиросиме. Ядерный центр в Пелиндабе... Реактор в Куберге... Ядерная установка в Валиндабе... 16 заводов по производству окиси урана... Расисты ЮАР, вооруженные атомной бомбой, — это был бы новый и весьма серьезный фактор риска для современного мира. Стала ли уже реальностью эта угроза? Или станет завтра?

20 июля 1969 года в соответствии с программой «Аполло-11» управляемый аппарат «Игл» опустился на поверхность Луны в районе Моря Спокойствия. Американские астронавты Олдрин и Армстронг 21 июля вышли на тихую поверхность Селены и прогулялись по «дну» Моря Спокойствия, окруженные космической тишиной и вечностью.

А в это самое время на Земле американские парни, многие из которых волею судьбы могли бы попасть на Луну, а не во Вьетнам, уничтожали на вьетнамской земле людей, селения, храмы, города.

Одновременно с космическими съемками газеты печатали фотографии из Вьетнама. Безжизненная, напоминающая лунный пейзаж местность. Кратеры, наползающие один на другой. Это воронки от взрывов...

С 1965 по 1971 год на Вьетнам американской авиацией было сброшено 6,2 миллиона тонн бомб — это больше, чем за все годы второй мировой войны. По подсчетам американских авторов, десятилетняя бомбардировка оставила на земле Вьетнама более 21 миллиона воронок диаметром около 9 метров и глубиной около 1,5 метра.

Во многих районах Вьетнама можно увидеть погребение леса. Жуткие, изувеченные деревья. Высохшие ветви их — следы применения американских гербицидов. Они предназначались для того, чтобы уничтожить зеленый покров джунглей, — так легче обнаружить партизан. В результате, по заключению группы американских ученых, половина мангровых рощ в Южном Вьетнаме безвозвратно погублена, без какой-либо надежды на восстановление.

Проходят десятилетия, но остаются следы войн, подобно шрамам, уродующие землю. Природа, как и человек, не может забыть войну.

Существует немало исследований, анализирующих трагический феномен: безнравственность логики «с позиции силы», практикуемой в межгосударственных отношениях, рикошетит в сферу отношений человеческих. Культ силы в делах межгосударственных взрывает самые темные пласты инстинктов обывателя, приводя к действиям, совершаемым с крайней, часто совершенно иррациональной жестокостью.

Уходя из Вьетнама, американские «джи-аиз» оставляли после себя выжженную пустыню.

И эту же выжженную пустыню они привезли домой в своих опустошенных войной душах. Пройдет совсем немного времени, и садизм, возвращенный кровавыми «подвигами» против людей Вьетнама, подогреваемый ежедневно и ежедневно истерическим бахвальством «американской мощью», «американской силой», обрушится на Америку.

Статистическая справка

В 1979 году в США от пуль убийц погибло, по данным ФБР, 10725 чело-

век. Это 29 смертей в день, по убийству каждые 50 минут.

Газета «Вашингтон пост» после выстрелов в Рейгана писала: «Акты насилия повторяются настолько регулярно, становятся такой неотъемлемой чертой американского образа жизни, что последние выстрелы — даже несмотря на то, что жертвой их стал президент, — оставили многих равнодушными в течение долгого дня, когда по телевидению показывалось покушение на Рейгана. Дело просто в том, что в стране произошло слишком много других актов насилия...». Газета приводит слова «среднего американца», врача из Далласа (где, как известно, был убит президент Кеннеди), д-ра Дэвида Уайлера: «Насилие стало нормой жизни в США. Я боюсь, что в результате пустяковой ссоры, какие часто вспыхивают, когда образуется транспортная пробка, меня когда-нибудь застрелят».

Тотальная агрессивность — вот что это такое. Агрессивность сама как атомная бомба: взорвавшись где-то, она начинает опустошать и разрушать души.

Из хроники событий времен администрации Рейгана

Подводная лодка, находившаяся в подводном положении у побережья Калифорнии, запустила крылатую ракету «Томагавк», которая покрыла расстояние в 500 миль, двигаясь по зигзагообразной траектории и следуя рельефу местности, и поразила цель размерами с жилой дом, находившуюся на испытательном полигоне в штате Невада. «Нью-Йорк таймс», сообщив об этом факте, пишет: «Как заявили должностные лица, имеющиеся планы предусматривают принятие на вооружение к началу 90-х годов 3000—4000 крылатых ракет морского базирования. В дополнение к этому специалисты по планированию в Пентагоне вырабатывают планы принятия на вооружение 6000 крылатых ракет, которые будут запускаться с самолетов и наводиться на цели на суше или кораблях... Они будут служить дополнением к тем 3148 стратегическим крылатым ракетам с ядерными боеголовками, которые к 1987 году будут размещены на бомбардировщиках «В-52», а также к 646 крылатым ракетам средней дальности с ядерными боеголовками, которые должны быть размещены в Западной Европе, начиная с 1983 года. Еще 96 крылатых ракет наземного базирования будут храниться в резерве на территории США».

Информация агентства ЮПИ: «Пентагон дал «добро» на производство самолета «F-18-A Хорнет» в варианте истребителя. На этом закончился многомесячный пересмотр программы создания самого дорогого истребителя, когда-либо создававшегося в США. Стоимость каждого такого самолета, включая расходы на исследования и разработки, приблизительно равна 32 миллионам долларов. ВМС планируют заказать 1366 самолетов».

Новые бомбы... Новые ракеты... Новые боевые самолеты... Новая космическая программа, продиктованная Пентагоном...

Так человечество втягивают в очередной виток гонки вооружений.

Известный американский специалист по военным вопросам Р. Барнет в книге «Экономика смерти» отмечает: «Если мы посмотрим на людей, занимающих высшие должности в государственном департаменте, Пентагоне, руководстве трех видов вооруженных сил, пост председателя комиссии по ядерной энергии и пост директора ЦРУ, то увидим, что из 91 человека, занимавшего эти должности, к примеру, за период с 1940 по 1967 год, 70 были выходцами из большого бизнеса и финансовой олигархии». С 1970 по 1979 год конгресс, правительство (в первую очередь Пентагон) и главные военные концерны обменялись 1942 «своими людьми». Поставка военных товаров и услуг — в руках крупней-

ших корпораций, обеспечивших себе монопольное положение. При этом самые крупные и самые прибыльные контракты приходится на 8 фирм — их в США называют «железной восьмеркой».

Статистическая справка

Глобальные военные расходы увеличились с 1900 года более чем в 30 раз. В 1980 году на гонку вооружений израсходовано свыше 500 миллиардов долларов — порядка 1 МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ В МИНУТУ...

Около 400 тысяч ученых работают в области военных исследований и разработок — это составляет примерно 40 процентов от числа ученых всего земного шара, занимающихся исследовательской деятельностью.

Кому выгодно...

Крутится колесо машины военных приготовлений — под неизменный аккомпанемент хорошо оплаченных рассуждений по поводу «благотворного влияния» милитаризованной экономики на ситуацию в стране. Миф о военных расходах — катализаторе экономического роста... Миф о военной промышленности — панацея от безработицы... Миф о военных исследованиях — стимуле научно-технического прогресса...

Американский экономист К. Эйрс: «Война — это ужасная вещь. Но в то же время она является главным фактором процветания».

Вице-президент концерна «Локхид» Л. Райдмур: «Мы бросаем наши автомобили задолго до того, как они выходят из строя, и наша экономика развалилась бы, если бы мы этого не делали. Наша ракетная программа отлично выполняет эту функцию. Мы посылаем вверх ракеты, которые никогда не возвращаются обратно, и поэтому мы должны все время строить новые ракеты. Это замечательно! Это создает рабочие места и обеспечивает циркуляцию денег».

Но ведь это уходит «наверх» и «не возвращаются обратно» миллиарды долларов, расходуется талант тысяч людей, труд миллионов... Так ли уж это стабилизирует экономику?

Контраргумент

«Каждая пушка, которая производится, каждый военный корабль, который спускается на воду, каждое ракетное устройство в конце концов является кражей у тех, кто голодает, у тех, кто мерзнет, у тех, кто раздет и разут».

Генерал Дуайт Эйзенхауэр, президент США

В начале 1946 года — первого года мира на Земле после долгой и самой страшной в истории человечества войны — у берегов маленького острова, атолла Бикини, появились корабли американского военно-морского флота. Фоторепортеры — те, что еще год тому назад снимали военные действия на Тихом океане, — теперь запечатлели на пленку мирный и на первый взгляд малопримечательный сюжет: переселение 164 островитян Бикини на другой остров, атолл Ронгерик. Сюжет был экзотический и жизнерадостный — веселые, красивые островитянки, седые живописные старики, голые черноглазые детишки...

Тогда никто из островитян не подозревал, что этот мирный солнечный день станет началом их скитаний по островам архипелага и что сами они станут «первыми кочевниками ядерного века».

1 июля 1946 года США взорвали первую атомную бомбу из серии испытанных на острове. Испытания повторялись долгие годы. Атолл был чудовищно изувечен, на дне лагуны скопилось огромное количество радиоактивного материала.

Незادолго до первого взрыва территория Маршалловых островов, куда входил и Бикини, перешла под «опеку» Соединенных Штатов. И какой же зловещей иронией звучали теперь, когда остров был превращен в страшную, без-

жизненную пустыню, слова статьи № 76-6 Устава ООН, где говорилось, что на государство-опекун возлагается обязанность «способствовать политическому, экономическому и социальному прогрессу территории под опекой, прогрессу в области образования и развития по пути к самоуправлению и независимости».

В 1970 году скитальцев вернули на родной остров. Но очень скоро оказалось, что для человеческого организма жизнь на Бикини невозможна. Их вновь выселили — на остров Кили. Не так давно «Нью-Йорк таймс» сообщила, что Вашингтон намерен переселить их на атолл Эней — всего в шести милях от Бикини. Люди смогут видеть родной остров, но жизнь на нем будет невозможна еще по крайней мере около полувека — это по подсчетам ученых...

История на своем пути оставляет веки предупреждений. Они, как правило, символически. Такой вехой предупреждения стала история жителей Бикини. И горе, если люди проходят мимо них, не содрогнувшись и не задумавшись, ибо КУДА ПЕРЕСЕЛЯТСЯ ЖИТЕЛИ НЕ ОСТРОВОВ, НО КОНТИНЕНТОВ, КОТОРЫЕ МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ПОД УДАРАМИ ВОЗМОЖНОГО ЯДЕРНОГО КОНФЛИКТА?

Мнение писателя

«Мне кажется, — заявил в одном из недавних интервью Курт Воннегут, автор романа «Бойня № 6, или Крестовый поход детей», — что мир сегодня живет подобно хроническим алкоголикам: продержались еще один день, выжили — вот и неплохо... Каждый день происходит все больше оружия, все больше приводится аргументов в его пользу и все чудовищнее и опаснее ложь, которую мы выслушиваем. Мы полностью военизированы, и рано или поздно что-то должно случиться...»

Отраженное в мутных водах Токийского залива, старое рыболовное судно кажется призраком, напоминающим о трагической судьбе экипажа «Счастливого дракона». 1 марта 1954 года на судно и его команду выпали радиоактивные осадки, возникшие в результате испытательного взрыва атомной бомбы в Тихом океане.

В пять часов того мартовского утра, когда «Счастливого дракона» вел лов тунца близ Маршалловых островов, над горизонтом возникло огромное ослепительное зарево. Рыбаков охватил страх. Кто-то воскликнул: «Солнце восходит на западе».

Вскоре на судно стали падать бесчисленные мелкие белые хлопья — они липли к волосам, попадали в глаза и ноздри. «Счастливого дракона» находился в 87 милях от малоизвестного атолла Бикини. Во время своего обратного двухнедельного пути в Японию рыбаки чувствовали разного рода недомогания.

Их госпитализировали в одной из токийских больниц. В сентябре 1954 года умер радист Айкики Кубояма, который стал первой жертвой водородной бомбы.

В последующие годы о «Счастливым драконе» почти забыли. После неоднократной дезактивации его отбуксировали на свалку с поэтическим названием «Остров грез», и там он пребывал в забвении, пока кто-то не решил продать его на железный лом. Когда об этом стало известно, началась общественная кампания за сохранение «Счастливого дракона». Заново покрашенный и отремонтированный, он вместе с атомными музеями Хиросимы и Нагасаки стал напоминанием об ужасах ядерных взрывов...

Об этой горькой истории рассказано в публикациях ООН. Но не забыл ли ее в суете будней торопливый мир?

Судьба человечества — экипажа планеты Земля — не должна однажды напомнить судьбу экипажа «Счастливого дракона».

Люди способны помнить. Способны думать. Способны действовать.

Николай МОЙКИН

РАНЫ КОТОРЫЕ НЕ ЗАЖИВАЮТ...

«САМАЯ ДОЛГАЯ ВОЙНА»

...Самая долгая война окончена.
Или так нам лишь говорят?

На эти строки я натолкнулся в журнале «Сатердей ревью», и, когда дочитал весь отрывок до конца, стихи настолько поразили меня своей остротой и искренностью, что я решил написать письмо их автору. Через несколько дней на моем рабочем столе в секретариате ООН на Ист-Ривер зазвонил телефон. Я снял трубку, спокойный голос сказал:

— Добрый день, говорит Джен Барри.

В тот же день мы договорились о встрече. Джен — один из составителей и одновременно один из 33 авторов необычной темно-зеленой книжечки, появившейся на книжных прилавках всех крупнейших городов США. Все 33 автора — молодые поэты, большинство из которых никогда раньше нигде не печатались. Но не только в этом необычность поэтической антологии. Все 33 ее автора — ветераны вьетнамской войны. И все их стихи — против войны. Как и защитный цвет обложки, название сборника — «Покорение сердец и умов» — тоже символично: таков был официальный лозунг лжефилантропической программы «Умиротворения и перемещения», провозглашенной Соединенными Штатами в отношении населения Южного Вьетнама. Только у поэтов-ветеранов этот лозунг-название наполнен совершенно иным, горьким и саркастическим содержанием.

Вместе с Дженом на встречу в «Пан-Ам» пришла Пола Кэй Пизрс. Непосредственного участия в составлении сборника она не принимала, но, как отмечается на вступительных страницах книги, ее «ободряющая поддержка и содействие» помогли составителям антологии — Джуну Барри, Ларри Роттмэну и Бэйзилу Пакету — осуществить свой замысел. После выхода книги в свет Пола организовала инсценировку антологии. Антивоенная пьеса в стихах привлекла внимание талантливого театрального режиссера Джозефа Палпа, и он решил поставить ее в своем нью-йоркском Общественном театре. Один из американских журналистов, присутствовавший на пробной постановке пьесы (где все мужские роли исполняли опять-таки ветераны), потом писал: «Меня поразило, что это была не просто антивоенная полемика. Стихи рассказывали о войне — скупые поэмы открывали мне глаза на такие грани, о которых я раньше не имел никакого представления. Несколько раз я был тронут до слез...»

Джен довольно высок, худощав, из-под рассыпающихся каштановых волос проступает высокий лоб; серые добрые глаза из-под очков смотрят глубоко, с легкой грустинкой, на бледном лице — будто предвещает тень, печать болезненной усталости. Через плечо перекинут простой ранец, из которого он достал ту самую книжечку в зеленом переплете.

ПУСТОТА ПОД ЭПОЛЕТАМИ

...Родился в Итаке — небольшом городке на севере штата Нью-Йорк. Окончил среднюю школу. Как и многие в его возрасте, колебался, не знал точно, какую дорогу лучше выбрать. В 1962 году правительство разрешило его сомнения. Джен отправился за тридевять земель — во Вьетнам, чтобы участвовать в войне, о которой он, как и многие его сверстники в США, имел самое смутное представление. Во Вьетнаме пробыл 10 месяцев, служил радистом. За этот срок осознал и увидел, что война, которую американцы ведут в Азии, похожа на ту, что они вели когда-то на своем континенте против индейцев, покоряя «дикий Запад»: те же методы унижения и изгнания коренного населения с его же собственной территории.

Но, вернувшись домой, ветеран Барри решил все-таки еще раз попытать военного счастья — только уже в мирной обстановке. И он поступает в Вест-Пойнт. По американским понятиям, для настоящего мужчины это самое престижное учебное заведение в США. Но курс не окончил. «Когда я начинал высказывать вест-пойнтским профессорам свои соображения

о Вьетнаме, о том, что американская тактика там никуда не годится, что войной там ничего не добьешься, они просто отворачивались от меня, просто не понимали и не слушали, о чем я говорю». И через два года Джен вынужден был покинуть Вест-Пойнт. «Весь этот рыцарский остов прогнил, проржавел сверху донизу. Под сверкающими доспехами и латами, под престижными эполетами — духовная пустота и сумрак...»

Потом работал в газете в Нью-Джерси. Писал, пробовал печататься. Но в редакции большинство было настроено «ура-патриотически». «Мои материалы летели в корзину, как крошки со стола. Я пробивался в газету четыре года — звонил, писал, доказывал, разъяснял, пока, наконец, однажды мою статью все-таки не опубликовали. Но большая пресса смотрит на вьетнамских ветеранов очень косо».

24-летний Джен Барри стал одним из основателей и первым президентом организации «Вьетнамские ветераны против войны» — той самой организации, которая руководила подготовкой мощных антивоенных выступлений в Вашингтоне, Нью-Йорке и других крупнейших городах страны. «Но демонстрации нынче не всегда оказываются эффективными. В наши ряды, особенно в руководство, проникает много лазутчиков, доносчиков, наши лозунги и призывы наталкиваются на глухую стену административно-юридических заповеней и разбиваются, как волны прибоя».

Действительно, многие ветераны стали искать, помимо демонстраций и митингов, другие формы выражения своих настроений, мыслей, чувств.

ПРОБУЖДЕНИЕ СОВЕСТИ

И многие стали находить эти формы. Прежде всего в искусстве — например, в живописи, театральной деятельности, в кинематографе. Разумеется, у каждого ветерана, решившего навсегда забыть про автомат и взяться за перо, кисть или кинокамеру, были на этот счет свои личные мотивы и обстоятельства. Но тут есть и общая, судя по всему, главная причина: эмоциональное потрясение, угрызения совести и моральное разочарование, которые испытывают десятки тысяч молодых американцев, прошедших боевое крещение в грязном болоте под названием «вьетнамская авантюра». Потрясение и разочарование, которые каждодневно еще более усугубляются другими хроническими болезнями Америки — преступностью, безработицей, «мышинной возней» в учреждениях и ведомствах, фетишизмом перед материальными благами, духовной проституцией.

Ветеран Карл Стрингхэм избрал своей эстетической отдушиной живопись. Первое, что он решил изобразить на своих полотнах — это невинную жертву, «смерть человека без определенной политической или национальной принадлежности». До отправки во Вьетнам он испытывал «двойственные чувства в отношении участия США в этом конфликте в Азии». Однако вскоре по прибытии на место назначения его «моральное несогласие» с ролью Америки в этой войне стало твердым. Художник превратился в выжженный, полностью атрофированные клочья земли, над которыми стлалась отвратительная смесь из запахов грязи, взрывчатки, пота и крови.

Среди всех жанров искусства, в которых американские ветераны вьетнамской трагедии все активнее пробуют сегодня свои творческие силы, особое место занимает поэзия. Доверять поэзии самые глубокие «эмоциональные потрясения», душевные разломы — естественное свойство человеческой природы, особенно природы молодой и незаурядной.

Джен Барри стал серьезно заниматься поэзией всего несколько лет тому назад. Он явился одним из инициаторов создания в рамках организации «Вьетнамские ветераны против войны» издательской группы «Пресса 1-й жертвы». Название было заимствовано из фразы великого древнегреческого драматурга Эсхила: «В войне первая жертва — истина». «Пресса 1-й жертвы» поставила перед собой цель — с помощью художественного слова раскрыть американцам глаза на истину о войне, поведать нынешнему и будущим поколениям жестокою правду об ужасах и уродстве тех антигуманных дел, которые меняющиеся правительство США неизменно пытались изобразить как «борьбу за свободу и демократию».

Сборник «Покорение сердец и умов» — заглавная книга «Прессы 1-й жертвы» из серии публикации такого рода. Вошедшие в сборник стихи были выбраны из весьма обширной поэтической «картотеки» вьетнамских ветеранов, которая составлялась в течение всех последних лет. Стихи расположены в такой последовательности и в таком хронологическом порядке, что в целом сборник позволяет читателю совершить умозрительную «военную экскурсию» в Юго-Восточную Азию.

Примечательны обстоятельства, предшествовавшие появлению этого сборника в свет. Рукописи предлагались 42 издательствам, в том числе церков-

ным и подпольным типографским фирмам, но всюду Барри, Роттмэн и Пакет получали отказ. По мнению ветеранов, книгу отвергали не из-за каких-то эстетических соображений, а просто потому, что издатели полагали, что о Вьетнаме все давно всем известно и для читателя эти стихи будут неинтересны.

В конце концов составителям и авторам «Покорения сердец и умов» удалось занять 2 000 долларов, и рукопись была напечатана. Ларри Роттмэн погрузил несколько тысяч экземпляров сборника в машину и отправился в путешествие из Бостона в Сан-Франциско. Слово путешествующий торговец, свалившийся из XVIII или XIX века, он продавал книгу прямо из кузова грузовика, давая по ходу интервью и читая стихи всем, кто его об этом просил. Одновременно «Пресса 1-й жертвы» рассылала предложения и рекламные листки по почте, так что вскоре первые 10 000 экземпляров антологии разошлись по всей стране, а еще некоторое время спустя положительные отзывы или упоминания о книге появились в таких крупнейших журналах США, как «Нью-Йорк таймс бук ревью», «Сатердей ревью» и «Эсквайер».

ЛЮДИ И АНТИЛЮДИ

Во введении к антологии ее составители пишут: «Эти ветераны разрушили американский миф о «врожденной невинности». Многие политические деятели, профессора-теоретики и историки, говоря о войне в Индокитае, просто манипулируют словами, ищут виновников, будто весь вопрос в том, что из себя представляет эта война — «трагедию без подлецов» или «подлую трагедию». Американцы отчаянно стараются убедить себя, что они не соучаствуют в преступлениях, совершаемых их сыновьями и лидерами. Поправление законов, насилие переполнили чашу терпения. Эта поэтическая антология представляет собой попытку развеять кошмарный сон, предотвратить национальное безумие. Эти стихи зарождались и писались под огнем. Мы были и остаемся частицей зла. И огонь все еще жжет».

...В тот вечер мы просидели часа три. О чем только не говорили... На другой день утром, покачиваясь в электричке, которая мчала меня на работу, я держал в ладонях скромную темно-зеленую книжечку, подаренную мне Дженом и Полой, читал стихи, философски задумчивые и смешные, обличающе резкие и лирически мягкие, удачные и неудачные, но всегда неподдельно искренние.

— У себя в стране Трин Во Ман был поэтом,
в глазах своего народа был он ученым,
для своих земляков в деревне —

почитаемым, мудрым старцем.

До тех пор, пока в его страну не явились незванно
голубоглазые гости и не убили его.

Джен Барри, 29 лет.

—...Ночью вьетнамский крестьянин
о политике не размышляет.
Он страшится богов войны, сеющих горе на его земле.
Земле, что кормила и привлекала его
задолго до нашего появления в этих краях.
Когда мы уйдем отсюда с позором и унижением,
станет ли он нашим братом?

Ларри Фрайз, 28 лет.

—...Рубашка моя в крови, сестричка, спаси меня, я умираю.
Я Америка. Америка умирает в Азии вместе со мной.

Уильям Саймон, 26 лет.

—...Разве есть еще способ какой-то иной спасения жизни,
кроме отказа от смертоубийства?
Солдат погибает в болотной грязи,

пока я пишу эти строки;
ребенок, прячась, дрожит и плачет от страха,

когда вы читаете эти строки;
и старик, весь в морщинах, трется спиной о старую хижину —
у него нет обеих рук.

Что все это значит? Я страшусь узнать об этом.
Джон Стюлетт, убит во Вьетнаме.

Война не возникает просто так, случайно. Ее начинают антилюди. После всякой войны остаются руины, пепел, прибавляется надгробных камней, сирот, вдов. После всякой войны остаются увечья и раны. Но вот проходит время — и на месте руин встают новые дома, из-под пепла начинают выбиваться зеленые рожки травы, а на теле зарубцовываются раны. Кроме одних — ран нетелесных, духовных. Многие годы будут они беречь душу и сознание честных людей, которые волею судьбы оказались пешками — жертвами тех самых антилюдей, на чьей совести лежит первый ход в самой бессмысленной и жестокой игре на земле — войне.

...Самая долгая война окончена.

Или так нам лишь говорят?

Но я все еще слышу ночами,
как в снах моих пушки гремят...

ОШИБКА ПРОФЕССОРА

11 декабря 1981 года исполняется сто двадцать пять лет со дня рождения Г. В. Плеханова.

Пионером марксистской мысли в России назвал Плеханова на юбилейной сессии Академии наук СССР 7 октября 1975 года Леонид Ильич Брежнев.

В предлагаемом вниманию читателей рассказе «Ошибка профессора» речь идет о событиях жизни Плеханова в конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого века.

1

Уже несколько лет жил Георгий Валентинович Плеханов в эмиграции, в Швейцарии. За эти годы было сделано главное — произошел разрыв с народниками, была создана первая русская марксистская группа «Освобождение труда», написаны первые русские марксистские книги «Социализм и политическая борьба» и «Наши разногласия».

В эмиграции у Плеханова родились две дочери — Лидя и Жена. Жена Плеханова, Розалия Марковна, воспитывая детей, не оставляла мысли завершить свое медицинское образование, прерванное отъездом из Петербурга. Она пробовала сначала учиться в Берлинском университете, потом поступила в Женевский. Заветной ее мечтой было получить диплом доктора, найти врачебную практику и освободить наконец мужа от уроков, которые он давал для заработка. Розалия Марковне хотелось, чтобы Плеханов целиком принадлежал только революции, и она не щадила себя, в буквальном смысле этого слова, разрываясь между хозяйскими заботами, детьми, работой в больнице и занятиями в университете.

Георгий Валентинович, как мог, помогал жене. Каждый день он ходил гулять с Лидой и Женей. Прогулка всегда длилась ровно час. Одной из главных обязанностей отца в эти ежедневные шестьдесят минут были занятия с дочерьми русским языком. Вокруг все говорили по-французски, но в доме Плехановых был принят только русский.

Они выходили на берег Женевского озера. Георгий Валентинович усаживал Лиду и Женю рядом с собой на скамейку и начинал рассказывать сказку.

— В некотором царстве, в некотором буржуазном государстве, а точнее сказать, в конституционной монархии, жил-был царь...

— Палочка, а что такое царь? — спрашивала младшая, Жена.

— Ох, уж это мне швейцарское республиканское воспитание! — смеялся отец. — Ну, не царь, а король...

— Английский король? — очень серьезно спрашивала старшая, Лидя.

— Пожалуй, что и английский, — соглашался рассказчик. — Так вот, однажды в этой конституционной монархии что-то очень уж плохо стали жить люди. Вот собрались они вместе и говорят: братцы, а что же это мы с вами так плохо живем? Не убить ли нам нашего царя-короля...

— А у царя были детки? — спросила маленькая Жена.

— Ха-ха-ха! — засмеялся счастливый отец. — Молодец, Женька! Сразу видно марксистское происхождение и европейский жизненный опыт!.. В том-то и дело, что у царя полным-полно было деток! И как только его убили, они сразу же сели на его место, и ничего не изменилось: люди по-прежнему жили очень плохо...

— Все равно царь нехороший, — нахмурилась Лидя, — он мучает лошадок... Правда, папа?

— Вообще-то говоря, хороших царей не бывает. И мучают они не только лошадок... Но из этого вовсе не следует, что лучшая форма борьбы с царем — убить его. Это, знаете ли, милые дамы, только у нас в России некоторые торопливые и романтично настроенные господа могли позволить себе роскошь так думать.

— Палочка, а Россия большая?

— Очень большая. Настолько большая, что иногда ее невозможно даже понять умом, как сказал один очень хороший русский поэт... Тот же самый поэт писал, что в Россию можно только верить... Но в какую Россию, милостивые государи и милостивые государыни, вы прикажете нам верить? В Россию прошлого? В Россию идеализированной сельской общины с ее кондовой патриархальной самобытностью? Нет, милостивые государи и милостивые государыни, в эту, выдуманную вашим воспаленно-субъективным мозгом, самобытную Россию мы верить не будем. Мы верим только в Россию будущего, в пролетарскую Россию, в Россию победившего рабочего класса!

— Палочка, а мы поедем когда-нибудь туда?

— Обязательно! Собственно говоря, именно для того-то мы здесь и сидим и, вызывая нарекания старых друзей, пишем против них свои книги, чтобы непременно поехать когда-нибудь в будущую Россию.

— И возьмем с собой все свои куклы?

— Конечно, возьмем... Но позвольте, милые дамы, вы, кажется, слишком увлеклись политикой. Какой урок вам был задан?

— Сказка о царе Салтане.

— Во-первых, не Салтане, а Салтане. А во-вторых, что мы с вами сегодня только о царях и толкуем?

— Палочка, не сердись. Хочешь, я тебе расскажу сказку о попе и его работнике Балде? Будешь слушать?

— С огромным удовольствием. Эта правдивая и поучительная история всегда вызывала у меня массу положительных ассоциаций. Здесь, кажется, впервые в русской литературе упоминается о наемном труде. И кроме того, дан замечательно верный образец классового поведения господина Балды — с первого щелчка прыгнул поп до потолка. а? Просто великолепно!

Неожиданно возникло предложение преподавать русский язык и литературу в частной школе в Кларане. Одновременно появилась возможность там же вести занятия с детьми богатого русского промышленника.

Розалия Марковна решительно восстала против этого.

— Ты не имеешь права отрывать себя от теоретической работы, — заявила она. — Для чего же тогда ушла из движения я? Для чего мы уехали из России? Для того, чтобы учить грамоте отпрысков какого-то паршивого фабриканта?

— А что будут есть наши дети? — мрачно спросил Плеханов. — Бульон из моих черновиков?

— Я возьму дополнительное дежурство в больнице, — твердо сказала Розалия Марковна. — а ты должен только писать. В этом твой долг перед революцией. И, если хочешь, мой тоже... Тысячи людей в России ждут от тебя твоих книг, твоего слова о новых путях нашего движения. И ты не имеешь никакого права не оправдать их ожиданий!

— Роза, мой дорогой и единственный человек, — волнуясь, тихо сказал Жорж, — я вечно буду

благодарить небо за ту минуту, когда оно подарило мне тебя... Нет таких слов, которыми можно было бы выразить мои чувства... Я преклоняюсь перед твоим великим сердцем... Но я должен взять эти уроки, они мне необходимы для равновесия души, для той же теоретической работы, наконец! Книжки пойдут с перекосом, с браком, если я буду угрызаться мыслями о том, что у наших детей нет молока!

Розалия Марковна настаивала, убеждала, опровергала все доводы в пользу уроков, но Георгий Валентинович был неумолим. Густые его брови «кустились» муро и грозно, в глазах загорелись «иголки» бесповоротного принятого решения. И Розалия Марковна поняла: спорить бессмысленно.

2

Теперь все было хорошо. Постоянный заработок внес успокоение в семейную обстановку, сгладил острые углы и (как он и предвидел) упорядочил прежде всего его собственные теоретические занятия. И это было самое главное.

Наладившийся наконец быт как бы прибавил Георгию Валентиновичу новые силы — время, уходившее на уроки в Кларане, сторичей окупалось страницами новых рукописей, хотя работать приходилось в основном по ночам. Писалось легко и быстро, голова была свободна от вязких мыслей о денежных неурядицах, впервые за много лет он получил возможность спокойно, регулярно и систематически заниматься научной работой. Идеал бытия — революция, наука, семья, уравновешенное и надежное демократическое европейское жизнеустройство, — робко намеченный когда-то в Петербурге, во вздернутой уздой бесправия, насилия и произвола России, казалось, был близок к осуществлению.

Но ему самому, привыкшему к постоянным изменениям своей жизни, эта внезапно наступившая стабильность казалась чем-то неправдоподобным.

Череды состояний, смена положений, чехарда ситуаций — весь сложный комплекс бесконечных превращений действительности — были для него «азбукой» понимания всех событий, происходящих в мире и в его собственной судьбе.

Постоянство изменений стало основой основ его мироощущения, в котором (по закону всеобщей связи и взаимообусловленности явлений) и все личные элементы не выходили из зоны притяжения этого незыблемого принципа.

И вот теперь жизнь вступила в твердые берега неменяющихся обстоятельств. Было в этом нечто беспокоеное, непривычное, лишенное постоянной борьбы и ежедневного ощущения преодоленных препятствий.

...Необходимость зигзага, «рокировки», перемены местами «плюсов» и «минусов», взрыва внутренней тишины возникает на этот раз не только как желание поднять состояние души еще на один виток, но и как почти биологическая потребность всего организма, для которого покой и равновесие всегда были небытием, и только крутые повороты, метаморфозы, скачки — истинным и единственно приемлемым бытием.

И, может быть, именно потому, что жажда изменений «сушит» в те недели и месяцы (уроки в Кларане) не только душу, но ею переполнено все его физическое существо, «рокировка» обстоятельств происходит в самой неожиданной форме, бесконтрольно, вне пределов его психических возможностей, за чертой сознания и воли.

Организм перегружен непосильным для одного человека напряжением, резервы плоти исчерпаны до конца — ей нечем защищаться. И «плюсы» меняются местами с «минусами» стихийно, катастрофически. Зигзаг перемен поражает самое ослабленное место — физическое естество.

А «дух» неприступен. Дух не подвержен больше никаким изменениям. Дух отвердел неопровержимой системой новых марксистских взглядов и убеждений. Время метаморфоз духа прошло. Поиски мировоззрения завершены.

Беззащитна только плоть.

И плоть взрывается.

А внешне все выглядит самым невинным образом. По дороге из Кларана он пересекает на пароходе Женевское озеро. Дует легкий ветер. Стоя на корме, Жорж оживленно разговаривает с эмигрантом из России, армянином Матевосом Шахазизяном. Матевос яростно ненавидит все нации, ранее угнетавшие и продолжающие угнетать его родину. В словах его слышны иногда плохо скрываемые нотки национализма. И Георгий Валентинович, смертельно уставший после уроков в Кларане, тем не менее всю дорогу упорно спорит с Шахазизяном, разбивая одну за другой все националистические позиции своего темпераментного собеседника.

Над озером моросит мелкий дождик. Жорж поднимает воротник, но с кормы не уходит. Матевос, кажется, начинает уже по-настоящему разбираться в проблемах интернационального братства пролетариев всех стран.

— Значит, ты считаешь, товарищ Плеханов, что среди турок, зарезавших столько армян, у меня могут быть товарищи по классу?

— Конечно, могут. Армяно-турецкая вражда всегда была делом рук имущих слоев населения с обеих сторон. Твои постоянные враги — это и богачи-турки и богачи-армяне. А каждый бедняк-турок всегда был и будет твоим братом.

Дождь кончился, но ветер продолжает играть волнами. Пароходик медленно тащится через озеро, уныло шлепая по воде своими допотопными колесами.

...Вечером Жорж рассказал «в лицах» об этом замечательном разговоре на пароходе домашним. Розалия Марковна хохотала до слез, когда муж «показал», как, бешено закричав на все Женевское озеро «Змерть капиталу!», Матевос бросился обнимать его, Плеханова.

После двенадцати часов, уложив всех спать, Георгий Валентинович сел за статью для польского социал-демократического журнала о Лассале. Работалось необыкновенно споро, Жорж видел перед собой лохматое, чернородое лицо Матевоса, и ему казалось, что он пишет статью одновременно и для польских читателей и для армянина Шахазизяна на одном, понятном рабочим всех стран и национальностей языке.

А к утру его начали беспокоить боли в груди. Разбухшая кашлем мужа, Розалия Марковна вышла из комнаты, где спала вместе с детьми.

— Что с тобой? — тревожно спросила она. — Ты простудился?

Жорж бросил на нее мгновенный взгляд. Глаза его лихорадочно блестели.

— Роза, а статейка, кажется, удалась!

— Тише, разбудишь девочек...

— Змерть капиталу!

Розалия Марковна быстро подошла к письменному столу.

— По-моему, надо измерить температуру...

— С превеликим удовольствием! Я просто мечтаю сделать это. Но только если получи градусник, ясновольможная пани, из ваших бесценных ручек.

Температура была 38,6. Розалия Марковна немедленно уложила мужа в кровать. Кашель усиливался. Днем пришел знакомый врач и определил простуду. Георгий Валентинович пытался подняться и снова сестра застала его за столом о Лассале. Но Розалия Марковна, как медичка, понимала—дело обстоит гораздо серьезнее, чем обыкновенная простуда.

Через два дня другой врач, более опытный, нашел у Плеханова сухой плеврит. Болезнь прогрессировала с какой-то невероятно стремительной быстротой. Кашель сделался почти непрерывным. Георгий Валентинович задыхался. Температура, несмотря на все принятые меры, твердо держалась около сорока градусов.

Плеханов сильно похудел, лицо его осунулось, глаза «ушли» под лохматые брови глубоко и печально.

Розалия Марковна, встревоженная не на шутку, попросила одного из своих университетских преподавателей, профессора Цану, собрать консилиум.

Профессор, испытывая либеральные симпатии к русской революционной эмиграции и зная, что материальное положение семьи Плехановых оставляет желать много лучшего, согласился провести консилиум бесплатно.

Консилиум долго не мог собраться. Местные женеvские профессора не понимали, почему они должны консультировать русского без всякого вознаграждения.

Наконец усилиями Цану доктора все-таки собрались. И прежде всего их поразила сильнейшая степень истощенности организма больного. Почтенные, румяные, седебородые медики с удивлением смотрели на землистое лицо русского эмигранта, утонувшее в подушках.

После первого же знакомства с анализами врачи быстро и многозначительно переглянулись. Зашелестели холодные латинские фразы. Розалия Марковна, услышав их, побледнела. Анализы повторили.

Диагноз был единодушным—скоротечная чахотка. Через несколько дней профессор Цану, не глядя на рыдающую Розалию Марковну, тихо сказал, что мужу ее осталось жить не более шести-семи недель...

3

— Роза, пить...
 — Жорж, это не Роза, это я, Вера Ивановна... Вот вода...
 — Роза, воды...
 — Жорж, милый, это я—Засулич... Пейте осторожно, маленькими глотками...
 — Роза, пить... скорее!...
 — Жорженька, дорогой, неужели вы не узнаете меня?! Это же я—Вера, Вера, Вера!...
 — Зачем вера?... Кому верить?... Для чего? Дайте хотя бы воды...
 — Жорж, вы уже целый стакан выпили, больше нельзя...
 — Кусок льда... очень прошу... пожалуйста...
 — Господи, он ничего не слышит!...
 — Русского льда дайте... снегу... В России много снегу... мороз, зима... У нас в Липецке большая зима, длинная... Россия большая... а здесь только слякоть... Где Вера Ивановна?...
 — Я здесь! Я здесь!
 — Все, конец... Надо прощаться... Позовите детей... Нет, оставьте с Розой, вдвоем... Роза, прости, вспоминай... Мама, прости... И вы, паленка...
 — Жорж, Жорж! Я Вера Ивановна! Где вы? Где вы?!

— Как жалко... Ничего не сделано... Только начато...
 — Плеханов, не уходи! Не умирай!!! Я не смогу жить без тебя... Мне нечего будет делать на земле без тебя!... Засулич умрет вместе с тобой!...
 — Кто плачет? Дождь... соленый... А умирать не надо, правильно... Надо жить... Кто это?... Вера Ивановна, вы?
 — Господи, наконец-то!! Это я, это я!.. Жоржинька, милый, вы слышите меня?
 — Вера, откройте окно...
 — Все окна открыты...
 — Как я рад вас видеть! Вы со мной! Вера... Надо верить, надо верить...
 — Все будет хорошо, Жорж... Вы поправитесь, вы уже выздоравливаете...
 — Нет, Вера, я скоро умру... Я все знаю... От этого не выздоравливают...
 — Господи, какие глупости вы говорите, Жорж! Просто стыдно слушать...
 — Смерть рядом стоит, я вижу ее, вот она... не надо обманывать себя...
 — Жорж, повторяйте за мной—Вера, Вера, Вера...
 — Зачем?
 — Повторяйте!!
 — Вера... Вера... Вера...
 — Надо верить Вере... Я выздоравливаю, я поправляюсь...
 — Смешно...
 — Жорж, повторяйте, умоляю!
 — Надо верить Вере... Надо бы, конечно, верить Вере Ивановне Засулич, что я поправляюсь, но увы...
 — Никаких увы!.. Соберите всю свою волю, Жорж... У вас же огромная воля... Вам предстоит еще много сделать, мы же действительно только начали...
 — Природа не признает субъективных усилий, Вера. Природа всегда берет свое...
 — Вера, Вера, Вера... Надо верить Вере...
 — Вера, Вера... Надо верить... Сударыня, позвольте, да вы просто смешите меня...
 — Жоржинька, дорогой, смеяться надо мной сколько угодно! Я буду специально смешить вас.
 Ну, повторяйте за мной: ха-ха-ха.
 — Ха-ха-ха...
 — Прекрасно! Замечательно! Великолепно!.. Жорж, хотите бульон? Отличный куриный бульон. Хотя бы две ложки, а?
 — Бульон?... Мда-а... Ну что же, две ложки, пожалуй, можно...

— Вера Ивановна...
 — Да, Жорж...
 — Сколько сейчас времени?
 — Половина третьего.
 — Дня?
 — Нет, ночи...
 — А почему вы не спите?
 — Я сплю.
 — Сидя?
 — А я люблю спать сидя.
 — Верочка, скажите: Роза была вчера на занятиях в университете?
 — Была.
 — А кто же сидел с детьми?
 — Аксельрод.
 — Павел? Он разве был здесь?
 — Да, два дня. Уехал вчера вечером.
 — Целых два дня? А почему я не видел его?
 — Вы... задремали, когда он приехал...
 — Задремал на два дня?
 — Вам нездоровилось, и мы решили не беспокоить вас...
 — То есть я опять потерял сознание и на этот раз на два дня, не так ли?
 — Ну, не совсем на два...
 — Вера Ивановна, сколько дней вы сидите около моей кровати? Только честно.
 — Жорж, вам вредно так много разговаривать...
 — По моим подсчетам дней двенадцать, тринадцать... Вы примчались сюда через сутки после консилиума... Значит, прошло уже две недели из шести, отпущенных мне на жизнь этим ветеринаром-профессором Цану...
 — О чем вы говорите, Жорж? Какие шесть недель?
 — Не надо, Верочка... Я слышал профессорский диагноз в разговоре Цану с Розой. У меня, знаете ли, прекрасный слух. Мне бы на трубе в оркестре Марининского театра играть...
 — Вы ничего не могли слышать.
 — Чахотка есть чахотка. Тем более скоротечная.
 — Я бы на вашем месте сейчас заснула...
 — Нет уж, увольте. Два дня спал, не просыпаясь. Аксельрода проспал... На том свете выспимся... А на этом дайте поговорить—только это мне и осталось...
 — Уши вянут от ваших слов, Жоржинька...
 — А вы знаете, Вера Ивановна, я вам сейчас скажу кое-что очень важное... Я ведь, если как следует разобраться, почти ничего полезного для людей в своей жизни сделать так и не успел. Только начал, как вы совершенно справедливо изволили заметить...
 — И это говорите мне вы, Плеханов?
 — А что Плеханов?... Ну, что такое Плеханов?... Нигилист, ниспровергатель, изгнанник... Чем он обрадовал человечество, этот Плеханов?... Изобрел книгопечатанье? Открыл законы электричества? Построил первую паровую машину?
 — А наша группа «Освобождение труда»? Первая русская марксистская группа?
 — «Освобождение труда»?.. А, собственно говоря, где она, эта группа? Ну, основать мы ее основали, а что дальше? Игнатов умер, Дейч арестован... Из основателей осталось только трое—вы, я и Аксельрод. А скоро... Впрочем, что же она успела сделать, эта так называемая группа?
 — Основала «Библиотеку современного социализма» на русском языке...
 — Так, дальше...
 — Выпустила две книжки некоего господина Плеханова...
 — Весьма сомнительное достижение...
 — Издала сочинение Фридриха Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»...
 — Энгельса? Вот это уже действительно полезно для человечества.
 — Установила связь с социал-демократической группой Благоева в Петербурге...
 — Как жалко, что их так быстро разгромили, а Благоева выслали из России...
 — Но он же прислал из Софии письмо... Разве вы не помните, Жорж? По сути дела, это уже твердо установленная интернациональная связь, прямое теоретическое влияние. Мы посеяли добрые семена марксизма в мыслях и чувствах этого молодого болгарина...
 — Согласен, согласен... Но сеять их надо еще более широко и щедрой рукой... А нас мало... Все, что мы сделали, пока еще только один маленький зеленый росток на огромном неспаханном русском поле.
 — Жорж, все еще впереди... Мы стоим у начала дороги... Но у нас уже есть единомышленники и последователи в России...
 — А сколько принесено жертв?
 — Мы сделали только первые шаги... Жорж!.. Жорж! Что с вами? Что с вами?

— Вера... окно... воды...
— Роза! Роза! Ему опять плохо!

— Роза, где ты?..
— Жорж, я здесь...
— А Вера Ивановна?
— И она здесь...
— Разбудите детей... дайте лед... или снегу... очень трудно дышать... воды, пожалуйста...
— Вера Ивановна, он снова бредит...
— В Липецке луга заливные... за речкой... стога в лугах... а лошади в ночном стоя спят...

Положат головы друг на друга и спят...
— Вера Ивановна, что же делать? Что делать? Он погибает на глазах. Я этого не выдержу...
— Роза, не плачьте, успокойтесь... Надо вытаскивать его из болезни, надо рассказывать ему, вспоминать... Чтобы интерес к жизни не погас в нем, чтобы ему захотелось сделать еще несделанное.

4

— Верочка, двадцать третий день сегодня пошел... Три недели осталось...
— Жорж, у вас какая-то странная арифметика...
— Не у меня, а у него, у ветеринара...
— Мне кажется, что этот профессор Цану вообще ни черта не смыслит в медицине!
— Я же говорю — ветеринар
— Жорж, а не пора ли вам пообедать?
— Аппетита, Верочка, никакого...
— Тем более что Павел Борисович Аксельрод прислал сегодня великолепную сметану и творог... Кроме того, есть земляника и гусиный паштет.
— Землянику и гусиный паштет тоже Аксельрод прислал? Откуда у него деньги на землянику?
— Землянику купили студенты...
— Какие еще студенты?
— Русские студенты, обучающиеся в Женевском университете.
— Ну, Вера Ивановна, это, знаете ли, черт знает что!.. Я, может быть, действительно болен и беден... И в доме у меня столы стоят без скатертей... И семья моя спит на железных кроватях, укрываясь солдатскими одеялами... Но никаких подачек я принимать не собираюсь!
— Люди от души собрали деньги...
— Лев Дейч сидит в кандалах на каторге в России, а Жорж Плеханов в это время в Женеве, видите ли, будет жрать гусиный паштет!.. Да за кого вы меня принимаете?
— При чем тут Дейч, когда туберкулез-то у вас?.. И вам нужно поправляться и набираться сил, чтобы заменить и Дейча и Васю Игнатова... Ешьте немедленно землянику!
— Не буду я есть никакой земляники!
— Ешьте!
— Не буду!
— Тогда возьмите творог или сметану!
— Вы цербер, Вера Ивановна!
— А вы глупец! Берите сметану, кому говорят?
— Ну, хорошо, ложку сметаны я съем, но ареста Дейча я все равно никогда не прощу ни вам, ни себе — никому!

— Теперь уже поздно вспоминать об этом... Кстати, Жорж, о нашей программе... Вам не хотелось бы вернуться к некоторым ее формулировкам?
— С какой целью?
— С очень конкретной... В свое время первый проект нашей программы мы назвали «Программой социал-демократической группы «Освобождение труда»».
— Ко времени составления первого проекта это было точное и оправданное название.
— Но после того, как Благоев сделал свои замечания и мы — вернее вы — внесли их в текст, второй вариант получил уже иное наименование: «Проект программы русских социал-демократов».
— Это вполне естественно. Мы объединили с Благоевым свои программные положения.
— Но жизнь движется вперед, Жорж, не так ли? Не без влияния изданной нами марксистской литературы в России с каждым годом появляются все новые и новые кружки явно выраженного социал-демократического направления. Не пора ли нам еще более расширить название нашей программы?
— Например?
— «Программа русской социал-демократической рабочей партии».
— Нет, нет, Вера Ивановна, это преждевременно. Рабочей партии в России еще нету. Нельзя желаемое выдавать за действительное... И поэтому бессмысленно сочинять программу деятельности несуществующей организации. Поправки в нашу программу будет вносить сама жизнь: развитие социалистической теории и, в частности, развитие русской общественной мысли, а самое главное — рост рабочего движения как во всем мире, так и в нашей благословенной матушке России. Нам же должно заниматься сейчас самым важным для России практическим делом — продолжать вносить элементы марксистской мысли в сознание передового русского общества, продолжать переводить, издавать и отправлять в Россию сочинения Маркса, Энгельса, Гегеля, Фейербаха, Лассалья и других социалистических писателей.
— Жорж, кстати сказать, а как вы себя чувствуете?
— Представьте себе — намного лучше. Мне даже кажется иногда, что наш почтенный ветеринар профессор Цану может блистательно оконфузиться со своими шестью неделями...
— Дай-то бог!
— Вера Ивановна, разрешите задать вам один нескромный вопрос... Когда вы спите?
— Тогда же, когда и вы. Мы в это время меняемся с Розалией Марковной.
— А если ее нет дома?
— Приходит кто-нибудь из друзей. Например, русские студенты, обучающиеся в Женеве, против которых вы так ополчились.
— Судя по тому, что я сплю очень мало, вы не спите совсем.
— Жорж, я сплю совершенно достаточно.
— А если и вы заболаете? Что же тогда останется от «Освобождения труда»?

5

Вера Ивановна Засулич «отбила» Плеханова у болезни. Шесть недель, пока угроза смертельного исхода витала над кроватью больного, не выходила она из дома Плехановых. Полтора месяца, день в день, провела Засулич около Георгия Валентиновича, разговаривая с ним каждую минуту, когда это было возможно, «заговаривая» болезнью, будоража волю, разжигая искру интереса к жизни, к борьбе, к будущему.
И опасность отступила. Смерть попятилась перед напором жизни.
Спустя два месяца после вынесения своего «рокового» диагноза профессор Цану, осмотрев безнадежного больного, вышел в соседнюю комнату и удивленно сказал Розалии Марковне:
— Это уникальнейший в медицине случай, коллега. Человек должен был умереть, но усилием воли остановил разрушение собственных легких. Потрясающий факт!

— Ему нельзя умирать, профессор, — тихо сказала стоявшая рядом Вера Ивановна. — Ему надо довести до конца революцию в России.
— Весьма уважительная причина, — согласился, улыбнувшись, Цану, — но для этого придется жить только на горных курортах — Божи, Аннемас, Давос... Климат Женевы из-за своей сырой и ветреной погоды абсолютно противопоказан.
Когда он ушел, на глаза Розалии Марковны навернулись слезы.
— Горные курорты... — горько вздохнула она. — О каких горных курортах может идти речь, когда в доме нет буквально ни одного франка? Только чудо может спасти его.
Вера Ивановна, осунувшаяся, похуевшая, кутаясь в старую, потертую шаль, твердо сказала:
— Деньги будут...

Засулич написала письмо Сергею Кравчинскому в Лондон: «Сергей, — писала Вера Ивановна, — жизнь Плеханова висит на волоске. Первый натиск чухотки нам удалось отразить, но она может вернуться каждый день... Я думаю, не надо объяснять, что Жорж — это половина нашего дела, если не больше. Плеханов — мозг революции. Его здоровье для будущего России сейчас важнее, чем жизнь любого из нас. Нужны «суммы», чтобы окончательно вылечиться на горных курортах...»
И «чудо» произошло. Кравчинский достал деньги.

Вера Ивановна перевезла Плеханова в горную деревушку Морне.
Георгий Валентинович постепенно поправлялся — медленно выходил на прогулку, подолгу грелся на альпийском солнце, глядя на зеленеющие внизу сочной травой яркие луга. Горный воздух делал свое дело — жизнь возвращалась к Плеханову.
Деньги из Лондона приходили регулярно, с точностью часового механизма. Сергей Кравчинский, сам испытывая огромные материальные затруднения, ни разу не задержал перевода ни на один день.
Это дало возможность перебраться сначала в Божи, а потом в Давос — крупнейший туберкулезный курорт Европы, природные условия которого считались наилучшими для исцеления легочных заболеваний.
Была снята комната в самом дешевом пансионате, Вера Ивановна — смешная, нелепая, в единственном своем старомодном платье, в стоптанных туфлях — привозила необходимые книги, газеты, рукописи, помогая Жоржу снова войти в «форму». Рукон Засулич под диктовку Георгия Валентиновича были написаны первые его после болезни статьи.
Сама Вера Ивановна жила впроголодь, экономя каждую копейку для оплаты пансионата Плеханова. Нередко с ней случались голодные обмороки, кружилась голова, отнимались ноги. Но она ото всех скрывала свое болезненное состояние. Главным для нее было поставить на ноги Жоржа — вернуть группе «Освобождение труда» боевое перо ее лидера.

Два человека сидели в кафе Ландольта в Женеве.
— ...И этот блестящий ученый, этот мыслитель европейского уровня — философ, историк, экономист, диалектик, — горячо говорил по-русски первый собеседник, — живет в нищенских униженных условиях, без всяких средств, без какого-либо твердого обеспечения, зачастую не имея денег на еду для себя и своей семьи!..
— Вы о Плеханове? — поинтересовался второй собеседник.
У него была странная манера вести разговор — он сидел почти боком к говорившему, высоко подняв голову. Все дело заключалось в том, что человек этот был слеп от рождения.
— Конечно, о Плеханове! Он только что выкарабкался из объятий туберкулеза... Спасла Вера Засулич... Тоже феномен!.. Быть знаменитой на всю Европу своим выстрелом в петербургского градоначальника и сорок суток просидеть у постели больного... Какая-то фантастическая, жертвенная самоотдача! Вплоть до полного самоотречения и даже самоумножения во имя идеи!.. Никаким древнегреческим героям и титанам не снилась такая высота духа...
— Так вы говорите, что Плеханов материально очень плох? — задумчиво спросил слепой.
— Хуже не бывает... Огромный талант, энциклопедическая образованность, выдающийся ум — гений, духовный вождь нового направления в русской революции, а вынужден зарабатывать на хлеб насущный какими-то жалкими уроками... Да и тех теперь лишился после болезни. Только у нас, в России, могут так пошло, так бездарно пробрасываться своими великими пророками!
— Не преувеличиваете?
— Нисколько!.. Ему из наших заграничных оракулов никто в подметки не годится! Он же марксист, властитель дум, на него вся здешняя социалистическая молодежь богу молится, как на святого!.. Его сам Энгельс выше всех в русской революции ставит.
— А ваше личное к нему отношение?
— Преклоняюсь... В полном смысле этого слова.
— Вы, очевидно, уже знаете, — тихо сказал слепой, — что я располагаю некоторыми средствами. Не могли бы вы от своего имени предложить кое-что Плеханову... Я бы хотел, естественно, остаться в стороне.
— Для себя лично не возьмет ни копейки!.. Это уже проверено. Бессребреник, чистойшей душа!.. Все отдал на марксистские издания.
— Издания? Это любопытно. Меня как раз именно это и интересует. Хотелось бы распорядиться деньгами в пользу какого-нибудь стоящего нелегального журнала... Вы не могли бы коротко свести меня с Плехановым?
— Хоть сегодня!.. Впрочем, лучше завтра. Надо предупредить заранее. Он очень строг к своему времени. Все расписано до получаса, минуты зря не потеряет... Мы иногда здесь просто удивляемся — после болезни еле на ногах держится, а дисциплинирован, как римский легионер.
— Вы что-то очень уж расхваливаете своего Плеханова...
— Да ведь есть за что... Редкого обаяния человек, я таких, признаться, никогда и не встречал. Впрочем, завтра сами убедитесь... Я вам твердо обещаю — получите наслаждение. Но хочу дать совет: говорите с ним кратко, ясно, определено, без всяких исповедей. Он их терпеть не может.
— Меня это устраивает. Я человек деловой, к излишней чувствительности тоже не привычен.
— И никаких витиеватых речей, никаких заумных разговоров по поводу того, что, мол, счастливы беседовать с самим Плехановым, с ним не затевайте. Можете нарваться на злую шутку. Он собеседника сразу отгадывает на всю глубину, с первых двух-трех фраз. А ироничен и насмешлив, как бес.
— Вы, милейший, нарисовали такой отталкивающий портрет, что мне теперь с вашим Плехановым и встречаться-то не захочется...
— Я специально взял самую крайнюю степень, чтобы предупредить и подготовить вас... Жорж — человеческий экзemplar, противоречивый и сложный, но, повторяю, великолепный!.. Если сладитесь, он сам перед вами душой раскроет. За тридцать — сорок минут узнаете такое, о чем раньше просто и не догадывались. И совершенно по-другому начнете понимать жизнь и природу отношений между людьми. Как будто заново на белый свет появился.
...Слепым человеком, ведшим разговор в кафе Ландольта в Женеве, был приехавший из России известный адвокат Кулябко-Корецкий. После нескольких встреч с Плехановым он представил в распоряжение группы «Освобождение труда» значительную сумму денег, которая позволила молодым русским марксистам издать первый русский социал-демократический периодический сборник.
Он так и назывался — «Социал-демократ».

КАК А.А. ФАДЕЕВ РАБОТАЛ НАД РОМАНОМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

об этом вспоминают:

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ в годы Великой Отечественной войны

Николай МИХАЙЛОВ

Краснодон, маленький шахтерский городок Ворошиловградской области, родина легендарных героев «Молодой гвардии». Осенью 1946 года сюда для сбора материалов о боевой работе юных подпольщиков прибыл Александр Александрович Фадеев. Перед тем как отправиться в Краснодар, он подробно изучал в Центральном Комитете ВЛКСМ материалы о деятельности «Молодой гвардии». Их собрали работники ЦК А. Торицын и В. Соколов во время длительной поездки на место событий.

— Я необычайно потрясен прочитанным, — говорил мне Александр Александрович во время беседы, когда обсуждалась идея создания романа о «Молодой гвардии».

...Роман «Молодая гвардия» Елена

Николаевна Кошечкина, естественно, встретила с глубоким интересом и душевным волнением. На его страницах А. А. Фадеев прекрасно показал духовные истоки мужества и стойкости молодежи, воспитанной ленинской партией. Этой книге он отдал всю силу своего таланта, всю любовь к наследникам

славы и мужества революционных поколений. И в личных беседах со мной, и в публичных выступлениях писатель подчеркивал свое восхищение делами комсомольцев и молодежи в годы тягчайших испытаний.

Впервые я увиделся с Еленой Николаевной вскоре после освобождения

Краснодона от немецко-фашистских захватчиков. Потом мы встречались не однажды, и всегда Елена Николаевна поражала меня своей выдержкой, целеустремленностью.

Несколько лет назад вышла ее книга «Повесть о сыне» — взволнованный рассказ, полный удивительно ярких подробностей о героизме, мужестве, отваге молодежи в годы войны. С глубоким уважением храню я эту книгу, на которой Елена Николаевна сделала надпись: «Примите мою повесть как святую память о моем милом Олежке, о его короткой, но светлой жизни».

Во время одной из бесед с Еленой Николаевной я попросил ее поделиться воспоминаниями о жизни Александровича в Краснодоне, его встречах с людьми. Это было в 1972 году, и через некоторое время она передала мне свои записки. Думаю, что они представляют интерес и дают много для понимания А. А. Фадеева как писателя-коммуниста, автора замечательных книг, на которых и впредь будут воспитываться многие поколения молодежи.

Елена КОШЕВАЯ

Об Александре Александровиче Фадееве можно много говорить как о большом художнике, обаятельном человеке, коммунисте кристальной чистоты.

Впервые я встретила с Александром Александровичем в Москве в августе 1943 года в ЦК ВЛКСМ, куда я была приглашена Николаем Александровичем Михайловым, первым секретарем ЦК ВЛКСМ, для встреч в воинских частях, с рабочей молодежью, учащимися, работниками печати.

Высокий, стройный, сероглазый, Фадеев одет был в костюм военного покроя. Его добрые, умные глаза, да и манера держаться с собеседником быстро располагали к откровенности.

В то время Фадеева интересовала борьба подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия», действовавшей на временно оккупированной немцами территории Краснодона. Он сказал мне, что будет писать большой роман о жизни, борьбе и гибели молодогвардейцев, о руководителях-коммунистах.

Александр Александрович говорил, что деятельность краснодонских подпольщиков близка ему, она во многом схожа с его юностью: в гражданскую он участвовал в боях на Дальнем Востоке.

В 1943 году, в сентябре, Фадеев посетил Краснодар. К большому удовольствию всей семьи, он поселился в нашей квартире, где и прожил месяц. Александр Александрович занимал одну комнату. Здесь он беседовал с родителями молодогвардейцев и оче-

видцами событий, писал, кончая работу далеко за полночь. Отдыхал он совсем мало, спал недостаточно. Много ходил пешком, знакомился с Краснодоном, шахтными поселками, с бытом каждой семьи молодогвардейцев.

Вечерами, когда у Фадеева было свободное время, да и вообще, когда ему хотелось поговорить с нами, мы все вместе усаживались за стол, пили чай, и каждый говорил о наблевшем. Александр Александрович делился впечатлениями прожитого дня, снова

и снова восторгался мужеством и патриотизмом подпольщиков Краснодона. Особенно ему понравились образы Ульяны, Любы, Сережи, Олега.

По тому, как он держал себя, чувствовалось, что Фадееву в нашем доме, в нашей семье приятно и небезынтересно. Много беседовал он с моей мамой, бабушкой Олега, Верой Васильевной Коростелевой. Фадеев рассказывал ей о своей матери-труженице, которая была для него примером чуткости, отзывчивости,

скромности, высокой ответственности за свои поступки и любви к людям, к Родине, к русской природе.

Фадеева интересовало буквально все. Обладая большим тактом и особой душевной теплотой, Фадеев легко добивался от своего собеседника полного откровения.

Потом я встречалась с Фадеевым, когда роман «Молодая гвардия» был написан и вышел в свет.

В беседе со мной Фадеев интересовался, насколько правдиво удалось ему передать в романе внутренний мир Олега, его характер, а также образы молодогвардейцев, которых я знала. Я горячо поблагодарила Александра Александровича за непревзойденный по своей духовной силе роман «Молодая гвардия», в котором, как я предположила, с каждым годом любовь народная будет становиться все больше, все благодарней.

Встречалась я еще с Фадеевым на конгрессах сторонников мира, на конференциях и съездах, в Союзе советских писателей в Киеве, на празднике 30-летия Советской Украины. Здесь, в Киеве, я и Александр Александрович были приглашены на премьеру оперы Мейтуса «Молодая гвардия». Фадеев был потрясен отличной постановкой оперы. Александра Александровича и меня пригласили после спектакля встретиться с артистами. Писатель сердечно поблагодарил артистов за прекрасное исполнение, здесь же мы все сфотографировались.

При каждой встрече Фадеев находил время поговорить со мной, не забывал спросить, как дела в Краснодоне, что сделано по увековечению памяти молодогвардейцев.

Для меня Александр Александрович Фадеев остался высоким примером коммуниста, перед памятью которого я низко склоняю свою голову.

ВЭФ ВЛ

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото Сергея ВЕТРОВА.
Специальные корреспонденты «Смены»

Наш сегодняшний разговор об информации. Но не о ней вообще—эта тема безбрежна,—а только о предприятии, производящем аппаратуру для ее сбора, обработки и передачи на расстояние.

Для начала небольшой тест.

Кто выпустил ваш телефон? Попробуйте ответить, не глядя на фирменный знак аппарата. Ну, а обслуживающая вас АТС чьего производства? Тоже не знаете? Вам приходилось звонить в другой город по автомату? В Москве, на Таганке, недавно была построена автоматическая междугородная телефонная станция. Набираешь код нужного города, номер телефона вашего друга в этом городе и свой собственный—и через несколько секунд, сидя в московской квартире, разговаривай себе с приятелем, который в это время находится за тысячи верст. Очень удобно: не надо нервно стучать по рычагу, призывать к добросердечности невидимую девушку-телефонистку, надоедать ей комплиментами, угрожать, возмущаться. Просто набрал колонку цифр—и говори. А вот кто создал такую хорошую штуковину? Пошла бы речь об автомобиле, холодильнике, ружье или том же транзисторном приемнике—сразу бы и завод-изготовитель назвали и модель изделия, все его сильные и слабые стороны.

В музее рижского производственного объединения ВЭФ имени В. И. Ленина мне показали тронутый коррозией транзисторный приемник. Болгарские путешественники супруги Папазовы в свое кругосветное плавание на крошечной парусной лодке взяли радиоприемники нескольких зарубежных фирм. Самым надежным оказался серийный «ВЭФ-206», аппарат второго класса. После того как жестокий шторм в Тихом океане сломал мачту и киль, залил утлую посудину Папазовых, вся радиоаппаратура вышла из строя. Только «ВЭФ» в течение следующих 67 суток на всем четырехтысячечемильном переходе к острову Таити продолжал нормально работать, оставаясь единственной нитью, связывавшей отважных исследователей с остальным миром. И когда Папазовы ушли в свою очередную кругосветку, они, естественно, опять взяли с собой транзистор вэфовцев—новенькую «Спидолу» последней модели.

Понимаю, что этот выигрышный во всех отношениях факт должен наполнять законной гордостью сердца работников объединения. Но, честно говоря, мне стало немного обидно за те многочисленные телефонные аппараты, которые были выставлены на музейных стендах рядом с транзистором-путешественником. Они были просто моделями, образцами телефонной продукции, и ни об одном не говорилось, сколько раз он спасал жизнь своему хозяину, вызывая «Скорую помощь», сколько предупредил пожаров, назначил свиданий, соединил человеческих судеб... Это показалось несправедливым, тем более что и на телефонах и на транзисторе был один фирменный знак—три вписанные в круг стилизованные латинские буквы «VEF».

Поэтому простим потребителю однобокость его представлений, согласно которым ВЭФ—это радиоприемники и

магнитолы. Ему невдомек, что, хотя выпуск объединением этих изделий приближается к полутора миллионам штук в год, они только часть его продукции, и не самая главная. Чем ныне славен ВЭФ—так это производством коммутационной аппаратуры в широком ассортименте. Тут и автоматические междугородные телефонные станции вроде таганской в Москве, и районные, работающие еще на стародавних шнурках, и координатные емкостью от ста до двух тысяч номеров, и так далее и так далее, вплоть до обычных телефонных аппаратов. Не буду перечислять всего, что производит объединение, скажу только: в своей отрасли промышленности ВЭФ—признанный лидер, и его имя может в такой же степени быть олицетворением этой отрасли, как Братская ГЭС—энергетики, «Уралмаш»—машиностроения, Магнитка—черной металлургии.

Как мастер на все руки стал узким специалистом

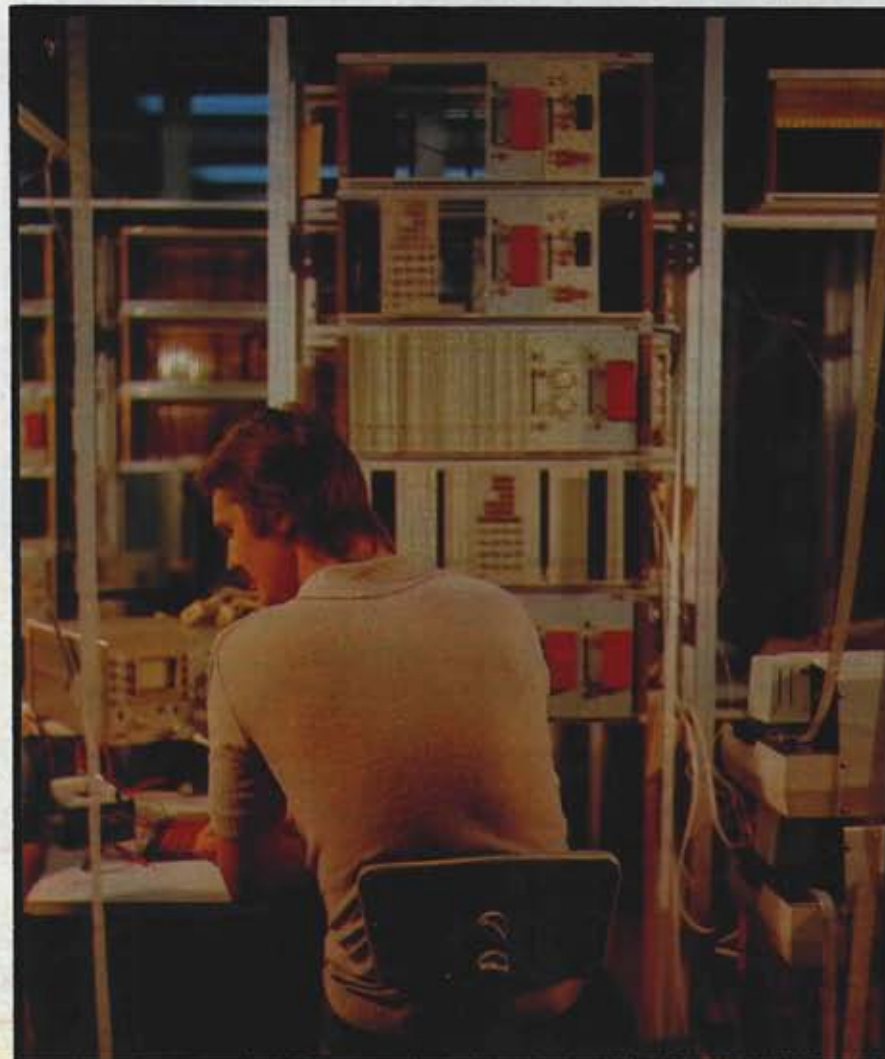
Свою родословную оно ведет от государственных мастерских по ремонту почтово-телеграфного оборудования, созданных в апреле 1919 года одним из первых декретов первого Советского правительства Латвии. Сейчас обязательно подчеркивают, что одновременно были основаны Латвийский университет, Академия художеств, консерватория, художественный музей, Государ-

КВАЗИЭЛЕКТРОННАЯ АППАРАТУРА — ПОСЛЕДНЯЯ НОВИНКА ВЭФОВЦЕВ.

ственная библиотека. Такое солидное соседство должно, по идее, лишней раз показать, сколь серьезным событием было и создание мастерских, потому что, взятые сами по себе, они выглядели не особенно убедительно: всего пять человек рабочих во главе с Александром Типайнисом. Должно быть, существовавшие в те времена средства связи большего и не требовали.

Шло время, мастерские постепенно превратились в солидное предприятие—Государственную электротехническую фабрику, сокращенно (по первым буквам латышского названия)—ВЭФ.

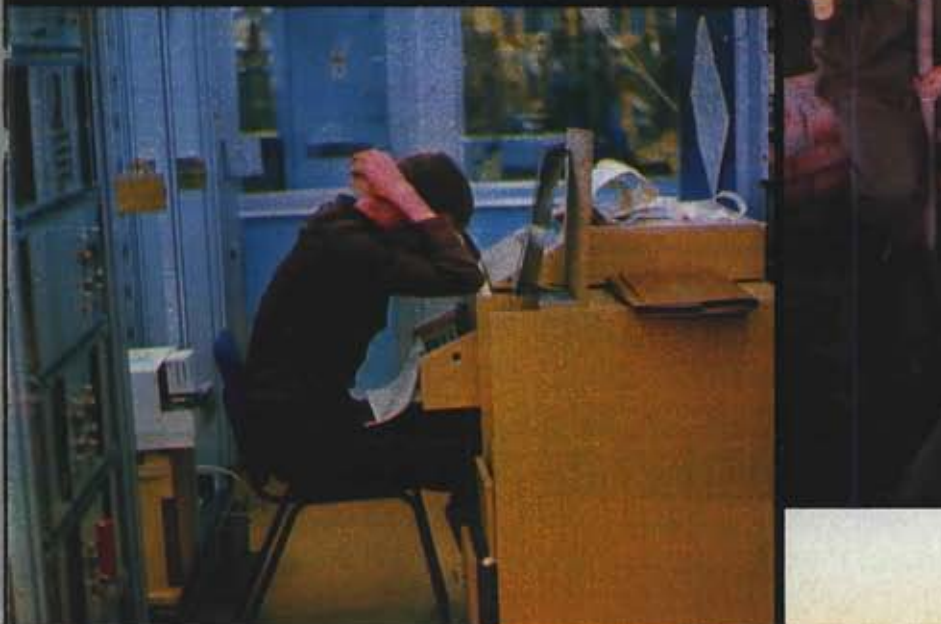
В сельскохозяйственной буржуазной Латвии это предприятие было не в силах конкурировать на внешнем рынке с зарубежными фирмами, ориентировалось на внутренний. Бралось за любую работу, лишь бы продукция находила спрос. Разразившийся в начале тридцатых годов мировой экономический кризис еще больше подхлестнул эту тенденцию. Когда сейчас знакомимся с номенклатурой тех лет, на ум невольно приходит поговорка: хочешь жить—умей вертеться. ВЭФ выпускал пылесосы и электролампочки, фотоаппараты «Минокс» и утюги, фотобумагу и почтовые фургоны, клейма для бекона, в ту пору главного продукта латышского экспорта, и коньки, радиоприемники, часы, вентиляторы, счетчики, весы, трансформаторы, телефоны... Он построил 12 маленьких самолетов и 6 (!) автомобилей. И все это конструировалось, разрабатывалось здесь, на ВЭФе, способствуя повышению квалификации его кадров. Постепенно электротехническая фабрика

ТРУД МОНТАЖНИЦЫ— ЭТО ПРЕЖДЕ ВСЕГО АККУРАТНОСТЬ.

НОВЫЕ ПРИБОРЫ— ВСЕГДА НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ.

ИЩАЖ

становилась, помимо всего прочего, кузницей специалистов широкого профиля.

Как всякое солидное предприятие, она захотела иметь свою визитную карточку. В 1932 году был проведен конкурс на лучший фирменный знак, в котором приняли участие видные художники. Победу тогда присудили одному из признанных фаворитов. Но так уж получилось, что наиболее простую и в то же время выразительную эмблему предложил двадцатидвухлетний свой же, взфовский, конструктор-оформитель — по-современному дизайнер — Адольф Ирбите. Правда, прошло два года, прежде чем все убедились, насколько удачно сумел он вписать в круг три стилизованные буквы, ставшие с тех пор привычной эмблемой предприятия.

Война не миновала завод, нанесла ему большой урон. Оккупанты разруши-

**У ВАСИЛИЯ ФИЛИПОВА
РЕДКАЯ ПРОФЕССИЯ —
«ТРЕНИРОВЩИК» АТС.**

**НОВОЕ РОЖДАЕТСЯ В СПОРЕ —
ТВОРЧЕСКИЙ ПРИНЦИП
БРИГАДЫ АРТЕМЦЕВА:**

ли цеха, увезли часть оборудования, разграбили или уничтожили много сложной аппаратуры. Красная Армия освободила Ригу 13 октября 1944 года, а уже 28 ноября был пущен один из цехов ВЭФа.

И вновь потекла жизнь, полная трудов и забот, с той лишь разницей, что теперь предприятию предстояло найти достойное место в экономическом комплексе всего Советского Союза. Это во многом упрощало, но одновременно и усложняло его задачу. Приятно слыть мастером на все руки, но более узкая специализация, известно, повышает эффективность производства. И ВЭФ должен был выбрать главное для себя дело. Им стало производство радиоприемников и средств связи. Остальная многочисленная номенклатура была передана на другие предприятия, причем некоторые из них отпочковались от ВЭФа, превратившись в самостоятельные заводы, обретая со временем весомые позиции в своих отраслях. Так что ветеран стал как бы отцом нескольких предприятий, теперь уже довольно солидных, известных на всю страну, может быть, даже забывших былую кровную связь с «родителем», но тем не менее несущих в генах наследственный

признак: добротность, высокое качество выпускаемой продукции.

Сужение сферы деятельности благотворно сказалось и на самом ВЭФе. Не распыляя силы по мелочам, он смог сосредоточить все свои знания, накопленный опыт на главном направлении и, улавливая быстро меняющуюся конъюнктуру, всегда оказываться в нужный момент там, где рождалось новое, более прогрессивное.

Первый советский малогабаритный переносный ламповый приемник «Турист», работавший на батарейках, начал выпускаться на ВЭФе. Здесь же был освоен и первый наш транзистор «Спидола». Свое название он получил по имени героини латышского эпоса, но у многочисленных его владельцев, не знавших латышского языка, название приемника ассоциировалось не с прибалтийским эпосом, а с надежным и удобным изделием, поэтому спидолами стали называть любые малогабаритные транзисторные радиоприемники, как отечественные, так и зарубежные. (Примерно то же случилось с микроавтобусами Рижского автобусного опытного завода РАФ: «рафиками» у нас называют любой автомобиль подобного типа, независимо от того, выпущен ли он в Риге, Ереване, Ульяновске, Польше или ФРГ.) К сожалению, ни завод, ни наша торговля не уловили этой тонкости потребительской психологии. «Спидола» была лишь родоначальницей целого семейства взфовских транзисторов. Следующие многочисленные их модели

**ТРУДОВОЙ СЕМЕСТР —
НА ВЭФЕ.**

не имеет аналогов в мировом спортивном приборостроении. Это вынуждены признать даже наши конкуренты.

Так вот, я видел «Гимнаста-2» в отделе технических исследований ВЭФа еще тогда, когда его готовили к поездке в Москву. И, поверьте, лица людей, причастных к изготовлению этой элегантной аппаратуры, сияли и были не менее праздничными, чем она сама. Чувствовалось, что их комплекс им самим очень нравится. И только один человек в этой компании именинников недоволен казался:

— После этого «Гимнаста» многие его создатели уйдут с ВЭФа: этой работой они себя хорошо зарекомендовали, вот их и сманят более высокими окладами и должностями.

Я промолчал, но брошенную фразу запомнил и, когда под самый конец командировки встретился с генеральным директором объединения Олегом Константиновичем Ленёвым, попросил прокомментировать ее.

— Я не думаю, что многие разработчики «Гимнаста-2» уйдут от нас. ВЭФ — крупная фирма, и человеку с конструкторской жилкой тут есть где развернуться. И главное: создание этого комплекса дало знания и опыт, которые трудно переоценить. Вполне возможно, что эта работа станет толчком к выпуску какой-то новой аппаратуры, необходимой народному хозяйству. Не исключено, что кто-то из специалистов действительно уйдет, как уходят отличные работники, выращенные нашим объединением, на другие заводы, фабрики, в научно-исследовательские учреждения и конструкторские бюро. Но это естественный процесс. ВЭФ — крупнейшее предприятие Латвии и нашей отрасли, и его задача гораздо шире, чем выполнение плана по выпуску заданной номенклатуры. Наши масштабы, возможности, наши квалифицированные кадры позволяют ВЭФу влиять на техническую политику не только своей, но и других отраслей народного хозяйства.

И то, что выросшие у нас специалисты читают лекции в вузах и техникумах, выдвигаются в руководители других предприятий, я думаю, плюс нашему коллективу: он выпускает не одни транзисторы, магнитолы, коммутационную технику — он «выпускает» знания, опыт, высококвалифицированные кадры.

В этом мнении меня укрепила еще одна «изюминка» взрощенцев — комбинат питания. Когда мне в первый раз порекомендовали посетить его, я вежливо поблагодарил, но подумал: на моем веку было много заводских столовых, если одну пропущу — меня не убодет. Потом о комбинате мне стал говорить каждый собеседник, и каждый удивлялся, что я еще там ни разу не отобедал. Пришлось сдаться.

Оказалось: действительно комбинат, а не столовая.

Три этажа. Первый — зал диетических блюд и кулинария, в которой можно не только купить готовые полуфабрикаты, но и заказать их к предстоящему семейному торжеству.

Второй этаж целиком отдан под комплексные обеды, третий — под казакскую кухню и пельменную. Всюду самообслуживание.

Вроде бы никаких отклонений от обычного стандарта. Особенность — в деталях, мелочах. Например, в зале комплексных обедов — восемьсот посадочных мест — вам предложат три разных набора блюд. Подносятся они на подносах по трем разным конвейерам. Против каждого конвейера не только меню с названием блюда, но и точный подсчет их калорийности. Стоимость обеда — шестьдесят копеек. Три двугривенных вы бросаете в прорезь автомата при входе в зал — воротца, как в метро. Этот же автомат считает, сколько человек отобедало сегодня. На выходе вы можете выбрать обед на завтра и нажать соответствующую кнопку еще одного автомата: он все подсчитает, и уже сегодня повара комбината будут знать, сколько завтра потребуется борщей, щницелей, гуляшей и компотов.

Кстати, обедать можно и в кредит. В этом случае на выходе вы подаете свой пропуск, а оператор введет его шифр в запоминающее устройство, оно суммирует вашу задолженность, сообщает в бухгалтерию, а та в конце месяца вычитает положенные деньги из зарплаты.

К какой сфере отнести это изобретение ВЭФа — экономической, производственной или социальной? Лично я уверен, что, если во время обеденного перерыва человек обедает, а не стоит в очереди за обедом, у него еще выкраивается немало времени для отдыха перед последующей работой. О нервах, настроении я уже не говорю — они не поддаются учету и оценке.

Оказалось, что ВЭФ является поставщиком и этой своей «продукции». Другие предприятия страны требуют у объединения описание и рабочие чертежи комбината питания точно так же, как требуют ускоренной отгрузки его обычной продукции.

Продолжая эту тему, хочется напомнить, что творческая личность так уж устроена, что ее созидательное начало может проявиться в самых неожиданных областях.

На заводском дворе, прямо напротив проходной, разбит уютный сквер с фонтаном. Он бьет и летом и зимой, потому что вода в нем технологическая, она была уже использована для охлаждения при разных производственных процессах, а теперь вот отдает свое тепло окружающей среде. Говорят, что в сквере свой микроклимат, что деревья тут распускаются раньше обычного и дольше не сбрасывают листву. Другие бы для охлаждения воды построили несущую радарную, на ВЭФе разбили сквер и устроили фонтан.

Думаю, что это же творческое начало выражается и в массовом увлечении спортом. И в том, что тут как-то нестандартно подошли к вовлечению подрастающего поколения в дела взрослых: в пионерском лагере детям объясняют устройство разнообразной электротехники, дают собирать простейшие схемы, учат паять, точить — иными словами, ненавязчиво прививают рабочие навыки, уважение к профессии родителей.

На этой мажорной ноте можно было бы и закончить рассказ о ВЭФе. Но вряд ли это было бы правильно. У объединения есть немало проблем, перед ним стоит немало задач, которые по своим масштабам соответствуют размерам предприятия. Это естественно. О них мне рассказывали генеральный директор объединения Олег Константинович Ленёв и технический директор ВЭФа Ивар Рудольфович Бражик.

В «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года» предусматривается обеспечить более полное удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения в услугах связи, продолжить формирование единой автоматизированной сети связи страны на базе новейших систем передачи информации, увеличить протяженность междугородных телефонных каналов в 1,8 раза, количество телефонов в городах и сельской местности — в 1,3 раза, в том числе устанавливаемых у населения — в 1,4 раза. Естественно, весомый вклад в осуществление этих грандиозных планов партии предстоит внести и рижскому производственному объединению ВЭФ имени В. И. Ленина. В XI пятилетке здесь планируется на 149 процентов повысить производительность труда, освоить четыре новые модели радиоаппаратуры, наладить выпуск квазизлектронной междугородной телефонной станции «Кварц» и электронной телеграфной станции «Курок». Как и прежде, одной из главных целей предприятия остается повышение эффективности и качества.

Задач много, но все они, в общем, вполне разрешимы, ибо решать их придется гиганту нашей индустрии — ордену Ленина рижскому производственному объединению ВЭФ имени В. И. Ленина.

В ПОДАРОК — БИБЛИОТЕКИ

К читателям и друзьям «Смены»

Напомним об эксперименте, который редакция «Смены» провела вместе со своими читателями. Мы имеем в виду создание двух библиотек в Новом Уренгое — юном городе газиков на севере Тюменской области. Без вас, вашей помощи, дорогие друзья, наша идея так бы и осталась идеей. Это вы так сердечно отозвались на просьбу редакции, прислав книги в подарок молодым воспитателям Тюменского Севера и их детям. Подарок получился превосходный. Сейчас общий фонд двух новоуренгойских библиотек превышает сто тридцать тысяч книг, из них около ста тысяч — детская литература. Со времени открытия библиотек для детей прошло уже более полугода, а бандероли и посылки с книгами в город за шестидесятой параллелью идут до сих пор — так много у хорошей затеи оказалось доброжелателей. Надеемся, что найдем у вас поддержку и на этот раз, в новом нашем деле.

В 16-м номере «Смены» мы начали разговор о проблемах детских домов и отметили такую деталь: в детских домах нет своих библиотек. Наверное, очень давно, когда жили мы победнее, кто-то решил, что детдомовские ребята вполне могут обходиться книгами из библиотеки районной или городской. И все-таки нужны, очень нужны детским домам свои собственные библиотеки. Книга — это ведь тоже воспитатель, воспитатель тонкий и умный, и ребятам, которых судьба лишила заботы отца, нежности матери, книга просто необходима. И найдутся эти добрые друзья должны не где-то далеко, а в самом детском доме, чтобы, как из семейного шкафа, мог ребенок взять книгу и открыть заветные страницы, когда будет у него на то время и желание.

Как подступиться к проблеме? Можно, конечно, дожидаться, когда государственные организации изыщут необходимые средства для комплектации библиотек в детских домах, и они, вероят-

но, рано или поздно будут созданы. Но есть и другой вариант...

Две поразительные цифры. Если сложить в общий фонд книжные сокровища всех библиотек страны, то получится собрание из пяти миллиардов томов. Но оказывается, что государственные библиотеки по своему объему и близко не могут сравниться с личными, — на руках у населения книг сегодня тридцать (!) миллиардов. Малой совсем капли этого моря достаточно, чтобы утолить жажду в книгах детдомовских ребятшек.

Журнал «Смена» вновь обращается к вам, дорогие наши читатели.

Давайте внесем и мы свой вклад в общее дело, создадим библиотеки «Смены» в нескольких детских домах и школах-интернатах для детей-сирот. И пусть это будут библиотеки, с которых можно брать пример. Какие книги присылать? Мы думаем, любящие из тех, что, на ваш взгляд, интересны детям и подросткам: художественные, научно-популярные — любые. Только одно важное пожелание: книги должны быть в хорошем состоянии, чтобы служили они долго, не одному поколению детдомовских ребятшек.

Надеемся, что на нашу просьбу откликнутся не только молодые читатели, но и люди старшего поколения, сыновья и дочери которых уже выросли, а когда-то любимые ими книги сейчас скачуют на полках. Особо ждем помощи в сборе книг от пионеров, школьников, студентов, комсомольцев — всех, кого волнует судьба детей, оказавшихся в беде.

Комплектование будущих библиотек мы решили организовать в самой нашей редакции, поэтому напоминаем адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, журнал «Смена», «Детский дом — теплый дом».

О детских домах, в которых будут открыты библиотеки, собранные читателями, мы, конечно же, расскажем на страницах нашего журнала.

Ждем вашего отзыва, ваших книг, дорогие друзья!

Владимир МАЛОВ.
Фото Вадима ОПАЛИНА

Мы улетали в Москву утром, 26 апреля. Машина мчалась в аэропорт по широкому, нарядному, залитым солнцем улицам нового города. Один поворот, другой, и мы оказались на площади, в центре которой стоял монумент. Несколько камней, один из них расколот трещиной. Мужчина держит на руках девочку, за его спиной скорбная фигура женщины...

Так выглядит памятник землетрясению, которое обрушилось на Ташкент апрельским утром 1966 года, установленный там, где был эпицентр подземной бури, о которой помнит вся страна. И здесь же, на этой площади, стоит теперь музей землетрясения, ставший, по сути, музеем братства народов страны, помогавших городу, потерпевшему немалый урон, стать новым, прекрасным Ташкентом.

И только теперь память вдруг подсказала: 26 апреля у ташкентского землетрясения был юбилей, оно случилось ровно пятнадцать лет назад. Это значило, что у ученых-сейсмологов, работающих в Ташкенте, в 1981 году тоже своеобразный юбилей. До землетрясения 1966 года в городе была лишь сейсмическая обсерватория «Ташкент», после был создан Институт сейсмологии АН Узбекистана, который стал за пятнадцать лет крупным научным центром. И, пожалуй, ни один другой сейсмический институт не расположен столь же близко от непосредственного объекта исследования. Правда, проводимые в нем работы интересны не только поэтому...

Лестница кончилась, и мы спустились на бетонные плиты пола подземного этажа, где установлены сейсмографы.

— Шаги нарушили не только тишину, — заметил дежурный инженер, наш спутник. — Они заметно всколыхнули почву под ногами.

СТРАШНЫЙ ИТОГ СТИХИЙНОГО БЕДСТВИЯ: В ИТАЛЬЯНСКОЙ ДЕРЕВНЕ ТЕОРА УЦЕЛЕЛ ТОЛЬКО ОДИН ДОМ.

В ИНСТИТУТ СЕЙСМОЛОГИИ АН УЗБЕКСКОЙ ССР ПОСТУПАЮТ ДАННЫЕ О ВСЕХ ПОДЗЕМНЫХ ТОЧКАХ, ПРОИСХОДЯЩИХ В НЕДРАХ ПЛАНЕТЫ.

Невольно мы посмотрели под ноги. Массивные бетонные плиты, казалось, не смог бы качнуть даже проехавший по ним трактор.

— Знаете, насколько чувствительны современные приборы? Если почва рядом с сейсмографом сместилась на один микрон, кривая сейсмограммы отклоняется от оси на два миллиметра. Прибор, словно микроскоп, увеличивает амплитуду колебаний в две тысячи раз. Впрочем, почва под ногами колеблется постоянно, даже без наших шагов. В любом месте Земли. Поэтому сейсмографы все время в работе...

Так началось наше путешествие в «эпицентр» узбекской сейсмологии.

Кто-то из исследователей подсчитал: на земном шаре ежегодно происходит свыше трехсот тысяч землетрясений. Подавляющее большинство из них, по счастью, оказываются лишь сравнительно безобидными толчками силой в 1—2 балла. Но время от времени над каким-нибудь районом Земли разражается страшная катастрофа. 4 февраля 1976 года, например, такая катастрофа постигла Гватемалу. Ужасающая ее арифметика такова: 22 тысячи погибших, 75 тысяч раненых, 250 тысяч разрушенных зданий и миллион человек (пятая часть населения!) оставшихся без крова.

А как происходит землетрясение? И почему одни районы сейсмоопасны, а другие нет? И наконец, можно ли предсказывать землетрясения или же они всегда разражаются неожиданно и, значит, опасны вдвойне? Вот вопросы, которые волнуют многих, и, надо сказать, пока здесь далеко не все ясно, на многое ученым только еще предстоит дать ответы. Но сеть сейсмостанций и сейсмоцентров растет во всем мире, сумма знаний увеличивается, и сегодня можно уже говорить о том, что грозная катастрофа перестала быть такой загадкой, какой была еще в начале века.

...Тело нашей планеты все время растягивается и сжимается, в ее недрах образуются грандиозные разломы, процесс формирования земной ко-

ры еще не закончен. Причем движение земных пород происходит не только вследствие чисто «земных» процессов — оно обусловлено также действием сил притяжения Луны и Солнца. Луна, оказываясь, вызывает приливы и отливы не только в морях и океанах — подобные приливы и отливы, только, разумеется, гораздо более слабые, происходят и в земной коре: она ежедневно поднимается и опускается. Это постоянное движение, вызванное и земными причинами и небесными телами, большей частью совершенно незаметно, его регистрируют лишь чуткие приборы — сейсмографы. Но бывают моменты, когда на земную поверхность выбиваются отголоски какого-то особо мощного глубинного процесса. Землетрясение!

Где-то в недрах Земли произошел разрыв в толще породы. От центра этого разрыва во все стороны с огромной скоростью побежали сейсмические волны — точно так же на воде расходятся круги от брошенного камня. И в том месте, где земная поверхность ближе всего к разлому, сейсмические волны, не успев «притихнуть» с расстоянием, демонстрируют всю свою сокрушительную мощь. Отголосок любого значительного землетрясения разносится по всей планете. Конечно, регистрируют его и приборы Института сейсмологии АН Узбекистана.

Сейсмограф — основной инструмент сейсмолога. И не только здесь, в подвале института, стоят регистраторы подземных бурь. Особо чуткие приборы спрятаны в землю еще глубже — в штольнях, уходящих вниз на десятки метров, в узкой скважине глубиной в полкилометра... Земля вздрагивает, приборы остаются в неподвижности.

Таков принцип действия современных сейсмографов. Простейший сейсмограф — это маятник.

Когда почва вокруг сейсмогра-

фа вздрагивает, маятник — массивный шар — в сравнении с колебаниями Земли остается неподвижным. Если к маятнику прикрепить записывающую стрелку и протягивать мимо нее бумажную ленту, на ленте, колеблющейся вместе с Землей, перо выведет кривую земной дрожи — сейсмограмму. Но это лишь основной принцип — на деле сейсмографы устроены гораздо сложнее. Разные у них и задачи. Ориентированы приборы на все стороны света, чтобы ученым легче было определить, откуда пришла очередная волна. Неодинакова и чувствительность приборов — одни «слышат» дальше, другие ближе. Все, что они услышали в земле, приборы передадут по проводам главному пульту. А каждая волна, записанная прибором, может добавить к тому, что уже знает человек о землетрясениях, что-то новое.

Неторопливый рассказ о том, почему происходят землетрясения и как работают сейсмографы, наверное, пора прервать. Если рассказываешь о сейсмографах, надо предвидеть самый распространенный и нетерпеливый вопрос: а научились ли они наконец предсказывать стихийное бедствие, достаточно ли теперь для этого знаний? Для многих этот вопрос и насущно важен: шутка ли, в сейсмоопасных районах планеты проживает ни много ни мало два миллиарда человек. Так можно ли по каким-то признакам предсказать район, время, размеры катастрофы?

Многие, должно быть, знают, что перед землетрясением беспокойно ведут себя домашние животные, птицы. Людям, к сожалению, научить такой «интуиции» свои приборы пока еще не удалось, и все же...

2 ноября 1978 года на границе южного Тянь-Шаня и северного Памира произошло землетрясение, отголоски которого ощущались почти во всех районах Средней Азии. Впрочем, подобное явление отнюдь не редкость в этих сейсмоопасных местах. Однако

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

это землетрясение оказалось совсем необычным. Потому что и место и время его были заранее предсказаны учеными ташкентского Института сейсмологии, которым руководит академик АН Узбекистана Г. А. Мавлянов.

Надо прямо сказать: пока такое случается не слишком часто. Однако работа ташкентских ученых позволяет говорить о том, что сейсмология перестает быть наукой лишь описательной и становится наукой практической. От регистрации, описи подземных толчков к точному предсказанию стихийного бедствия — таков ее путь. И уже не один только сейсмограф служит вооружением ученым, стремящимся разгадать тайны подземных бурь. А в том, что именно ташкентские сейсмологи добились недавно крупного научного успеха, есть, пожалуй, и своя закономерность и своя справедливость: кому же, как не им, особенно важно учиться предсказывать начало очередного подземного шторма.

— Как известно, землетрясениям сопутствуют многие физические и химические явления, — рассказывает доктор геолого-минералогических наук, заведующий отделением гидросейсмологии профессор А. Н. Султанходжаев. — Многие из них известны давно, некоторые открыты только что. Так, например, чувствительными индикаторами напряженного состояния горных пород являются химический, газовый, радиоактивный составы подземных вод. И вот, как установили исследователи нашего института, перед землетрясениями они изменяются, следуя вполне определенным закономерностям. Наше отделение и изучает эти закономерности. Да и другие лаборатории института непосредственно занимаются важной проблемой прогнозирования землетрясений. Во время сильных землетрясений изменяются величины магнитного поля Земли — это явление изучают сотрудники лаборатории геофизических методов. А лаборатория наклонотрии уже имеет некоторый

опыт обнаружения напряженного состояния горных пород по изменению скоростей наклонов. Ведь земная поверхность испытывает наклоны, скорость которых меняется накануне и во время землетрясений. Изучают наши ученые и трещинообразование, вертикальное движение земной коры... По крупицам собираются новые знания о признаках грядущего бедствия.

Наступление на тайны грозного природного явления идет, как видите, самым широким фронтом, и только такая комплексная работа может принести успех. Добавим к этому, что и место работ должно охватывать обширный район. У нас, например, три геодинамических полигона — Ташкентский, Андижанский и Кызылкумский. Данные, собранные на них, поступают в институт, в комиссию по прогнозу землетрясений.

А предсказанное нами землетрясение? За день до его начала в комиссию по прогнозам с полигонов поступили сообщения о повсеместном большом колебании в содержании углекислого газа, гелия, родона, изотопов аргона и углерода; наблюдались возмущения составляющих геомагнитного поля. Особенно ярко эти аномалии проявились близ Андижана. Все полученные данные и позволили прийти к выводу, что землетрясение может произойти в ночь с 1 на 2 ноября 1978 года, причем характер гидрогеохимических аномалий на различных участках позволил предположить, что эпицентр, возможно, будет располагаться в Алайской долине. Землетрясение произошло 2 ноября, в пятьдесят минут второго ночи по местному времени, и параметры его были близки к предсказанным...

— Если не ошибаемся, эта сверхточная работа ташкентских сейсмологов вызвала очень большой интерес? — спросили мы.

— Да, в институт пришло много писем из разных стран; ученые-коллеги

интересовались мельчайшими подробностями осуществленного прогноза...

И все-таки... И все-таки сделать предстоит куда больше, чем уже сделано. И по-прежнему ученые по мельчайшим крупицам будут собирать новые знания о том, что происходит в земных недрах, и по-прежнему инструментом номер один останется у сейсмологов все-таки сейсмограф. Почему?

Мы стоим в комнате где установлен главный пульт, куда регистрирующие приборы передают «голос» Земли. На стенде перед дежурным инженером десятки приборных стрелок и сигнальных лампочек. Сидящий за пультом всегда может узнать, как работает любой из чувствительных приборов. Каждые шестьдесят секунд перед глазами дежурного вспыхивает одна из лампочек, раздается щелчок — прошла минута. Есть здесь и еще одни часы — кварцевые, сверхточные. По ним определяют расстояние до эпицентра какого-либо землетрясения. Дело в том, что сейсмические волны приходят от места землетрясения к сейсмографам двумя порциями: сначала продольные, потом поперечные. Зная скорость, с какой они распространяются в земных породах, по разности времени их регистрации определяют пройденный волнами путь... А неподалеку от пульта стоит на специальном постаменте огромный глобус, вращающийся в отличие от обычных вокруг Ташкента — на нем сейсмологи отмечают точки услышанных приборами глубинных процессов. Здесь же и главный «летописец» подземных бурь. Широкая лента ползет по барабану снизу вверх, на ней суется стрелки нескольких самописцев, выводящих на ленте графическую запись колебаний планеты.

Если где-то снова сильно вздрогнет земля, первым об этом узнает дежурный. Сейсмографы отметят приход волны — стрелки вздрогнут сильнее, чем обычно. А каждая волна, повто-

рим это, принесет сейсмологам новые знания о том, что творится в земной коре, и о том, как устроена Земля. Ведь не секрет — сегодня человек знает о земных глубинах куда меньше, чем, скажем, о космосе. Он проник в глубину планеты всего лишь на несколько километров, о том же, что происходит ниже, пока можно только догадываться. А ведь для того, чтобы получить полное и окончательное представление обо всех тайнах и обо всех слагаемых землетрясения, надо хорошо знать, как, во всех подробностях, «устроена» наша планета.

Именно об этом могут многое рассказать сейсмические волны. Стремясь на поверхность, они проходят сквозь земное ядро, мантию, кору. Физические характеристики волн при этом меняются, по этим изменениям можно делать какие-то предположения. Сейсмологи настойчиво учатся понимать язык волн...

А теперь давайте немного помечтаем. О том времени, когда человек сумеет не только предсказывать землетрясения, но и предотвращать их, гасить глубинные процессы прямо в недрах, защищая земную поверхность от опасных потрясений. Когда человек сможет проникнуть в глубинные толщи и разрушить, обезвредить зарождающийся очаг, подобно тому, как это делают сегодня метеорологи с градовыми тучами или летчики с торосами на весенней реке. Уже есть, например, такой проект: заливать в скважины, пробуренные в сеймоопасных зонах и расположенные в определенном порядке, воду. Это должно снимать внутреннее напряжение пород. Впрочем, такой опыт пока был поставлен только в лаборатории. И кто знает, каким окажется окончательное решение, которое позволит человеку еще раз — не в первый и далеко не в последний! — выйти победителем в его очередной схватке со стихией. Наверное, многое для этого решения сделают и сейсмологи, работающие в Ташкенте...

ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ ТЕХНИКА ПОМОГАЕТ УЧЕНЫМ ПРОГНОЗИРОВАТЬ ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ. У ПУЛЬТА ЭВМ ИНЖЕНЕР ВЛАДИМИР ХРУЛИН.

У КАЖДОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ СВОЙ ПОЧЕРК.

ПО РАССКАЗАННО?

Владимир БУЛЫЧЕВ

Недалеко по теперешним понятиям деревенька эта от областного центра — города Кирова: два часа на электричке. Только отгрохотали колеса по рельсам, смолкло все, и показалось, словно в другую — тихую, замедлившую свой ход — жизнь потянулась от переезда слабо протоптанная тропинка.

Десятка полтора домов. И редко какой порадуется крашеной дощатой обшивкой да резными наличниками — серые стоят дома, устало глядят на мир грустными глазами окон, подернутыми бельмами наледи. Да и перед кем красоваться им? Давно уж остались и в Леушинных и в Соловьях, в той деревне, куда я держал путь, одни старики да старухи. Люди свой век доживают, а дома — свой, и не до красоты им.

Одинокая согбенная старуха возле поленницы дров обернулась, услышав скрипучие шаги по снегу, и долго ждала, к какой же избе завернет незнакомец — редки они в здешних местах...

О человеке, к которому я направлялся, ходят по вятской земле легенды. Рассказывают люди о том, как, вернувшись после войны в родную деревню, надумал фронтовик голыми руками пруд копать возле своего дома. Долгие годы копал, а как закончил дело, принялся по берегу пруда деревья сажать. Около шестисот уже растет, а он высаживает все новые и новые, словно хочет всю соловьевскую землю сделать садом.

По-разному толкуют люди о фронтовике: кто героем назовет, а кто чудачком. Слыхали о нем многие, а

просто хороших, но обязательно рожденных вот этой землей — Соловьями, Леушинными и другими соседними деревнями.

Деревья долговечней людей. Вот почему так волновала мысль, что суждено им, пожалуй, пережить и нынешних соловьевцев да и их бревенчатые избы. И не окраиной жизни начинал представляться этот тихий уголок, а центром ее, и казалось несправедливым, что вдали стучат по рельсам электрички и провозят мимо людей, что не идут люди поклониться деревьям-памятникам. А может быть, и придут когда-то? Придут и постоят молча вот на этой аллее, где у каждого дерева — свое имя, а если нет имени — ты можешь сам его мысленно дать, вспомнив отца своего или деда...

На берегу пруда на самом видном месте стоит трехметровый цилиндр, заостренный кверху. Если приглядеться к нему, то нет нужды читать надпись, чтобы догадаться, что это гигантский карандаш. Сквозь налет ржавчины на железе проглядывают слова, слова складываются в строки: «Карандаш в мире пишет обо всем. Карандаш пишет ночью и днем. А история молчит о нем, — когда и как он родился, в каком столетии писать научился. А карандаш этот пишет везде: «Люди, храните мир на земле!».

Я хотел отвести глаза и пройти дальше. Но потом перечитал слова еще раз и еще дважды. И вдруг понял с неожиданной силой истинный смысл этих строк, простив их автору, как узнал я позже, шесть классов образования, и пробившись сквозь неуклюжесть их и непозитичность. А смысл в них заключен глубокий. Ведь нам только кажется, что бесследно для истории проходят какие-то эпизоды. Каждое событие и каждая судьба зачтутся, словно запишутся в незримую книгу. А когда случаются такие большие потрясения, как войны, то уж тут с особым усердием трудится память людская, стараясь залечить все до деталей в урок потомкам, в назидание.

Вот и его карандаш — аллегория памяти — безве-

артиллерийского грома не страшнее комаров, тогда они поняли, что такое война.

Однажды он увидел двух солдат, сидевших на снегу недалеко от окопа спинами друг к другу. Подполз к ним и удивился: нашли где дремать. А потом, хотя много уже повидал смертей за несколько суток, стало ему страшно оттого, что принял мертвых за живых. Тогда и понял он вдруг, открыл для себя жесточайший закон войны: человек здесь может быть только живым или только мертвым, иного состояния, иных характеристик ему не положено.

В палатке для раненых, с пулей в груди он был не самый тяжелый. Старшего лейтенанта, командира той роты, где воевал его двоюродный брат, пулеметчик, он спросил:

— Как там Рогожников Васька, братан мой?

— Нет твоего брата в живых. Миной его... сначала в ноги, а потом в живот.

Веселый был Васька, мировой был парень. Только когда враг бьет из всех орудий, нет на свете веселых, грустных, задумчивых. Есть живые и мертвые.

— Веселый был Васька, братан. Жил в деревне Рогозята, верстах в двадцати отсюда. Вон там он стоит, вон туда гляди, наискосок.

Мы идем по саду, и я не первый раз замечаю, что говорит Николай Григорьевич о своих деревнях, как о людях, чьи имена они носят. Иногда поправится: вот братаново дерево. А чаще именно так: вот он, братан, или друг детства, или земляк. И в этом, как я понял, смысл его труда. Для того и растит он свои деревья, чтобы, пережив столько тяжелых утрат, не чувствовать сейчас себя одиноким.

Его дерево растет тут же, в тополиной аллее, такое же, как другие деревья, — не выше их и не толще в стволе. И о нем он говорит точно так же: «Вот там я стою».

В начале апреля после лечения в госпитале он вернулся в свой взвод. Их подразделение находилось

ДЕРЕВЬЯ С СОБСТВЕННЫМ

уж в Котельничском районе, где находится его деревня, наверное, и вовсе каждый. Вот и в электричке любопытный немолодой попущик, разузнав, кто я и на какой остановке сойду, понимающе улынулся: «А ведь знаю я, по чью вы туда едете душу — к Коле Шахтарину. Точно?»

Прав попущик. К нему еду. И именно по его душу. Ибо хочется мне понять, что за душа дана природой человеку, готовому копать пруд и растить сад, не взвешивая в своей увлеченности, есть ли проку в таком его непосильном труде: кому ж будут служить пруд и сад в отжившей свое, обезлюдевшей уже сейчас деревне Соловьи?

Когда я оказался на краю деревни, у дома Николая Григорьевича Шахтарина, что стоит недалеко от железной дороги — стук вагонных колес с трудом пробивался сюда сквозь твердь по-зимнему морозного воздуха, — то остановился пораженный. Пруд, очертания которого с трудом угадывались под снегом, был не так велик, как в рассказах, — метров шесть в ширину, а в длину лишь вдвое больше, и тянулся он вдоль дороги до самого дома Шахтарина, и были в саду ели, сосенки, тополя, кедр, не такие уж и высокие, какими рисовала их фантазия. Только те из них, что успели уже окрепнуть, налились силой, не просто росли. Каждое на своем ровном стволе, как медаль на груди, несло небольшую овальную жестяную табличку с фразой, начало которой повторялось везде дословно: «Пусть растет в честь Аркадия Андреевича Шалагинова. Погиб под Москвой в 1942 году». «Пусть растет в честь Федора Андриановича Клепцова, бойца хозвзвода 2-го батальона 12-й бригады морской пехоты Северного флота...» «Пусть растет в честь Сергея Петровича Шахтарина, 1916 года рождения, друга детства. Танкист, погиб на войне в 1942 году». «Пусть растет в честь...».

Таких деревьев в саду, видимо, было всего несколько десятков, но стояли они на самом виду, по обеим сторонам дороги, и когда на ветру тонкие таблички билась о стволы, наполняя воздух своеобразным металлическим звоном, казалось, будто весь сад говорит, будто каждое из шестисот деревьев вливает свой голос в общий этот хор.

Я ходил между деревьев, не торопясь постучаться в дом, читал надписи на табличках и пытался проникнуть в замысел создателя этого необычного сада-музея. Наверное, так оно и было задумано им, чтобы в его саду жили рядом деревья безымянные и окрещенные и чтобы последние несли на своих стволах имена людей как живых, так и мертвых, как фронтовиков — их большинство, — так и невовавших, людей

стный, но неугомонный, пишет историю, пишет с тех пор, как окончилась последняя война, пишет затем, чтобы была она и вправду последней.

Через тополиную аллею лежит путь к дому Николая Григорьевича Шахтарина. Человека, который отдал двадцать пять лет своей жизни — так говорят люди — пруду и саду. Автора странных, но мудрых строк.

Мы встретились с Николаем Григорьевичем на пороге его дома. Зашли в избу ненадолго, не погреться, а взять вторую пару валенок, для меня. С «экскурсоводом» ходить по саду оказалось куда интереснее. По колено в снегу пробирались мы от одного дерева к другому, и мне нравилось, как легко и свободно ступает этот человек по своему саду, словно движется по своей памяти. Каждое дерево здесь было ее зарубкой и потому воскрешало в ней давние истории и людские судьбы.

Одним экспонатом своего «музея» Николай Григорьевич особенно гордился. Под металлическим колпаком помещался макет землянки, сделанный в натуральную величину. Посредине — железная бочка, а по бокам от нее два солдата прилегли на деревянные настилы.

— Это я в настоящем музее подглядывал, когда летом отдыхал в санатории. Только там, понимаешь ты, офицерская землянка была, больно уж ладная, даже с кроватями. А я хотел сделать нашу, солдатскую. Вот такую бочку топили по-черному для тепла, а как станет совсем угарно, приоткрывали ненадолго вход. А солдаты? Их доча Ирка сшила летом. В валенки вон, вишь ты, одела. Поди, скажешь, не шибко на людей похожи? А солдаты-то, неухоженные, немые и войной битые, так оно и есть, на себя, бывало, не походили. Слева — это как будто я, с телефонной трубкой. Начинал я войну во взводе связи. Второй батальон 12-й бригады морской пехоты Северного флота. А стояли мы тогда на 58-м километре от Мурманска, в обороне.

...Когда из штаба бригады поступил приказ двигаться в глубь материка, они еще не знали, что такое настоящие бои: в августе 1941 года в Архангельске формировалось их подразделение, весь сентябрь их учили профессии морских десантников, а после два месяца держали в обороне. До позиций противника кое-где было шестьсот метров, оттуда их обстреливали дважды в день, они задыхались в землянках от дыма. Но что такое настоящая война, они еще не знали.

А вот когда после целой ночи ходьбы спустились в лощину, и загорелась земля и небо, и снег покраснел от крови, снайперские пули начали казаться после

на пополнении перед предстоящими боями. Через две недели поступил приказ высадиться десантом в тыл врага. Шел сорок второй, и война уже стала их профессией.

30 апреля, на второй день высадки десанта, после слякоти и мороси ударили холода, и у людей пухли руки от резкого перепада температур. Неожиданно у комбата оборвалась связь. Шахтарин, старший телефонист, посмотрел на Еникеева и Смертина, своих помощников. Смертин опустил глаза, а Еникеев что-то забормotal.

В ста метрах от окопа Шахтарин сам обнаружил кабель, поврежденный осколком снаряда. Тут его и застал немецкий снайпер — пуля попала в руку, но концы кабеля были уже связаны.

Командир взвода, лейтенант Морозов, человек крутого нрава, впервые не приказывал ему, а просил по телефону: «Подежурь, Шахтарин, перебило многих, поранило, обморозило, некому тебя заменить». Морозов сам перевязал ему пониже локтя левую раненую руку. Боль, поначалу острая, стала тупой, привычной.

Он дежурил. А когда через двое суток снова нарушилась связь, он снова, ни слова не говоря, пополз вдоль кабеля. И опять опоздал фашистский снайпер. А мог бы успеть: деревянные пальцы раненой руки еле двигались, долго, как никогда, он возился с проводом, злой на себя и на весь белый свет.

Когда связь была восстановлена, метрах в пяти от Шахтарина — а показалось, будто под самым носом, чуть не в руках у него — разорвалась мина. И сразу смолк для него грохот, погас огонь.

Несколько раз по пути в госпиталь он приходил в сознание. И всякий раз одна и та же мысль не давала ему покоя. Являлась она в полубреду, он не мог ее выразить словами, но сердцем чувствовал и разумом понимал, в каждой его клеточке как будто бы жила она и болела.

...Как так — жестоким, острым металлом по телу человека? Ведь несовместимы они — живая человеческая плоть и металл, так почему же встречаются в одной точке? Виделось ему в полусне, как губит война людей — его, его друзей, его брата. Как режет металл податливое тело. Грубо. Противостоит естественно. Без разбору. По ногам! — созданным, чтобы ходить по земле. По рукам! — созданным, чтобы сеять хлеб. По груди! — созданной, чтобы дышать и носить в себе сердце. По глазам! — созданным, чтобы видеть мир.

Эту мысль, эту боль он носит в себе до сих пор, как осколок.

Оправившись кое-как от ранения в голову, пролежав в мурманском госпитале два месяца, Шахтарин надел матросскую форму — на катер его взяли радистом медико-санитарного отряда Северного флота. До Победы оставалось всего семнадцать недель, когда во время выполнения боевого задания их торпедировала немецкая подводная лодка. Матрос Шахтарин случайно оказался в этот момент на палубе. Последнее, что он запомнил, был советский торпедный катер рядом с их тонущим судном...

«Пусть этот катер, на котором во время войны служил я, ходит теперь мирным по Баренцеву морю, и пусть эта ненавистная война никогда не повторится».

Колодец с высокими бетонными стенами виден с дороги. Вырыл его Николай Григорьевич в саду, чтобы поить свои деревья. На одной из стен колодца — большой кусок жести. Вот на нем я и прочел эти слова, написанные голубой краской. Над словами — рисунок катера, сделанный по просьбе Николая Григорьевича молодой учительницей, что преподает в соседней деревне.

— А ну, прочитай еще вслух, а то я уж и не помню все слова, — просит Николай Григорьевич.

Я читаю надпись вновь. А после мы стоим некоторое время молча, думая каждый о своем. Я о том, что в этих одинаковых, носящих интонации благословения формулировках «пусть дерево растет в честь...» и «пусть этот катер ходит...» проглядывает какое-то великодушное моего собеседника. Им, деревьям с именами его друзей, безразлично ушедших, и подарившему катеру он дарует жизнь, им он желает покоя и мира. Об этом думаю я. А Николай Григорьевич? Он думает, мне кажется, о войне. О своем катере. О металле, кромсающем человеческое тело.

Для людей его поколения жизнь делится на два периода — на войну и послевоенные годы. Война столько отняла у людей сил и эмоций и столько в них

Посмеивались соседи, пожимали плечами: не одну сотню уже Николай из своей пенсии, поди, угрохал.

Не будем торопиться осуждать соседей, попытаемся и их понять. Есть в сельском жителе этакая практическая сметка, приучен он тяжелым трудом взвешивать каждый свой шаг, измерять каждый поступок полезностью. Ну, представьте: кто-то ремонтирует избу или дрова заготавливает на зиму, а рядом человек, которому по его физическому состоянию положено вроде бы вообще сидеть на лавочке, роется в земле, упрямо претворяет свой замысел — пруд какой-то копает, удивительно все это, странно.

Невадомек было соседям, что Шахтарин за эти семь лет словно ожил. Именно потому, что не на лавочке сидел, а справлял работу, ежедневную работу до усталости, до ломоты во всем теле. Потому что знал — и это самое важное — он не просто пруд копает. Будет это Пруд Памяти земляков, погибших на фронте, и будет когда-нибудь на его берегу сад в их честь. **Должен он, раз уж живым остался, помянуть их своими заботами, трудом своим.**

Когда я выше написал, что семь лет трудился Шахтарин над своим замыслом один, то был не совсем точен. Нашлись все же люди, помощь которых, правда, оказалась не так уж велика, но зато приятна и искренна. Это дети. Каждое лето собирал Николай Григорьевич ватагу ребятшек, ровесников своего сына Васьки, покупал огромный кулек конфет и объявлял условие: тем, кто в четвертом классе, четыре конфеты полагается, тем, кто в шестом, как Васька, — шесть, а десять минут каждого часа — на отдых. Ставил на насыпь будильник, и начиналась шумная работа.

А после работы он объяснял детям, что это будет за пруд, рассказывал про свой катер и про то, какая война страшная — не как в кинофильмах. И думал про себя: «Сейчас они всего не понимают. Выра-

поствыт немного, сообразил, что, верно, у следователя выходной, да и не человека ведь обидели — дерево. Так и не стал Николай Григорьевич доискиваться виновника.

Пять лет прошло с тех пор. Сегодня в его пруду вся деревня полощет белье, находит это удобным и нахваливает Николая Григорьевича. И будет не верно сказать, что вовсе не для этого он его копал. Вот раньше, когда в Соловьи еще были детишки, они купались в пруду, и Шахтарин радовался этому. И сейчас он доволен, что практическую пользу односельчанам приносит его водоем. Не только ведь шапки снимать на его берегу.

И все-таки научит, я верю, научит Николай Григорьевич людей входить в свой сад, сняя шапки. Да, впрочем, уже и идут к нему люди как к хранителю музея. Идут поклониться подвигам земляков, вспомнить родных.

При мне забежала в шахтаринскую избу вдова Настасья Сидоровна Шахтарина, уроженка Соловьев. Повел ее Николай Григорьевич к своей землянке. Всплеснула Настасья Сидоровна руками, подвигавшись нехитрым манекенам, а после задумалась и тяжело вздохнула: «Поди, и мой Степан вот так...».

А потом заходил сосед Иван Александрович Димитриевых, участник войны. Он принес Шахтарину меховые рукавицы — сам сшил для тех же солдат, чтоб одеть их потеплее.

Гостям Николай Григорьевич всегда рад. Пусто в его доме — и скучает он, особенно в зимнюю пору, когда сад не требует ухода и всех дел — протоптать тропу для «письмоноски», наколоть дров и печь истопить.

В просторной избе живет он со своей девятиноспятельной матерью. Зовет ее по-деревенски ласково «мати». «Что-то плохо стала мати. Третьего дни истопил баню, а она так и не слезла с печи».

В его доме давно нет хозяйки. Двенадцать лет назад ушла от него жена Шура, мать его детей. Собрала вещи, и даже слова доброго не сказала на прощание. А он наутро, как всегда, вышел на свою работу. И на другое утро вышел, и на третье. Только ночами долго не мог уснуть, мучительно переживал случившееся.

Недавно он продиктовал такие строчки — своеобразное духовное завещание:

«Мне сегодня шестьдесят пять лет. Как прожил я их? Ни над кем не надсмехался, ни у кого ничего не украл. Не был хулиганом, но и трусом не был, отпор всегда давал, но осторожно, не стараясь отомстить, а скорее забыть. Вот такими желаю быть сыну Васе, дочери Ире, внуку Андрею и последующему нашему роду».

Чувство ищет выражения от своей силы, мысль — от своей глубины. И хочется мне знать, стоят ли его дети этих чувств и мыслей. Добрые люди говорят, что стоят. Тогда, двенадцать лет назад, дочь и сын без колебания остались с отцом. Сейчас его, а не мать, каждый из них зовет жить к себе. Только куда он уедет от своих деревьев?

Каждое лето идут и едут к нему школьники — из деревень, сел и районных центров, словом, из тех мест, куда донеслась молва об этом человеке. Он показывает им пруд и сад, а потом ведет в дом, поит их чаем и рассказывает о своем катере, о том, какая страшная была война, и о том, какими он им желает быть.

Ловлю себя на том, что тянется в Соловьи. Последний раз я был там зимой. Стояли холода, столбы, словно продрогшие на ветру, звучали от мороза, пели надменно, тянули высокую отчаянную ноту.

Николай Григорьевич нетерпеливо ждал весну, и планов у него было множество: закончить к Дню Победы землянку, полностью обмундировать солдат, посадить в саду новые деревья. Весна для него — всегда большая радость, весной, отряхнувшись от снега, просыпается сад, поднимается в пруду вода и, сляясь выйти из берегов, устремляется в бетонную трубу, с шумом выливается по другую сторону дороги.

Тянется в Соловьи неодолимо — не только затем, чтобы взглянуть на весенний пейзаж и на перемены в шахтаринском саду. Тянется именно к этому человеку — его сила, рассудительность, мудрость и доброта словно врачуют душу.

В который уже раз вспоминаю, как, сидя в горнице зимними вечерами, мы прерывали разговор, когда по радио передавали «Последние известия». Эту программу Николай Григорьевич никогда не пропускает. Так и вижу: стоит он возле радиоприемника, еле заметно кивая головой, и, заслышав о том, как где-то лихорадят планету тяжелые бои или просто перестрелки, повторяет одну и ту же фразу, как молитву:

— Только бы не было войны...

Столько надежды, столько веры и силы в его тихом голосе, что приходит на ум невольная мысль. Уже потому, что такие люди, как он, Шахтарин, живут на земле и растят свой сад, должно быть земле спокойнее.

— Только бы не было войны...

НЫМ ИМЕНЕМ

сил и эмоций вложила, что несут они ее в памяти своей пожизненно. И куда им от войны не деться. Только с Шахтариным судьба распорядилась более жестоко, чем со многими. Раскрасив мир в огонь, наполнив страданиями, она лишила его одного из тех пяти чувств, которые даны человеку природой как награда: живи и радуйся. Его она оставила наедине с войной. Кто-то глаза закрывает и видит ее, ненавистную. Ему не надо закрывать глаз. Он слеп.

После войны Николай Григорьевич вернулся домой из госпиталя с такой справкой: «При выписке зрение правого глаза равно трем сотым при полной слепоте левого». Тогда он еще умел различать силуэты людей и в яркий солнечный день видеть на земле тени деревьев — блеклый и безликий, а все-таки мир, какой-никакой, был тогда доступен его глазам. Но вот прошло уже семь лет с тех пор, как мир, теряя последние свои очертания, погрузился для него в полную темноту.

Сейчас настало время сказать об этом. Сейчас, а не раньше. И дело тут не в журналистской хитрости, не в приеме. Просто жизнь Шахтарина и его поступки достойны того, чтобы судили о них по шкале общечеловеческой, а не сентиментально-согратательной, без каких бы то ни было скидок на отсутствие зрения. А вот чего они ему стоят при этом его недуге — разговор особый.

Как он жил эти годы?

В сорок седьмом женился. Через два года у него родился сын. Отец Николая работал тогда на ферме извозчиком, и стал Николай помогать ему возить фляги с молоком на маслозавод.

Однажды телега застряла возле дома Шахтариных, да и немудрено — по трясины, что была в том низком месте, и человек еле пробирался. Вытащил Николай телегу, вытолкнул плечом и сказал отцу: «Буду поднимать дорогу».

На другой день собрал соседей, вырыли семеро мужиков небольшой котлован возле дороги, а к вечеру он наполнился водой. Тогда и возникла у Николая Григорьевича идея выкопать на этом месте пруд.

Все семь лет он копал пруд один. Дорогу поднимать — дело другое, практически полезное, а вот в пруду никто из соседей особого смысла не увидел.

Когда потребовалось провести под дорогой сток для воды, он купил машину песку и девятнадцать мешков цемента. Кто-то из добрых людей подсказал: «Попроси в сельсовете деньги». Сельсовет решил: денег Шахтарину не давать, поскольку пруд копать никто его не заставлял.

стут — поймут, будут пруд любить, как я. Вместе, небось, копали».

Детишек хватало на два дня, не больше. Его хватало на двенадцать часов ежедневного труда в течение семи лет — от ранней весны до поздней осени. Землю он грузил на самодельную тачку и вывозил ее на дорогу. Иногда в день насчитывал до восьмидесяти тачек.

Он копал свой пруд, и порой ему начинало казаться, что никогда прежде никакие иные дела в его жизни не были так важны и значительны. Как будто раньше дремали в его душе недюжинные силы, дремала фантазия, а сейчас нашлось наконец применение, стоило лишь дать им первый толчок. Он торопился. Потому что, еще копая пруд, видел на его берегу сад.

Когда появились в саду деревья, пришла к нему счастливая мысль присвоить им имена. И это было настоящее открытие. Подумал он вдруг, что таким образом сможет воскресить своих земляков, восстановить справедливость, ибо действительно несправедливо, когда жизнь человека целиком отдана одной войне. Так он повесил на дерево первую табличку и сказал впервые: вот стоит такой-то человек. Именно он, а не его дерево. Потом он назвал деревья в честь живых фронтовиков. Потом — не фронтовиков вовсе, а просто тех, кто покинул когда-то соловьевскую землю, уехал в другие края. Всех всмянул, словно в гости созвал и усадил за длинный стол. И сына своего, с детства бредившего рассказами отца, катерами и ставшего ныне речным капитаном. И дочь свою, Иру, что живет в городе. Потому и не кажется ему уже одинокой и заброшенной пустыня соловьевская земля. И сам себе не кажется он одиноким.

Был ли он счастлив эти годы? Был, и не однажды. Всякий раз, когда заканчивал работу, когда появлялось в саду пополнение. Когда весной, держась за бечеву, протянувшую вдоль тополиной аллеи и вдоль всех тропок, обходил сад, оглаживая молодую поросль, проверяя, насколько стали выше сосенки, кедры, дубки.

Как-то раз случилось такое, что рука не нашла, как обычно, у двух молодых сосен верхушек. Лежали они рядом на земле, сломанные. Было это накануне праздника. Гуляла деревня, веселилась. Он стоял долго, неподвижно, не зная, куда деться со своей обидой: не ветер тут набедакорил — крепкие были уже саженцы, в рост с него, пожалуй, — не ветер и не какая другая сила, а человек. Вот тогда он первый раз, много не помнил с тех пор, как был ребенком, заплакал. Хотел было идти в милицию, да потом уже,

И СЕРДЦЕМ ПРИКОСНУТЬСЯ

Его работы широко известны. Кто не помнит портреты Юрия Гагарина, ткачихи Валентины Голубевой, целую галерею прекрасных женских лиц, и даже один раз увиденные тихие, уютные пейзажи России навсегда остаются в памяти зрителей.

Александр Шилов. Встреча с этим мастером — прежде всего прикосновение к яркому, порой неожиданному мировосприятию и таланту самого художника. В каждой новой работе Шилова чувствуется, что кисть его становится все уверенней и все отчетливей звучит главная тема — любовь к людям, любовь к Родине, к ее природе. Любовью наполнены полотна Шилова, словно в каждое из них вложена частичка сердца художника. Его работы не рожают пассивную созерцательность, они не могут не волновать. Они будят мысль, будоражат воображение, заставляя снова и снова возвращаться — мыс-

ленно или зримо — к лицам, пейзажам, натюрмортам. Равнодушно пройти мимо них нельзя, потому что в первую очередь неравнодушен сам мастер. Его творчество наполнено неуспокоенностью, постоянной неудовлетворенностью. Он словно бы опасается остановиться на уже однажды достигнутом.

— Художник учится всю жизнь, — говорит Александр Шилов. — Но искусство — это не просто постоянный поиск, это прежде всего заранее намеченный путь, по которому нужно идти. Если всю жизнь искать свой путь, можно так и остаться в процессе поиска...

Время доказывает, что свой путь в искусстве Шилов нашел. Для этого достаточно посмотреть на некоторые из его последних работ.

Он по-прежнему привержен к школе старых мастеров. Так же четко выписаны малейшие детали предметов, так же с реальной достоверностью изображены люди. Но сегодня по углубленности и творческой

расширенности тематики художника кажется, что каждый холст его — размышление о сделанном и о том, что ему еще предстоит сделать.

Александра Шилова всегда привлекали люди. Молодые и старые, известные на всю страну и люди, с которыми художник встречался на улицах городов и деревень. И вот новые лица. Лица наших современников. За частностями жизни и судьбы отдельных и очень разных людей мы видим философское обобщение жизни общества в целом. По мнению художника, главное в портрете — документальность. Потому что именно портрет сохраняет потомкам образ нашего современника, доносит до них дух нашей эпохи. Нравственной красотой народа, красотой жизни словно бы наполнены его полотна. В каждом человеке, в его, вероятнее всего, огромном духовном мире художник видит и чувствует красоту и одухотворенность русского человека. И, может быть, не зря у художника

**ДИРИЖЕР.
(НАРОДНЫЙ АРТИСТ РСФСР,
ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ
АЛЬГИС ЖУРАЙТИС).**

человек так неотделим от природы, гармоничен с ней. Ведь это такое естественное единение с миром; в котором он живет.

Старики. Часто не замечается печальное время их угасания. Порой кажется, что у них остались только воспоминания от когда-то насыщенной, полнокровной жизни. Внимательны ли мы к ним, вникаем ли в их заботы, прислушиваемся к мудрости, выверенной годами? Обращаясь к образу человека на закате жизни, художник внимательно и ласково относится к модели, стараясь не только точно запечатлеть облик, но и размышлять о старости тела и молодости духа. Лицо покрыто тонкими морщинами, чувствуется накопленная годами усталость, но при этом какой теплый, жизнелюбивый, даже озорной взгляд у стариков, изображенных Шиловым. Какой поистине молодой энергией, жизнелюбием и жизнелюбием наполнены их сердца!

Вот еще один из новых портретов Александра Шилова. «Дирижер». Сосредоточенное лицо сильного духом человека, крепкие, знающие нелегкую работу руки. Звенящая напряженность исходит от портрета. Это словно зримый облик музыки, которой он дирижирует, а выражение лица и напряженность рук — разве это не готовность отдаться неукротимому творческому порыву?

...И снова спокойная задумчивость пейзажей художника. Как трепетны и лиричны эти кусочки природы, какой теплотой озарены деревья, трава, реки, луга, поля!

Большой дар художника и человека — освещать любовью и сердцем все то, к чему он прикасается.

Светлана ТОНИНА

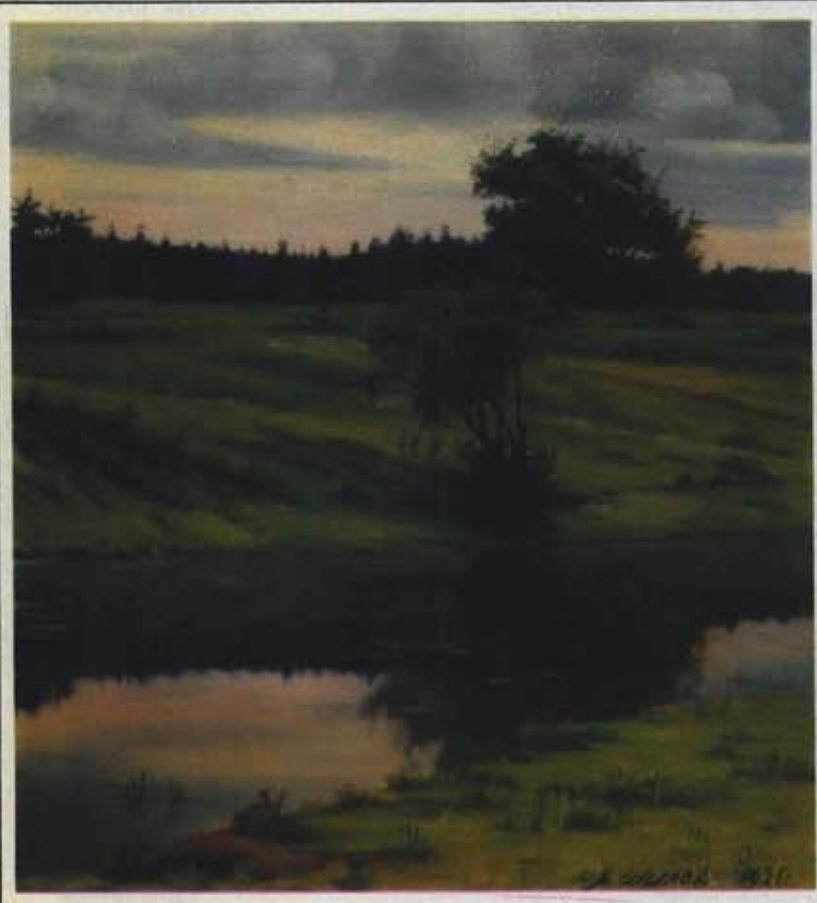
**ПОРТРЕТ ОЛЬГИ КРИВОНОСОВОЙ.
ПАСТЕЛЬ.**

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОРИШИ.

С БАЗАРА.

**ХОЛОДНЫЙ ВЕЧЕР.
ДЕРЕВНЯ КРЮКОВО.**

Разговор о ПТУ

НАШИ ВСТРЕЧИ

Жером Драм — журналист из Гвинеи

Мы встретились с вице-президентом Международной организации журналистов Жеромом Драм в перерыве между заседаниями IX конгресса МОЖ. Он достал из внутреннего кармана текст приветствия Л. И. Брежнева участникам конгресса.

— Какие правильные, какие точные слова! Боевая программа действий для каждого прогрессивного журналиста!

Заместитель директора гвинейской газеты «Хороя» («Свобода») показал подчеркнутые им строки: «В наше время нет более жизненной задачи, чем сохранение мира на земле».

— Подавляющее большинство участников конгресса, самого представительного в

истории международной журналистики (в Москве собирались посланцы более чем 110 стран), полностью солидарны со словами товарища Брежнева. Каждый из нас понимает, как необходимы сейчас усилия всех честных людей для обуздания гонки вооружений, и многое в этом процессе зависит от работников печати, радио, телевидения.

Жером Драм рассказал о том, как напутствовали его коллеги в Гвинею накануне поездки в Москву. Просили перенять новый творческий опыт советских товарищей по перу, у всех, с кем он встретится на журналистском форуме.

— Мы обсудили в Москве важнейшие проблемы современности, наметили пути дальнейшего сотрудничества работников средств массовой информации, познакомились с жизнью советских рабочих. Я накануне конгресса побывал в Риге, гостил у рабочих ВЭФа. Кстати, в моей семье слушают радио по рижскому радиоприемнику.

Выходец из семьи сельского учителя, Жером стал увлекаться журналистикой с ранней юности. Писал репортажи о сельских тружениках. Повзрослев, не отказался от любимого жанра, но все чаще обращался в нем к вопросам экономики, политики, тактики перехода национального сельского хозяйства к коллективным формам труда. Учился. На конгрессе МОЖ в Хельсинки избран вице-президентом.

Совсем недавно, и он этим гордится, Драм получил благодарность президента страны за интервью с одним из сельских изобретателей, сконструировавшим машину для очистки зерен маиса, кофе, риса.

— Это для нас очень важно. Каждый шаг вперед сельских кооперативов, каждая внедренная новинка выводит страну из зависимости от частного сектора.

Мы прощались в холле Колонного зала уже вечером.

— У всех печатных изданий есть свои особенности и свои задачи. Но есть и общие, главные, — сказал он. — Одна из них — борьба за мир. Мы в Гвинею многое делаем для сплочения молодежи, ее просвещения. Я знаком с журналом «Смена», он интересен и поучителен. Передайте горячий привет его читателям, у них много друзей на моей родине.

Ян ВЛАДИН.

Фото Владимира ЧЕИШВИЛИ

Их было двадцать, наших гостей, участников традиционной октябрьской встречи в ЦК ВЛКСМ, молодых мастеров и преподавателей ПТУ. Начинающие педагоги системы профтехобразования пришли в «Смену» вместе со своими старшими товарищами — Героями Социалистического Труда А. И. Вержбицкой (Минск), В. М. Колосовым (Кемеровская область). «Жизнь рабочей молодежи на страницах «Смены» — такова была первая часть состоявшейся беседы. Журналисты познакомили гостей с творческими планами редакции, рассказали о практике своей работы, пригласили к сотрудничеству. Затем гости поделились опытом: как воспитывать в учащихся чувство бережливости,

экономии? Как эффективней крепить связь между школой, училищем и предприятием? Какова роль передовиков производства, интересных людей, в чем главное значение их прихода в училища и как часто и регулярно они привлекаются для работы с учащимися, завтрашними молодыми рабочими? Эти и другие вопросы обсуждались горячо и искренне молодыми мастерами и преподавателями профессионально-технических училищ Ставрополя и Омска, Харькова и Ульяновска, Гродно и Чебоксар, Находки и Барнаула. Каждому из гостей были вручены книги — сборники публицистических материалов «Смены», посвященных становлению молодых рабочих.

НАУЧНЫЙ ПОИСК

ЭВМ МОДЕЛИРУЕТ ВЕНЕРУ

Уникальную работу провели недавно ученые Института геохимии и аналитической химии имени Вернадского. Им удалось определить состав грунта Венеры. Вот как это произошло.

Последнее время с помощью межпланетных автоматических станций и зондов было накоплено немало сведений об атмосфере «утренней звезды», свойствах ее облаков, освещенности на поверхности планеты. На Землю были переданы также и телепанорамы венерианских ландшафтов. А вот проб грунта пока еще нет.

Тогда ученые решили вычислить его

характеристики, основываясь на уже имеющихся данных. Теоретически были определены различные минералы, основные химические элементы, которые могут входить в их состав. Соотношения брали, основываясь на земном опыте, ведь Венера, как Марс и Меркурий, тоже относится к планетам земной группы.

Когда все имеющиеся данные были обработаны при помощи ЭВМ, геохимики определили количественные соотношения двадцати с лишним минералов, которые могут быть в грунте Венеры. Словом, получилось, что ученые как бы сумели взять пробу венерианского грунта, не выходя из лаборатории.

Насколько верны предположения ученых, покажут будущие космические экспедиции. Но уже сейчас можно сказать, что полученные данные позволили испытать новый научный подход к проблеме исследования космического пространства. Родилась новая отрасль науки — космическое прогнозирование.

Олег СЛАВИН

НОВИНКИ СТРОИТЕЛЬСТВА

ДОМА ДЛЯ СЕВЕРА...

Необычность формы этого здания, похожего на бочку, не прихоть, а точный расчет. У «бочки» есть немало достоинств. Такому жилищу не страшен даже самый сильный ветер, а внутри него теплое, нежели в доме привычной формы, за счет меньшей отдачи тепла на улицу. Ведь существует же дом, как две капли воды похожий на игральную кость, — параллелепипед со скошенными углами, который тоже хорошо обтекается ветром и хранит тепло. Эти факторы при проектировании жилищ для севера становятся решающими.

Геологи, нефтяники, газовики возят с собой свои дома. Уже через несколько часов на месте новой стоянки вырастает целый поселок. На вертолетах, на колесах

или лыжах доставляются туда дома-контейнеры. Чтобы построить из них городок, не нужно быть строителем. Дома так сконструированы, что возводить их предельно просто. Каждый контейнер может быть и отдельным зданием и частью довольно сложной жилой конструкции. Мобильные жилые комплексы для развертывания городков в труднодоступных районах рассчитаны на любое число жителей. Простейший элемент комплекса — контейнер-спальня на 6 человек. Растет население — растет городок. У блока-спальни появляется «отросток» — кухня, от нее отходит новый «побег» — блок-столовая, блок-баня, блок-сушилка. В общем, все, что душе угодно, вплоть до парикмахерской.

Конструкторы заставили работать на северную архитектуру и солнце. Идея приспособить солнечную энергию для отопления дома не нова. Однако реальный проект здания, которое обогревает солнце, разработали впервые студенты и преподаватели Московского архитектурного института. Снаружи дом напоминает одновременно и корабль с широким парусом и вертолет. Парусом кажется наклонная стена с сол-

нечными коллекторами-зеркалами. Над зданием на вышке пропеллер-ветрогенератор — источник электричества.

Десятки тысяч первопроходцев новых земель становятся носителями необычных по форме и конструкции зданий. А как будет чувствовать себя человек в таком доме? На этот вопрос нужно знать ответ заранее. Поэтому в Москве создан специальный и тоже необычный на вид научно-исследовательский комплекс. В его лабораториях идет тщательная проверка опытных образцов: и медики и инженеры решают здесь судьбу самых смелых проектов.

Елена ГОЛОВАНЬ.

Фото Владислава СЕМЕНОВА

...И НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

Помните, с каким увлечением в детстве мы строили дома из простейших кубиков и плашек, воображая, что они настоящие...

Почти такой же игрушечный домик я увидела в кабинете директора головного проектно-технологического института «Моснечерноземиндустрипроект» С. Кирикова. Дом — макет, точная копия спроектированного и разработанного в институте экспериментального дома из блок-модулей — объемных конструкций из керамзитобетона.

— Дома МосНИП значительно дешевле кирпичных или панельных, — рассказывает Савелий Сергеевич. — Производятся они индустриально. Каждый модуль — бетонный полый «кубик» — готовая комната площадью 18 квадратных метров. Унифицированные блоки

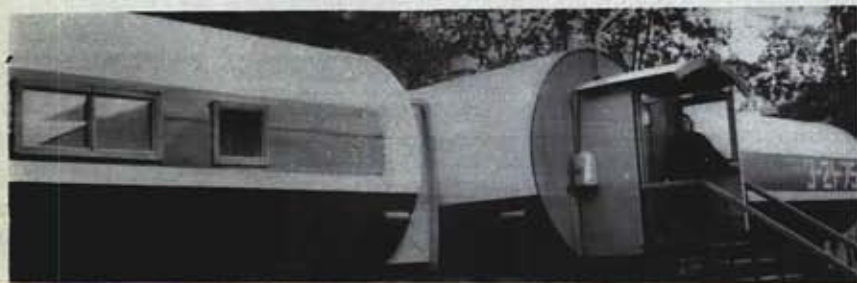

соединяются произвольно. Дом на одну семью состоит из четырех модулей, но несущая способность конструкции выдерживает и три этажа. Монтируется жилище просто, затраты на строительство их снижаются почти в четыре раза.

В доме предусмотрены две кухни, веранда, гостиная, спальня, ванная комната, сауна. Из тех же блок-модулей можно соорудить гараж, подвал, утепленный сарай для животных. «Одежду» для стен выбирайте любую в зависимости от материала, который есть под рукой: дерево, кирпич, пенопласт. Пенопластовый утеплитель рекомендуется для северных районов страны, — в доме будет тепло, даже если на дворе 40-градусная стужа.

В домах МосНИП уже живут — первые образцы построены в поселках Калининской области. Пока модули выпускает одно предприятие — Калининский сельский экспериментальный завод «Межколхозстройобъединения». Но промышленное производство можно наладить на любом предприятии, располагающем действующими цехами сборного железобетона.

Ольга КАМЕНЕВА
Фото автора

Крылья Андрея Кареткина

Позади I чемпионат СССР по дельтапланеризму. Титул лучшего спортсмена страны в этом новом, уверенно входящем в жизнь виде авиационного спорта присвоен москвичу Андрею Кареткин.

Впервые Андрей поднялся в небо на гибком крыле в марте 1975 года. С той поры дельтапланеризм становится спутником его жизни. Окончив в 1971 году школу, а в 1977-м — Московский институт инженеров гражданской авиации, Кареткин трудился инженером-механиком на авиапредприятии. Самостоятельное конструирование увлекло молодого специалиста, с 1975 по 1980 год он построил восемь различных типов дельтапланов, на которых совершил 2400 полетов. Участвовал в первых «Крылатских стартах»

где в 1977 году вышел победителем. А 1978 год позволил Андрею в Крыму, на горе Клементьева, прославившейся многими планерными стартами советских авиаспортсменов, установить рекорд продолжительности полета на дельтаплане — 4 часа 13 минут. Свое летное мастерство кареткин оттачивал в Бакуриани, Домбае, Карпатах, Урале.

Один из полетов 1979 года окончился для него неудачно. Одиннадцать переломов костей... Семь тяжелых нескончаемых дней в отделении реанимации Боткинской больницы. Нескончаемые физические тренировки, упорство и воля позволили ему через три месяца после травмы, которая, казалось, должна была закрыть ему путь в небо, снова летать. Прошло еще четыре месяца, и Кареткин вышел на старт вновь.

В августе 1981 года комсомолец становится абсолютным чемпионом РСФСР. А первого октября 1981 года Андрей Кареткин был удостоен диплома абсолютного чемпиона страны на первом чемпионате Советского Союза по дельтапланерному спорту в столице Тувинской АССР — Кызыле.

Короткое интервью с Икарсом:

— Формулы победы у меня нет. Я привязан к дельтапланеризму, для меня честь — быть в составе сборной России. Дельтапланеризм не приемлет равнодушных людей. Великое дело — наше товарищество, сплоченность, радость за успехи друг друга, взаимопомощь в трудные секунды спортивной борьбы. Мои соратники по команде Олег Коваленко, Валерий Желнов, Владимир Петров помогли мне стать чемпионом.

Виктор ТУРЬЯН.

Фото Владимира РУБИНА

МУЗЕЙ

Монолог Гамлета «Быть или не быть» стал первым сообщением, переданным по первому телефону. Монолог читал Александр Белл, демонстрируя свое изобретение на Выставке Столетия в Филадельфии. Выглядело оно забавно: небольшая мембрана из барабанной кожи с пружиной в центре, а наверху — божок. Но изобретение преподавателя Bostonской школы для глухонемых завоевало мир со скоростью звука, вызвав целую лавину новых изобретений. Жажда усовершенствования аппарата Белла не остывает и по сей день.

В Москве существует музей телефонов. Его организаторы, работники Дзержинского телефонного узла, собрали более ста аппаратов. Каждый из них — свидетель своего времени и его возможностей. Недаром в музей обращаются за реквизитом для фильмов, когда нужно создать ретрообстановку. Тут есть и аппарат, который слышал голоса знаменитых «телефонных барышень». Семизначные цифры современных абонентов привели бы барышень в ужас. Ведь первые государственные телефонные станции, появившиеся в Петербурге, Одессе, Риге и Москве, имели всего 772 номера. Квартирные аппараты того времени напоминали домашний памятник с пьедесталом. Год от года это солидное сооружение теряло в весе и размерах, превратившись, наконец, в привычный нашему глазу изящный прибор.

Прежде чем попасть в музей, телефоны прошли через руки мастеров Дзержинского узла. А еще раньше они стояли в московских квартирах. Монтеры приходят в дом по вызову. И нередко в квартире обнаруживается уникальный, старинный аппарат, который хозяева с удовольствием меняют на новенький. Так на стенды попадает очередной экспонат, он же наглядное пособие: ведь музей — это еще и учебный класс. Здесь занимаются ребята из ГПТУ № 14 г. Москвы.

Антонина АНДРЕЕВА

ТЕХНИКА ДЛЯ БАМА

ЭЛЕКТРОВОЗ-БОГАТЫРЬ

Завершены испытания электровоза, предназначенного для работы специально в условиях БАМа. Байкало-Амурская не только самая грандиозная и сложная стройка, но и в какой-то степени испытательный полигон. Едва ли не на каждом километре пути — искусственное сооружение, мост или тоннель. А это усложняет задачу для тех, кто ведет по магистрали поезда. Конструкторы нового электровоза ВЛ-84 учли все. Новый локомотив прекрасно себя чувствует и в 60-градусный мороз, и в жару, не страшны ему и вибрации на сложных участках. Управлять электровозом помогут автоматика и телемеханика.

Это к тому же еще и самый мощный электровоз в мире. Прогулка вдоль груженого состава, который он поведет, займет почти час: состав вытягивается в длину на несколько километров. Есть и еще одно преимущество у новинки — экономичность: ведь для того, чтобы перевезти груз, таких богатырей понадобится меньше, чем обычных электровозов. За счет сбереженного металла и электроэнергии каждый новый локомотив даст около 400 тысяч рублей экономии в год.

Наталья СЕРГЕЕВА

Фото Веры ЗАГРЕБАЕВОЙ

ТВОЙ СОВРЕМЕННОК

Лазеры и резцы

Помните, в школьной библиотеке он взял зачитанный до дыр «Гиперболюид инженера Гарина». Долго не мог оторваться от книги. И «Гиперболюид» как бы предопределил его судьбу.

Он жаждал серьезной, вдумчивой работы. И несколько не тужит, что после техникума пришел в центральную конструкторско-технологическую инструментальную лабораторию Тульского ордена Трудового Красного Знамени машиностроительного завода имени В. М. Яковлева. Здесь Виктор Шатилин стал опытным специалистом по лазерам. Он окончил без отрыва от производства политехнический институт, поступил в заочную аспирантуру. Сейчас инженер Шатилин занимается разработкой методов упрочнения инструмента — за счет конденсации с повышенной бомбардировкой.

Резцы, изготовленные при «вмешательстве» лазера, обладают повышенной стойкостью. Ведь раньше как зачастую бывало? Портился дорогостоящий инструмент из-за структурных дефектов различных марок стали. А теперь, если по какой-либо причине допущены ошибки при закалке металла, то Шатилин и его товарищи «исправляют» их лучом оптического квантового генератора. И некогда хрупкий металл становится твердым и прочным.

Работа Виктора Шатилина отмечена премией Ленинского комсомола, дипломами, медалью ВДНХ СССР, наградами многочисленных смотров технического творчества молодежи.

Валерий ПЛЕШАКОВ

НАШЕ ЗДОРОВЬЕ

«МИШКА ПРЫГНУЛ НА ТУРНИК»

Именно по тому, как вы произносите эту фразу, врачи-отоларингологи проверяют, в порядке ли ваши голосовые связки. Проверка эта, как правило, производится на слух. Да еще врач, попросив вас сказать «а», может посмотреть ваше горло. На основании этих данных ставится диагноз, назначается лечение.

Конечно, современных медиков такой дедушкин метод диагностики далеко не всегда устраивает. «Нельзя ли при назначении лечения руководствоваться более объективными показателями?» — с таким вопросом обратились они к молодому ученому Института прикладной физики АН СССР. И физики взялись за дело. Исследованиями было установлено, что врачам вполне может помочь спектральный звукоанализатор, используемый во многих отраслях науки и техники. Оказалось, что если голосовые связки здоровы, на экране осциллографа можно наблюдать полный спектр гармонических колебаний. А вот если с голосом не все в порядке, на экране отчетливо видны провалы — некоторые гармоники исчезают. Причем каждому заболеванию соответствует своя картина нарушения спектра.

Новый метод диагностики уже используется в клиниках города Горького.

Станислав НИКОЛАЕВ

СЛОВО ЗА ПРАКТИКОЙ

КРЕВЕТКА-НОВОСЕЛ

Речь пойдет о креветке довольно солидной: по размерам она не уступает раку и живет не в море, а в озерах и прудах. Эта пресноводная креветка макробрахиум японензе со своей родины, Юго-Восточной Азии, недавно перекочевала в Белоруссию. В водоеме-охладителе Белозерской ГРЭС она чувствует себя как дома: питается водорослями, циклопами и остатками погибших животных. Так креветка очищает водоем. К тому же сама креветка — лакомое блюдо для многих рыб и ценный белковый продукт для нашего стола.

Разводить креветок в теплых водах энергетических объектов предложили ученые из Института зоологии АН БССР. Число таких водоемов с каждым годом растет, и не похозяйски забывать о даровом тепле. Температура воды здесь для обычных водных животных слишком высокая, а для жительницы субтропиков — в самый раз. Интересно, что на новом месте у креветки появились и новые привычки. У себя на родине креветки для откладывания яиц спускаются вниз по рекам, к морю: личинкам для развития нужна вода все-таки достаточно соленая. Новоселы Белозерской ГРЭС такой возможности не имеют, но прекрасно производят потомство в водах близ электростанции.

Елена АНТОНОВА

А ЧТО У ВАС?

Я интересовался более всего тем, что бы могло прекратить страдания человечества, дать ему могущество, богатства, знание и здоровье.

К. Э. ЦИОЛКОВСКИЙ

НЕВЕЛИК ГОРОДОК

У самой границы Калужской области, там, где она примыкает к Московской, расположился город Боровск. Красивый город, хотя и запущенный. Кстати, и то и другое привлекает сюда кинематографи-

красоте, которую трудно отделить от представления о счастье.

Тихий Боровск связан с именами художника Дионисия, огнепального протоппа Аввакума, боярыни Морозовой, архитектора Федора Коня, с именами философа Николая Федорова и ученого Циолковского. Это изрядная часть русской духовной истории, движение которой определялось мыслями и делами выразителей народных чаяний — государственных деятелей и творцов. И еще — подвижников, отрекавшихся от материального процветания ради духовных подвигов во имя счастья человечества.

Перед административными зданиями, венчающи-

БОРОВСКИЕ ВЫШН

Дмитрий
ЖУКОВ

Фото
Сергея ПЕТРУХИНА

ПАФНУТЬЕВ МОНАСТЫРЬ.
ТИХО ТЕПЕРЬ В ЭТОЙ ТВЕРДЫНЕ,
ОВЕЯННОЙ БОЕВОЙ СЛАВОЙ.

ПРОТВА — РЕКА КРАСИВАЯ.

стов. Как нужно показать что-либо из старинной жизни или ностальгическую поездку современного героя в родную провинцию, так и снаряжают сюда экспедицию — не менее чем в десятке фильмов можно увидеть боровские городские пейзажи.

Жили здесь когда-то летописные вятичи. Впервые официально Боровск упомянут в духовной грамоте великого князя Ивана Ивановича в 1358 году, но в свое время один из городских воевод доносил: «...Кем сей город построен и давно ль, сведения не отыскано; а из истории преп. Пафнутия Боровского чудотворца видно, что г. Боровск был до прихода в Россию татарского царя Батые...»

В общем, городок весьма древний. Деревянная крепость его, стоявшая на страже Московского княжества, была вознесена на высоченный четырехугольный насыпной холм, огибаемый крутым извивом реки Протвы. Кремль сгорел в 1634 году и больше не восстанавливался. По сию пору сохранился этот рукотворный холм с крутыми откосами, уходящими вверх метров на двадцать, и оттуда виден весь Боровск, многочисленные колокольни на высоких берегах, древняя деревянная церковь в селе Высоком, могучий сосновый бор, некогда, по-видимому, давший название городу, а вдали среди сосен — башни и купола монастыря.

Красиво и внушительно выглядит город, если не всматриваться в частности вроде покосившихся куполов, от которых остались прозрачные скелеты, и стен, облупленных и поросших березками и прочей флорой. Впрочем, как говорят путешественники, древний город был деревянный, а все каменное роскошество Боровска построено уже после семнадцатого века и посему якобы не представляет особой ценности. Однако ж, думается, какими надо быть богатыми стариной и культурой, чтобы пренебрегать постройками, которые высились уже тогда, когда Соединенные Штаты Америки, к примеру, еще только делали свои первые шаги. Хотя бы стоящей на центральной площади Спасо-Преображенской церковью «на взгорье», что нынче совсем обветшала и зовется местным людом «Спасом на керосине», потому что и в самом деле через весь фасад ее протянулась вывеска керосинной лавки. Или занятым под автобазу собором, что по стилю и величине очень напоминает парижскую базилику Сакре-Кёр, которую парижане по ночам гордо освещают прожекторами... В Боровске как-то особенно ощущаешь чувство меры и красоты, которым обладали строители, выбирая места для колоколен. И что еще поражает — население городка всегда было невелико, жили все в деревянных домишках, а деньги на несколько десятков красивых зданий из своих немудреных доходов выискали: тут чувствуется явная тяга к «излишествам», к

ми ныне насыпной холм, стоит скульптурная композиция — устремляющаяся ввысь ракета и бюст Циолковского. Кажется, что и в строении колоколен предугадан порыв в космос, устремленность в небо, воплощена дерзкая мечта человечества о бессмертии. Человек творил красоту, соревнуясь с природой, и кто становился вровень с ней хотя бы в частице ее созидательной силы, того мы называем теперь гением.

НА ВОЕННЫХ ПЕРЕКРЕСТКАХ

Алексей Алексеевич Антипов — человек тихий, деликатный, но бесконечно упорный. Он директор Музея боровского Пафнутиева монастыря, созданного им на общественных началах с помощью комсомольцев и пионеров. Здесь под сводами монастыря на ухоженных витринах и стендах представлено боровское население всех времен в его «вещественном выражении».

Саркофаги, коллекции старинных весов, каменные орудия доисторической эпохи, сохи и плуги, иконы и самовары. Справа — вход в крохотную комнатенку без окон, которая представляется «темной полаткой», где, может быть, сидел в цепях протопп Аввакум, потому что в его «Житии» и в самом деле есть указание, что она была под монастырской трапезной, а музей именно там. Вот обломок штукатурки с сохранившимся фрагментом фрески кисти Дионисия, тут стенды знаменитых боровчан: математика Чебышева, адмирала Сивина, мечтателя Циолковского... Оружие разных времен — едва ли не все великие войны прокатились сокрушительным катком по городу Боровску, который всегда стоял на страже земли Московской.

Боровское ополчение во главе с князем Владимиром Андреевичем Серпуховским и Боровским отличилось на поле Куликовом. Это князь Владимир Андреевич, прозванный Храбрым, вел полк правой руки к полю. Это его вместе с Димитрием Волынским Боброком поставили командовать засадным полком. Это он, видя, как гибнут русские люди под татарскими саблями, пылко рвался в бой, а опытный Боброк его удерживал, чтобы сказать в нужное время: «Теперь и наш час приспел. Дерзайте, братья и други».

Во время «великого стояния на Угре» в Боровске была главная ставка великого князя Ивана III. Тогда, в 1480 году, и было покончено навсегда с ордынским игом. Выходец из Боровска архиепископ Вассиан Рыло понукал князя: «Не бессмертный ты человек, смертный, а без року смерти нет ни человеку, ни птице, ни зверю; дай мне, старику, войска в руки и увидишь, уклоню ли я лицо свое

перед татарами?» Но Иван III знал обстановку лучше, мудро выжидал, а когда зима сковала реки, «князь же велико с сыном и братиею и со всеми воеводами поидоша к Боровску, глаголюще, яко на тех полях с ними бой поставим». Судьбу России было намечено решить под Боровском. Однако до боя не дошло, хан Ахмат поспешил увести свое оголодавшее войско восвояси...

Но еще не раз налетали враги... Неподалеку проходила граница с Литвой. Ходил из Боровска биться за Смоленск Василий III. Рос город, росла рядом и каменная крепость — боровский Пафнутьев монастырь. Грозны когда-то были его стены и башни Тайницкая, Георгиевская, Оружейная... Считалось, что строил крепость знаменитый государев мастер Федор Конь, который возводил стены и Смоленска и Белого города Москвы. Знатки видели в этой боровской цитадели руку великого «градодельца». Сильно была разрушена монастырская крепость в лихие для России годы Смутного времени. Чего стоит один лишь эпизод боя воеводы Михаила Волконского с войсками Лжедмитрия II и Яна Сапеги. Заперся он в каменной твердыне, оборонялся десять дней, но предали его помощники Змеев и Челищев, открыли ворота во Входной башне, что и теперь называют «башней измены». Волконский сражался до последнего и был изрублен уже в соборе у могилы Пафнутия. В летописи говорится, что в этой битве погибло 12 тысяч человек.

Сражались здесь и войска князя Дмитрия Пожарского.

А в 1812 году тут действовали партизаны Дорохова, Сеславина, Фигнера. Когда стал Наполеон готовиться к уходу из Москвы, Кутузов занял с армией находившееся неподалеку село Тарутино и перекрыв дороги на Тулу и Калугу.

Через несколько дней казаки Платова атаковали на Боровской дороге французский обоз, не зная, что в сорока шагах от них ехал сам Наполеон со свитой. Чудом спасся император, который вместе с Неем и Коленкуром вынужден был обнажить шпагу. Денис Давыдов потом рассказывал о казаках: «Если бы они знали, за кого они, так сказать, рукой хватились, конечно, не променяли бы этой добычи ни на какие пушки и обозы».

Наполеону было не понять озлобленности русских, участия в войне не только солдат и казаков, но и простых мужиков и даже женщин и детей...

Так было, так будет.

Недавно мальчишки принесли в музей кусок ленты с проржавевшими патронами от немецкого крупнокалиберного пулемета.

В самый канун 1942 года части 93-й и 113-й стрелковых дивизий вышли на подступы к Боров-

ску. 31 декабря гитлеровцы замаскировали в сара-ях множество пулеметов. Узнав о засаде, тринадцатилетний Ваня Андрианов решил предупредить своих и бросился бежать на виду у врагов по заснеженной пойме Протвы навстречу нашим бойцам. По мальчику стреляли, он падал, поднимался, снова бежал. Пуля разорвала на нем пальто. И все-таки он добежал, рассказал о засаде и повел бойцов в обход по оврагу. Командарм М. Г. Ефремов лично вручил ему орден Красной Звезды. Мальчик стал сыном полка и дошел с ним до западных границ страны.

ДИОНИСИЙ В БОРОВСКЕ

Ах, Боровск, Боровск, что ты за город за такой! Нет, кажется, никакой логики в извирах твоих вздыбленных улиц. Бросаются они то вправо, то влево; то приводят на вершины холмов, откуда видно далеко окрест, то опускаются в низины.

В музей Алексея Алексеевича Антипова боровских мальчишек тянет, как магнитом: интересно им среди всяких вещей, особенно среди оружия, старинного и нестаринного. Приходят, шупают, примеряются у пулемета — и остаются помогать. Это главные помощники хранителя музейных ценностей. Уже более десятка лет всякий день, как на работу, ходит в свой самодельный музей пенсионер Антипов, а у ворот монастыря стоят автобусы с организованными туристами или толпа неорганизованных любопытствующих из разных городов, а более из Москвы (тысяч по пять в год), и начинается горделивый показ и рассказ.

По преданию, жил в Боровске «властитель, баскаком нарицаемый», видимо, один из татарских мурз, князей. Как-то боровитяне восстали, и была бы баскаку смерть, если бы он срочно не крестился и не принял имя Мартина. Внук баскака, отрок Парфений, и явился в Высоковский монастырь, который основал в 1410 году боровский удельный князь, сын героя Куликовской битвы. В двадцать лет Парфений стал монахом, был переименован в инока Пафнутия и получил в наставники старца Никиту, ученика Сергия Радонежского. Еще двадцать лет Пафнутий исправно трудился в монастыре и в 1431 году стал его игуменом.

А лет через двадцать с лишком Пафнутий предпринял строительство нового большого каменного храма и пригласил его расписывать Дионисия и Митрофания, «живописцев хитрых в Рустей земли», как писал Иосиф Волоцкий, политик и писатель.

Гений Дионисия признан всемирно, а о нем самом известно мало.

Где и когда родился? Поди узнай, если первые сведения о нем связаны с боровским Пафнутьевым монастырем, а трудились он там где-то «между 1467 и 1476» годами. Отсюда и считают, что родился Дионисий то ли в тридцатых, то ли в сороковых годах пятнадцатого столетия. Во всяком случае, в Боровске работал уже известный мастер, потому что в «Житии Пафнутия» говорится так: «Бе во иконописцех изрядный художник, именем Дионисие-мирянин».

Если Андрей Рублев был монахом, то Дионисия, видимо, надо считать одним из первых русских «свободных художников». Был он женат, имел двух сыновей — Феодосия и Владимира, которых тоже сделал знатными живописцами. С ними и целой артелью помощников он явился в Боровск, где Пафнутий благословил его на «доброе дело».

Закончил фрески Дионисий, иконы написал «чудно вельми». Летописцы, рассказывая о смерти Пафнутия в 1477 году, отметили и то, что красоте храма «дивилися и самые самодержцы Русской земли».

Представить себе это можно тому, кто побывал в Ферапонтовом монастыре и видел тамашний Рождественский (как и в Пафнутьевом!) собор, расписанный Дионисием в 1500 году.

После Боровска художник писал иконы для иконостаса Успенского собора Московского Кремля в 1481 году, иконы и фрески соборной церкви в Иосифо-Волоколамском монастыре... Теперь уже сравнительно много есть икон, в которых узнаются тонкий рисунок и богатая по цветовым оттенкам палитра Дионисия: изящные, сильно вытянутые фигуры, декоративность его стиля, ставшего образцом для подражания многих поколений наших древних художников.

Строившийся при Пафнутии белокаменный собор через сто лет разобрали. По одной версии, «из-за малости», а по другой — потому что в 1570 году крымские татары совершили очередной набег на Русь, сожгли Боровск, ограбили и сильно повредили монастырь и собор. На месте его был поставлен нынешний — большой, кирпичный. И от фресок

Дионисия, видимо, не осталось и следа. Нет, следы все-таки нашлись! В 1972 году, когда уже существовал музей. Находок было много — изразцы, саркофаги, кувшины... Не только парторг Алексей Алексеевич Антипов и секретарь комсомольской организации Вячеслав Пчелкин проявили самый горячий интерес к историческим реликвиям. Были и другие энтузиасты. Выпросили подвальное помещение под колокольной и трапезной, стали сносить туда находки...

А тем временем реставраторы взялись за фундамент и цоколь собора, сложенные из брусков известняка. Кладка ослабла, края некоторых брусков обкрошились. Меняли их на новые, более надежные. И тут это самое и случилось... Стали попадаться бруски со слоем старой штукатурки, а на ней — фрагменты фресок! Краски нежные — желтоватые, розовые, коричневые... Целый лик старца попался, с розовым нимбом вокруг головы. Пятисот почти лет лежал он в цоколе собора, на северной его стороне. Что тут началось!

В газетах и журналах появились статьи с броскими названиями: «Уникальная находка», «Дионисий в Боровске»... Потом камень с фрагментом фрески выставлялся в Ленинграде в Русском музее, а теперь находится в музее Андрея Рублева в Москве. Есть фрагментик и у Антипова в его монастырском музее, тут же — набор средневековых инструментов для штукатурных работ, цветные камешки старинных красок, репродукции сохранившихся работ Дионисия...

«ЗА ВЕЛИКИЕ НА ЦАРСКИЙ ДОМ ХУЛЫ»

Протопоп Аввакум — великий оратор и борец, прегордый, упрямый, за всю жизнь не изменивший ни разу своим принципам, за что и пострадал: били его и пытали, ссылали и проклинали, томили в тюрьмах и земляных ямах и, наконец, сожгли «за великие на царский дом хулы». Дважды сживал он в боровских темницах.

Сидя в яме, он написал книгу, живущую по сей день — свое «Житие». Написал, «навякал» ее мужицким языком, а потом оказалось, что это первый русский роман, а язык — тот самый народный, которому предстояло полноправно войти в литературу. Аввакум был одним из зачинателей раскола в церкви, выступал с горькой критикой на царя, пользовался большой славой в народе.

Очень нужен был авторитетный протопоп царю Алексею Михайловичу, встревоженному вестями о росте раскола, о народных волнениях, грозивших перерасти в религиозную войну. 12 мая 1666 года приехал за Аввакумом царский пристав и увез из Боровска. «Пристав позади — побивая, да побивая: иное вверх ногами лошадь в грязи упадет, а я через голову; и днем одним перемчались девяносто верст, еле жив дотащились до Москвы». Коротко и емко писал Аввакум, ни единого словесного украшения, а картина живая...

Царь подсылал к нему своих людей и даже сам приезжал к нему. Дорогу к темнице песочком присыпали по этому случаю. Царь постоял у двери, повздыхал, но к узнику, сидящему на цепи, не вошел: понял, что не примирится с ним этот замученный человек. Повезли Аввакума обратно в Пафнутьев монастырь со строгим наказом «беречь его накрепко с великим опасением, чтоб он с тюрьмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать и никого к нему не пускать не велеть, а корму давать как и прочим колодникам».

В загадочном по своему назначению подвале и сидел, видимо, Аввакум с прочими колодниками «в темной полатке».

Так он сидел до суда, устроенного над ним в присутствии восточных патриархов, где, услышав, что русских зовут дураками, произнес Аввакум свою громовую речь и где чуть не удушили его собственноручно высокопоставленные монахи...

...Посетители музея в Пафнутьевом монастыре всегда спрашивают Алексея Алексеевича: «Где у вас тут умерла боярыня Морозова?» И приходится объяснять, что не здесь это было, а в самом Боровске, на вершине насыпного холма, где когда-то стоял кремль. В монастыре же томился Аввакум.

Обстоятельства жизни и смерти боярыни Морозовой малоизвестны, но само имя знакомо каждому. Так кто же она, боярыня Морозова, из какого рода, как жила, как ее жизнь окончилась? Десятики Морозовых заседали в Думе при всех великих князьях и царях, были боярами и окольными. В тридцать лет овдовевшая боярыня Феодосья Прокпеевна стала распорядиться сказочным богатством, доставшимся ее единственному сыну, малолетнему еще Ивану Глебовичу.

В роскоши жила боярыня Морозова. Во дворцах ее полы были паркетные, на западный образец; в садах разгуливали павлины. Выезжала она в серебряных каретах, запряженных двенадцатью аргамаками, и не иначе как в сопровождении нескольких сот слуг. И при дворе положение ее было прочным: ближняя боярыня и подруга царицы; славилась своим обаянием. Недаром еще покойный Борис Морозов любил беседовать с ней и благодарил: «Днесь насладились паче меда и сота словес твоих душеполезных».

Так и жила бы она в «земной славе», не появившись в ее доме Аввакум, человек, как говорил он о себе, нищий, непородный и неразумный, человек беззаступный, одеяния, золота и серебра не имеющий, «протопоп чином, скорбей и печалей преисполненный»... Он только вернулся из сибирской ссылки, рассказывал о злоключениях своих так, что дух захватывало, громил иконописные нововведения, отстаивал «родную святую старину».

С этого и началось обращение боярыни Морозовой «отрясение праха» богатства и роскоши, путь от «земной славы» к мученичеству и к иной славе, всенародной...

Зная мятежный образ ее мыслей и проведая о переписке с заточенным Аввакумом, царь отбирает часть ее имений, потом возвращает по настоянию ее подруги — царицы Марии Ильиничны. Но вот царица умирает, и боярыня принимает постриг, становится инокиней Феодорой, перестает «лицемерить», бывать во дворце и на церковных службах. Начинается то, что потом назвали «духовным поединком» между царем и боярыней. И за поединком следит народ, сочувствие которого не на стороне власти.

Многие прежние друзья отступились от боярыни. Лишь сестра ее княгиня Евдокия Урусова и жена стрелецкого полковника Мария Данилова остались верными ее подругами. В ночь на 16 ноября 1671 года сестер взяли под стражу, допрашивали.

Знаменитая картина Сурикова рассказывает о событии, которое произошло 19 ноября 1671 года. После допросов во Вселенских палатах Чудова монастыря в Кремле и двухдневного сидения с железными кандалами на ногах в подклети к боярыне пришел думный дьяк Стрелецкого приказа, велел снять с ног кандалы и надеть ей на шею железный ошейник — «огорлие», соединенный цепью со «стулом» — тяжелым обрубок дерева. В «Повести о боярыне Морозовой» говорится (излагаем по-современному): «И повелено было думным людям посадить ее на дровни, а коношу везти. Она села и стул возле себя положила. И везли ее мимо Чудова монастыря под царскими переходами. Высоко подняв правую руку и ясно изобразив сложение перстов, великая Феодора перекрестилась, звеня цепью. Мнила святая, что на переходах стоит царь и наблюдает за победой ее...»

Неизвестно, действительно ли смотрел царь, как везли Морозову. У Сурикова в картине написано окно с решеткой, за которой смутно угадывается человеческая фигура. К этому окну обращен горящий взор боярыни. Победа же Морозовой, по мысли великого русского художника, — в сочувствии народа. Василий Иванович Суриков писал: «Первый эскиз «Морозовой» еще в 1881 году сделал, а писать начал в восемьдесят четвертом, а выставил в восемьдесят седьмом... Очень трудно ее лицо было найти. Ведь сколько времени я его искал...» «Персты рук твоих тонкостны, а очи твои молниеносны. Кидаясь на врагов, аки лев...» Это протопоп Аввакум сказал про Морозову...

На создание замечательной картины Сурикова вдохновляло Аввакумово «Житие». Он читал и перечитывал его, ходил по рынкам, искал типы, делал эскизы. «А юродивого я на толкучке нашел... В начале зимы было. Снег талый. Я его на снегу так и писал...»

Стасов потом сказал: «Суриков создал теперь такую картину, которая, по-моему, есть первая из всех наших картин на сюжеты из русской истории... Русская история, русский XVII век так и живут, так и дышат у него в картине...»

Конечно, в картине все верно — и костюмы и пейзаж, но величие картины не в историческом антураже, а в идее, в идее сочувствия, которое так присуще русскому народному характеру. И нищая странница, и боярышня в синей шубке и «стлвуха» и мальчишки, и сама боярыня — Суриков искал и нашел типы национальные, нашел то общее, что объединяет народ, хотя и повествовал о расколе, о трагедии разъединения.

Летом 1673 года царь повелел перевести Морозову в Новодевичий монастырь. «Вельможные жены» приезжали в «рыдванах и коретах» понаблюдать «крепкое терпение» боярыни. Царя это сердило, он

приказал отослать ее куда-нибудь в дальний монастырь. Дальним этим местом и был Боровск. Так и не удалось Морозовой добиться публичной казни, умереть на людях, мученически. Именно этого царь и не хотел — боялся ропота и жалости народной. Спрятав Морозову в боровский острог, он обрек ее на долгое умирание (умерла она в 1675 году), но лишить боярыню бессмертия в памяти людей оказался не в силах.

В КОСМОС!

История Боровска так далеко уходит в будущность человечества, что и не история она для меня вовсе, а нечто единое целое, словно монолит. Ветхи дома, на которых висят доски с напоминанием: здесь квартировал Константин Эдуардович Циолковский. Стоит здание уездного училища на том самом рукотворном холме с крутыми откосами... В этом же училище задолго до Циолковского преподавал историю и географию Николай Федорович Федоров, первый из задумавшихся о покорении космоса, человек, покровительствовавший Циолковскому. Тот говорил: «Федорова я считаю человеком необыкновенным, а встречу с ним — счастьем». Говорил он и о том, что Федоров «заменил университетских профессоров, с которыми я не общался. Я тогда по-юношески мечтал о покорении межпланетных пространств, мучительно искал пути к звездам, но не встречал ни одного единомышленника. В лице же Федорова судьба послала мне человека, считавшего, как и я, что люди непременно завоеуют космос».

Последнее время имя Федорова вспоминают все чаще. Вспоминают, как Лев Толстой гордился, что живет «в одно время с подобным человеком». Вспоминают, что Достоевский мысли Федорова «прочел бы как свои». Вспоминают, что Максим Горький называл его «замечательным, своеобразным мыслителем».

Рассказывая о Федорове, нельзя хотя бы очень кратко не изложить суть философских раздумий, собранных через несколько лет после его смерти, в 1903 году, в книгу «Философия общего дела». Федоров бунтарски переосмысливает вопрос жизни и смерти и создает план «регуляции природы». Он предшественник советского академика В. И. Вернадского, который вместе с другими выдвинул в XX веке идею сознательного управления эволюционным процессом.

Федоров мечтал об управлении ветрами и дождями для хозяйственных нужд, об овладении энергией Солнца. Да и сам земной шар, считал он, станет двигаться по воле человека: «Человечество должно быть не праздным пассажиром, а прислугою, экипажем нашего земного — неизвестно еще, какую силою приводимого в движение, — корабля».

Федоров верил, что для труда человеческого не существует границ. Не только на Земле будет трудиться человек, но и на неисчислимых мирах вне ее. Население Земли умножается, земные ресурсы истощаются, придет время ослабления деятельности Солнца. Человеку непременно придется заняться «отысканием новых земель». В своих философских построениях Федоров заходил так далеко, что иные из идей творцов современной научной фантастики кажутся недостаточной фантастичными: «Человеку будут доступны все небесные миры только тогда, когда он будет воссоздавать себя из самых первоначальных веществ, атомов, молекул, потому что только тогда он будет способен жить во всех средах, принимать всякие формы».

Человек с его разумом при покорении космического пространства сможет перевоплощаться, строить свое тело из любого вида материи, включая плазму, чтобы проникнуть даже в пылающие звезды. В такие фантастические дебри еще никто не забирался...

Но если могущество человека будет так велико, не злоупотребит ли он им? Нет, говорит Федоров, эмоциональная сфера человека изменится коренным образом с установлением всеобщей родственности и братства. Великое знание породит идеальное общественное устройство.

В Боровске философ жил и учительствовал где-то в шестидесятых годах прошлого века. Никто не знает, у кого он жил. И почему именно в этом городке? Таким, впрочем, типично русском и вольно или невольно влекущем к себе людей не совсем обыкновенных.

Зато как жил Федоров, известно. Не было у него никакого имущества. Питался он тем, что подавали ему хозяева, а учительское жалование раздавал беднейшим из своих учеников. Он был, пожалуй, одним из самых образованных людей в России,

ходячей энциклопедией; знал европейские и некоторые восточные языки, включая китайский.

Пятнадцать лет учительствования и философских раздумий в городках среднерусской полосы, и вот Федоров в Москве, сперва в Чертковской библиотеке, а потом в Румянцевском музее (ныне библиотека имени В. И. Ленина), где он прослужил двадцать пять лет в читальном зале.

Он жил для дела и забывал обо всем прочем. Он был аскетом, но не отшельником. Он любил людей и отдавал им все свое время. Русские ученые могли получить его совет в любой отрасли знаний — от востоковедения до военно-морского дела.

Идея выхода в космос витала в воздухе. И недаром она овладела молодым человеком, который совсем недавно еще набирался знаний под руководством Федорова, а в январе 1880 года был назначен учителем арифметики и геометрии в Боровск.

Тошлый, глухой, болезненный, Циолковский чем-то настораживал обывателей, и немало ему пришлось поколесить по городку, в котором все улицы ведут либо в гору, либо под гору, пока не удалось снять квартиру у старообрядческого священника Евграфа Николаевича Соколова.

Уютный домик на берегу Протвы, чаепития у приятно поспывающего самовара, хозяйская дочь Варвара Евграфовна, потом Варя, в том же году ставшая женой Константина Эдуардовича...

Он писал о себе так:

«По природе и по характеру я революционер и коммунист... Почему же из меня не вышел активный революционер? Причина в следующем:

1. Глухота с десяти лет, сделавшая меня слабым и изгоем.

2. Отсутствие вследствие этого товарищей, друзей и общественных связей.

3. По этой же причине: незнание жизни и материальной беспомощность».

Гений не может бездействовать. В безграничный космос устремилась мысль Циолковского. В покорении его он увидел будущность человечества. Но космос не был самоцелью — путь туда Циолковский считал вехой на пути к всеобщему счастью.

Еще в Москве молодой человек увлекался техникой, конструировал всякие машины, никогда не расставался с инструментами. Но мысль его парила в иных сферах, он думал о великом и вечном, о природе добра и зла, о смысле жизни и цели истории.

Мы помним о его идеях, связанных с воздухоплаванием и реактивными летательными аппаратами, но часто забываем то, ради чего он взялся за это дело. Вот у него уже лежит рукопись сочинения «Вычисления и формулы, относящиеся к вопросу о межпланетных сообщениях».

Заняться ему чистой наукой? Посвятить себя технике? Нет и нет, нужна «сверхцель». Потом, через много лет мысли его найдут свое выражение во всемирно известной «Космической философии», пока же слушателей у него было всего двое, но каких милых.

Свадебного пира не было. Варвара Евграфовна согласилась жить с ним скромно, на одно жалованье. Везет блаженным — в жизни он обрел друга. Поверял ей все мысли. Летом ходил в лодке под парусом по Протве. Это нынче она обмелела и уж не рекой стала, а речкой, хотя берега ее, осененные вековыми соснами и колокольнями на взгорьях, как и прежде, сказочно красивы. Зимой катался на лыжах с горы Высокой. Приспособился Циолковский носиться на коньках с парусом по льду реки. Лошади, завидев парус, отпрядали и пятились, а возницы ругались и называли учителя «крылатым дьяволом».

Всякое бывало. Циолковские снимали квартиры. Одна сгорела вместе с библиотекой и всем имуществом, другую в половодье затопила вода.

В Боровске семья Циолковских прожила двенадцать лет. Здесь были написаны «Графическое изображение ощущений», «Теория газов», «Механика подобно изменяющегося организма», заслужившая «душевный» отзыв профессора И. М. Сеченова, «Свободное пространство», «Теория и опыт аэростата», работа, получившая одобрение Н. Е. Жуковского и Д. И. Менделеева, фантастическая повесть «На Луне» и многое другое. Из последней боровской квартиры на Молчановской улице в 1892 году Циолковский отбыл в Калугу, которой предстояло принять на себя всю славу его открытий.

Сразу за городом и за стенами монастыря начинается сосновый лес. Громадные деревья расставлены редко; солнце прогревает стволы сосен, источающих смолу; воздух душист, тишина. Меж стволов виден заросший ряской пруд, над ним крепостная башня и часть стены, а еще выше — купола.

Валентин ЛУКША

В тургайской долине

В неоглядную даль мы шагаем долиной
Тургайскою.
Рюкзаки тяжелы, будто в них
весь Уральский хребет!

Компас —
небо
с холодными звездами майскими,
Проводник в глухомани —
медвежий след.

В перелеске зеленом
раскинем палатки бивачные.

Как жар-птица,
костер
замашет крылами во мгле.

Будет песня веселая
спорить с потемками мрачными,
Будет бульбочка печься
в горячей золе.

Утром —
снова в поход.
Пусть внезапная молния длинная

Грозно в землю Тургай
вонзится,
подобно копыю!

Пробудилась долина —
дремучее поле былинное, —
Мы вдохнули в нее
неуемную
юность свою!

Исповедь

Я помню и в веселье и в печали
Святейший долг: возвышенной строкой
Воспеть и города твои и дали,
О Полотчина — край мой дорогой.

Знать, человеку всё ж необходимо
(Пусть начал он иль завершает путь),
Чтоб не пройти заветной цели мимо,
На жизнь свою со стороны взглянуть.

Ладони почерневшие потрогать
И родниковой свежести испить,
Подумать вновь над избранной дорогой
И,
как в чистилище,
в свой край вступить.

...Мне влагою волшебной Ипокрены
Была двинская рыжая вода.
Гудел надрывно ветер, как сирена,
Натягивал опасно провода.

И осыпали зябкие осины
Багряную листву у большака.
Здесь не было ни сказки,
ни былинны.

Был только лес да темная река.
Топографы старательно и дружно
Прощупывали,
изучали местность.

А черный бор бубнил одну и ту же
Таинственную вековую песню.

И тут один не выдержал.
И слезно

Захныкал,
что устал он и продрог,
Что впереди, мол, ждут одни морозы
Да и прораб к тому же слишком строг.

Мы трусу не устраивали «темную»,
Мы просто показали на порог:
— Здесь рядом переправа есть паромная.
Отыщешь, ведь сюда приехать смог...

Мы выдержали все: морозы, ливни.
Мы все смогли, чтоб город встал в огнях.
Рассказываю нынче, как былину,
О тех тяжелых, тех прекрасных днях.

Страшной сказкой
Ночь подходила
К партизанскому шалашу.
Упыри и черти
В фашистских мундирах
Снились мне,

малышу.
Я кричал,
и мама
меня будила,
Прижимала к груди,
Шептала:
— Сгинь, нечистая сила,
Сгинь,
пропади!
Брезжил рассвет.
Просыпались птицы
Среди ветвей.
И бежали фашисты
в страхе
От шепота
мамы моей!

Заполярье

Пунктиром на снегу,
как на планшете.
Оленьи обозначились следы.
Подмытые течением сумасшедшим.
В речушку горную
обрушивались льды.
Скрипели нарты.
Сосны вековые
Шагали вдале
в расшитых торбасах,
Чернели скалы
острые и злые,
И замерзали слезы на глазах.
Лавина гривой белою лежала
У горного отрога на плечах.
И даже солнышко от холода дрожало
В очоченных лапах кедрча.

Шамшали

Как только весна
Засинеет в окошке —
Снились мальчикам
лепешки...
И сны сбывались.
Из клейкой земли
Добывали мальцы голодные
Разбухшие
бурые шамшали —
Картофелины прошлогодние.
Скрежетали, позвякивали лопатки.
Пахла земля прошлогодней прелью.
С полным лукошком
во все лопатки
Мчались мы
по апрелю.
— Мамка, я принес шамшали!..
Слиплась в лукошке бурая грудка...
Но какие лепешки
мамы пекли
Из этого месива —
чудо!
Гром канонады гремел вдали —
Шли бои за Двиной.
Я вспоминаю те шамшали
Каждой весной!..

Паромщик

Волна о берег бьется то и дело,
Холодным носом тычется в песок.
А я — в поту.

Тельняшка побелела.
Жара в виски стучит,
как молоток.

Мне кажется:
Я — плечи переправы,
Я сам паром,
плывущий по волне.
Стоят машины
на моей спине —
Ташу машины
с левого на правый.
Так —
целый день.
Осилить грузов горы
Родная помогает мне Двина.
...Доныне чуть сутулится спина,
Хотя давно построен новый город
И переправа та упразднена...

Славлю лес

Когда бредешь усталый, запыленный
Дорогой длинной в полуденный зной,
Сверни с дороги в тихий лес зеленый,
И он усталость снимет как рукой.

Я славлю чудо из чудес —
Родимый лес, зеленый лес!

Когда на сердце беспокойно станет,
Когда не в силах совладать с тоской,
Побудь в лесу на солнечной поляне —
И все печали снимет как рукой.

Я славлю чудо из чудес —
Красу земли, зеленый лес!

Когда раздумья вещей час настанет,
Когда мечтаешь о грядущем ты,
С зеленым другом поделись мечтами,
И окрылит он все твои мечты.

Я славлю чудо из чудес —
Родимый белорусский лес!

Мы были вместе в радости и в горе.
Он в дни войны стеною встал за нас.
Застыли сосны тихо, как в дозоре,
Лес и сегодня охраняет нас.

Да не подымется топор
На лес родной, на добрый бор!

Тайга хрипит,
как раненый олень,
От ветра дыбом гривы на суметах.
Мороз лютует,
и который день
В распадке
не взлетают вертолеты.
Антенна пляшет —
удочка-дуга
Над разъяренным снежным океаном.
Прет на таран свирепая пурга,
А мы идем — навстречу ей —
тараном!..

Авторизованный перевод с белорусского
Геннадия БУБНОВА.

Раим ФАРХАДИ,
лауреат премии
Ленинского комсомола
Узбекистана

Язык человечности

Мы подсчитали,
Сколько языков
Есть у людей Земли.
И счет велик.
Один — древней язык,
А значит, и мудрей,
Другой — звучней
И музыкальней он.
А третий —
Славен
Краткостью своей...
Не будем строить
Новый Вавилон!
Впустую спор.
Подумаем сперва,
Какие
В разных языках
слова.
И мы пойдем,
Что этот спор
Нелеп.

Хотя ведется
С жаром,
Как всегда.
В различных языках
Есть слово: хлеб.
Мать всюду — мама...
А звезда —
Звезда!
И доброта
Зовется добротой.
Зовется другом друг.
Мечта —
Мечтой.
И мы пойдем,
Хотим или не хотим,
Ценой
исканий долгих
И седин,
И согласимся
С истиной такой:
Язык у человечности один.

Теорема о двух параллельных прямых.
О глазах и ладонях твоих и моих,
О бегущих по снегу горячих следах,
О словах, что сказать не успел впопыхах...

Значит, встретиться нам невозможно
почти:
В бесконечности сходятся наши пути.
Пусть плывут облака надо мной, над тобой,
Бьется глухо о скалы вечерний прибой...
Ты, подумав об этом, чуть-чуть погрузи:
В бесконечности сходятся наши пути.

Через горы и реки, пески и сады —
Путь сверяя по свету дрожащей звезды...
Чистым полем и лесом, сквозь ветер и
дождь —
Подожди меня, если вдруг первой
придешь.

Нам одно остается — идти и идти.
В бесконечности сходятся наши пути.
И увидятся вновь... И слова досказать.
Вот и все, что и требуется доказать.

Дочь моя родилась в январе,
Отыскал я ее в янтаре
На высокой хрустальной горе,
В ставшей камнем сосновой коре,
И, взойдя из крупицы огня,
Повторила тебя и меня.

Как чудесно сложились черты —
Пусть счастливей, чем я и чем ты,
Будет дочь, я желаю того.
В том природы и есть волшебство:
Вновь и вновь обжигая в огне,
Делать мир этот ярче вдвойне!

Жизни вечнозеленое древо
Там, где смерти желтеют листья.
Вижу: вечнолюбленная дева
Собирает их, словно цветы.

Осыпаются, кружатся листья,
Пламенеет огромный букет.
Ветер, ветер-дружок,
хватит злиться! —
Прокричу я, а ветер в ответ

Только пуще качает деревья.
Листопад. А затем — снегопад.
Здравствуй, зимнее белое время! —
Тишины невесомый наряд.

Жизни вечнозеленое древо
В снежной роздыми гордо растет.
Вижу: вечнолюбленная дева,
Улыбаясь, по снегу идет.

Цветы в тайге

Цветы и поярче встречал я,
Но случай мне встретить помог
Простые цветы иван-чая
В тайге вдоль бетонных дорог.

Водители ЗИЛов и МАЗов,
Строители, буровики
Живой разговор о прекрасном
Со мною в дороге вели.

И то, что в тайге, в глухомани
Не розами выслан их путь,

А теми простыми цветами,
Они не жалели ничуть.

Бежала, бежала бетонка.
Дорога вела к буровой.
Тайга, как смешная девчонка,
Стояла в косынке цветной.

Толпились цветы у обочин,
В красе некрикливой своей,
Цвели. А без них, между прочим,
Здесь было б намного трудней.

КАРСКИЙ ПРОРЫВ

В своем небольшом кабинете Болдырев перелистал папку, бегло просмотрел протоколы допросов арестованных. Несколько листов, исписанных корявым почерком, вынул из папки, протянул Шестакову.

— Остальное все шваль, уголовная шушера... — пробормотал чекист. — И главное — никто про него ничего не знает.

— Муратова надо допросить, — сказал Шестаков. — Он, наверное, кое-что знает?

— Может, и знает, да не скажет, — зло сказал Болдырев. — Мы к ним давно присматриваемся, к братьям этим, но и братья смысла нет: их трактир для нас — как рыбный садок. Мы там уже немало всякой рыбки выловили...

— Понятно...

Болдырев снова раскрыл дело, лениво полистал его, перечитал какой-то протокол. Потом взял в руки женский фотоснимок, повертел его так и сяк, хотел положить обратно в папку. Но его заметил Шестаков. Он отложил протоколы допросов в сторону, заинтересовался:

— Ну-ка, ну-ка, покажи!

В руках Болдырева было фото Лены Неустроевой. Скрывая волнение, Шестаков спросил:

— Это откуда здесь?

— Главари их обронил... — как-то неохотно ответил Болдырев. — Когда через ограду порта прыгал... Патрули потом обнаружили...

— А кто такая? Ты ее не знаешь?

— Понятия не имею...

Шестаков долго, напряженно смотрел на фото. Наконец будто через силу спросил:

— А где его след потеряли, главари?

Болдырев посмотрел на Шестакова с удивлением: — На Шелогинской. А что?

— Да так, ничего... Так-так-так... — задумчиво бормотал Шестаков.

В конце концов он, по-видимому, пришел к какой-то догадке.

— Слушай, Андрей Васильевич, — сказал он вдруг. — Дай-ка мне эту карточку на денек...

Болдырев усмехнулся:

— Что, понравилась? Или знакомая?

Шестаков смотрел мимо него в окно:

— Понравилась... Очень понравилась... — и спрятал фотокарточку в карман.

Спустя несколько минут он был на Шелогинской. Вот и дом Неустроевых.

Лена открыла ему дверь, с радостной улыбкой потянулась навстречу — хотела обнять, но Шестаков мягко отстранил ее:

— Лена, я не люблю хитрить. И не умею... Я ведь всегда говорил тебе правду, так?

С удивлением взметнулись темные густые брови:

— Так, но...

— ...И ты мне должна... просто ты обязана... обязана сказать мне...

— Но я никогда не давала тебе оснований подозревать меня во лжи... — сказала Лена обиженно, с достоинством.

— Поэтому я и спрашиваю тебя напрямик... — Шестаков полез во внутренний карман пиджака.

Протянув ей фотографию:

— Кому ты дарила этот снимок?

Лицо ее разом побелело. Карточки не взяла, отвернулась, отошла к окну. Долго смотрела на улицу, потом очень медленно, глухо спросила:

— Николай, а ты вправе задавать мне такие вопросы?

Шестаков сказал с волнением:

— Вправе! Потому что я взял эту фотографию в ЧК. А потерял ее наш враг. Бандит и убийца...

Лена в испуге зажала ладонью рот:

Рисунок Виктора БЫЛИКИНА

— Господи! Почему нет дня покоя и тишины?! У меня нет сил для всего этого...

Шестаков спросил требовательно:

— Лена, я прошу тебя... скажи, кому ты дарила это фото?

Лена отрицательно покачала головой.

Шестаков подошел к ней вплотную:

— Чаплицкому?!

Лена смотрела прямо перед собой. На виске ее, под прядкой волос, выбившихся из-под пучка, пульсировала нежная голубая жилка.

— Лена! Лена! Он здесь? — кричал Шестаков. — Чаплицкий в Архангельске?!

Лена молчала. Из глаз ее выкатились две слезинки, потом побежали другие, быстрее, все быстрее, заливая лицо. Тело ее сотрясало от страшного внутреннего напряжения в молчаливой истерике.

Шестаков смотрел на нее в задумчивости и вдруг растерянно вымолвил:

— Значит, ты с самого начала знала, что он здесь?..

— Коля, я ведь не умею врать... Но пойми — я и предавать не умею!.. Никого... Никогда... Я устала от вас... Белье! Красные!.. Все ненавидят друг друга... Как звери охотятся друг на друга. Я не революционерка... И не белогвардейка!.. — И закончила почти шепотом: — Я хочу покоя...

— Ты хочешь покоя? — с яростью повторил Шестаков. — А я не хочу покоя? А все эти истерзаные, голодные люди не хотят покоя!

Лена не отвечала, и Шестаков продолжал беспощадно:

— Те, кого здесь твой жених Чаплицкий мучил, порол и вешал, они не хотели покоя?! Ты спасла жизнь убийце...

Он встал и неуверенно, слепо, ударившись плечом о дверной косяк, вышел из комнаты.

Лена упала на кровать. Плакала горько: обессилено, как маленькая обиженная девочка.

На следующий день приступили к подъему угля с затопленных белогвардейцами кораблей.

С первого же спуска работа пошла полным ходом — все были расставлены по своим местам, заранее было подготовлено все снаряжение.

Матрос первой статьи Федор Гарковец, прошедший водолазную школу на Балтике еще в пятнадцатом году, спустился под воду первым. За ним последовали товарищи.

Они медленно прошли вдоль высокого борта морского судна, покоившегося на дне. Водоросли уже опутали его, к обшивке пристали ракушки. Над клюзом виднелись медные буквы: «АЛЬБАТРОСЪ»...

А наверху на легкой волне покачивался водолазный бот. Невдалеке виднелся еще один, за ним — третий, рядом — застопоренные буксиры, баржи.

На палубах ботов царил рабочая водолазная обстановка: мерно пытели воздушные помпы, дежурные матросы под присмотром Шестакова потравливали шланги...

...Федор Гарковец, а за ним и остальные водолазы поднялись на палубу «Альбатроса», потом обследовали внутренние помещения, наконец, спустились в кочеварку судна...

Рисунок
Константина РЫБАЛКО

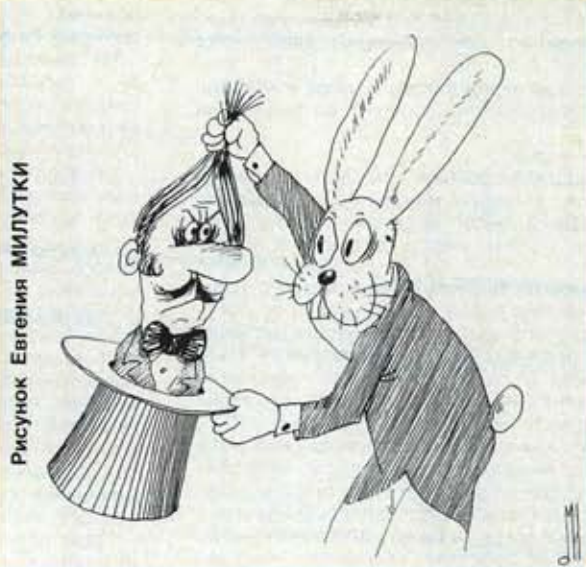

Рисунок
Евгения МИЛУТКИ

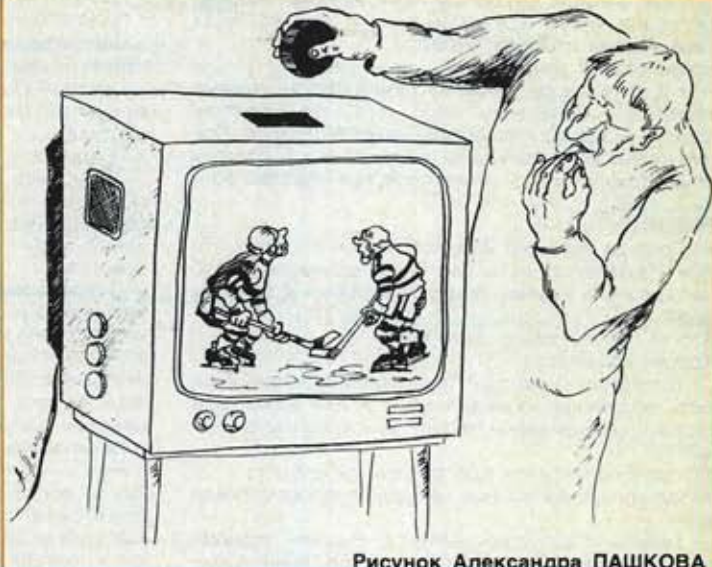

Рисунок Александра ПАШКОВА

Рисунок Бориса ЭДИНБУРГА

Рисунок Сергея ЧЕРЕПАНОВА

(Окончание.)

Начало см. в №№ 11—15
и 17—20 журнала.)

Двенадцатый тур

Во сколько ходов белые быстрее всего дают мат?

2

Обратный мат в пять ходов.

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ ШАХМ

Под редакцией
международного арбитра,
заслуженного
тренера РСФСР
Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Письма на двенадцатый, заключительный тур участники конкурса должны отправить в редакцию с 11 января по 10 февраля 1982 года (согласно штемпелю местного отделения связи).

Не забудьте, пожалуйста, свои ответы присылать только на открытках (без конвертов). Решение каждого задания, исполненное в сокращенной шахматной нотации, приводится на отдельной почтовой карточке. Просьба четко указать свой собственный адрес, фамилию и инициалы, а также сделать пометку «Конкурс «Смена»-81», тур двенадцатый».

тателей предлагаются две прелюбопытнейшие партии-миниатюры.

Первую на турнире 1956 года в Минске играли белорусские шахматные мастера А. Любошиц (у него белые фигуры) и М. Шагалович.

1. e2—e4 e7—e6 2. d2—d4 d7—d5 3. Kb1—c3 Kg8—f6 4. Cc1—g5 Cf8—e7 5. e4—e5 Kf6—d7 6. h2—h4.

Соперники начали боевые действия атакой Шатара во французской партии, что обычно ведет к весьма обоюдоострым позициям.

6. ...c7—c5 7. Kc3—b5 f7—f6 8. Cf1—d3 Фd8—a5+?

Ошибочный шах, позволяющий белым развернуть опаснейшее наступление на черного короля. После правильного хода 8. ...а6 белые, по-видимому, должны счесть за благо форсировать ничью вечным шахом в варианте 9. Фh5+ Kpf8 10. Лh3! ab 11. Ch6! gh 12. Ф:h6+ и т.д.

9. Cg5—d2 Фa5—b6 10. Фd1—h5+ Кре8—f8 11. Лh1—h3! c5:d4 12. Лh3—g3! f6:e5.

Теперь эффектной комбинацией, связанной с жертвой ладьи и слона, белые завершают победный штурм.

13. Лg3:g7!! Kpg8:g7 14. Cd2—h6+ Kpg7—g8 15. Cd3—g6!, и черные сдались.

Во второй партии-миниатюре на турнире 1973 года в Измаиле противниками были И. Геворгян и В. Майоров (последний играл черными).

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Cf1—c4 Kg8—f6 4. Kf3—g5 d7—d5 5. e4:d5 Kc6—d4 6. Kb1—c3 Kf6:d5!

Ловушечное продолжение, которое случайно приносит удачу. Надо играть здесь 6. ...h6 7. Kf3 Cg4 8. Ce2 C:f3 9. C:f3 Cb4 10. 0—0 с обоюдными шансами.

7. Kd5:f7! Фd8—h4 8. d2—d3 Cc8—g4 9. Фd1—d2?

Необходим был выпад слона 9. Cg5. Промах белых объясняется тем, что они просмотрели скрытый и очень красивый тактический удар партнера. Концовка с атакой на белого короля производит сильное впечатление.

9. ...Kd5—e3! 10. Cc4—b3 Ke3:g2+ 11. Кре1—f1 Фh4—h3 12. Kf7—g5 Kg2—e3++ 13. Kpf1—e1 Фh3—f1+!! 14. Лh1:f1 Ke3—g2x.

3

Кооперативный мат в шесть ходов.

4

Ход белых. Оцените возможности соперников.

БЫВАЮТ СХВАТКИ И ТАКИЕ...

Шахматные партии отличаются друг от друга и по содержанию и по количеству ходов. Бывают рекордно затяжные поединки. В одной из турнирных встреч, например, партнеры потратили на обдумывание (считая и неоднократные доигрывания в специально отведенные дни и часы) более 17(!) часов, сделав 193(!) хода. Полярно противоположный случай имел место в чемпионате Франции 1924 года, где была сыграна мини-партия А. Жибо—Ф. Лазар: 1. d2—d4 Kg8—f6 2. Kb1—d2 e7—e5 3. d4:e5 Kf6—g4 4. h2—h3?? Kg4—e3!, и белые сдались. Борьба длилась всего четыре хода!

В этой подборке вниманию чи-

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.10.81. Подписано к печати 03.11.81. А 05207. Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. п. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 17,50. Тираж 114500 экз. Изд. № 2824. Заказ № 1506. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Алексея МАЖУКОВА

Стихи Андрея ДЕМЕНТЬЕВА

Музыка Алексея МАЖУКОВА

Стихи Андрея ДЕМЕНТЬЕВА

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Есть повсеместно
Обычай славный:
Приходят свадьбы
К огню бессмертья.
Жених с невестой
Кладут на камни
Цветы любви.

Припев:

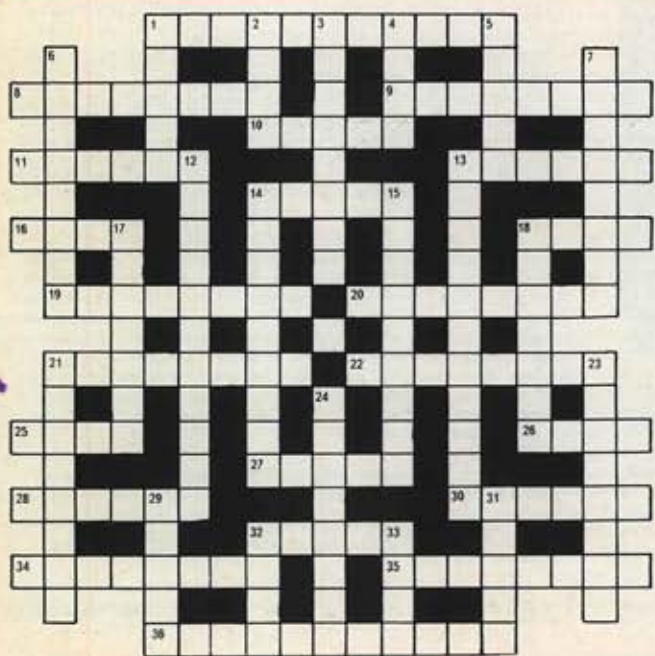
И мы с тобой
Сюда пришли.
Огонь святой,
Благослови!
Мне дорог свет огня
И вечный миг молчанья.
В сердце у меня
Живет его сиянье.

Пусть любовь моя
Всегда достойной будет
Тех минут.
Мне дорог вечный свет огня
И вечный миг молчанья.
В сердце у меня
Звучит твое признание,
Пусть любовь моя
Всегда достойной будет
Тех минут у Вечного огня.

И наша юность,
И наша верность,
И наше счастье
Священны будут.
Огонь бессмертья
Навек причастен
К огню любви.

К Р О С С В О Р Д

Составил Ю. ЛАЗАРЕВ
г. Николаев

По горизонтали:

- Звуконепроницаемое помеще-
ние для подготовки космонав-
тов. 8. Автор романа «Мятеж». 9.
Действующее лицо оперы
М. И. Глинки «Иван Сусанин». 10.
Чешский живописец. 11. Систе-
ма дальней космической связи в
СССР. 13. Персонаж повести
А. С. Грина «Алые паруса». 14.
Город в Финляндии. 16. Разно-
видность халцедона. 18. Герой
трагедии Софокла. 19. Соответ-
ствие, сходство. 20. Научная или
философская теория, система.
21. Торжественное открытие худо-
ожественной выставки. 22.
Действующее лицо комедии
Н. В. Гоголя «Женитьба». 25.
Оценка успеваемости учащихся.
26. Французский композитор. 27.
Роман И. Ф. Стаднюка. 28. При-
ток Оки. 30. Минерал. 32. Показ
художественной самодетельности.
34. Раздел механики. 35.
Кормовое бобовое растение. 36.
Устройство, взаиморасположе-
ние частей строения, механизма.

По вертикали:

- Начало спортивного состяза-
ния на скорость. 2. Порт в Вели-
кобритании. 3. Объединение
промышленных предприятий. 4.
Река во Франции, Бельгии и Ни-
дерландах. 5. Предварительное
объявление о спектакле, лек-
ции. 6. Летчик-космонавт Мон-
гольской Народной Республики.
7. Порт в Австралии. 12. Раздел
науки о Вселенной. 13. Зодче-
ство. 14. Казахский просвети-
тель-демократ, этнограф, фоль-
клорист. 15. Сорт яблок. 17. Лю-
битель сценического искусства.
18. Цитата, изречение, послови-
ца перед текстом художествен-
ного произведения. 21. Обла-
стной центр в РСФСР. 23. Сти-
хотворение А. С. Пушкина. 24.
Советский космодром. 29. Че-
хословацкий летчик-космонавт.
31. Черпаковый подъемник. 32.
Бельгийский мастер, изобре-
татель современного оркест-
рового духового инструмента.
33. Музыкальный памфлет
М. П. Мусоргского.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 22

По горизонтали:

- Марабу. 7. Пассив. 9. Шатрова.
- «Рябина». 11. Лемнос. 12. Ка-
литва. 13. Сверло. 16. Тропик. 19.
Веранда. 22. Эпиграмма. 23. Смо-
родина. 25. Аксакал. 27. Баланс.
- Абакан. 31. Тулолев. 32. «Раду-
га». 33. Росток. 35. Ртищево. 36.
Бирюза. 37. Волков.

По вертикали:

- Омар. 2. Партизан. 3. Овес. 5.
Рабле. 6. Ушаков. 7. Палата. 8.
Синоп. 14. Вышивка. 15. Реприза.
- Окрошка. 18. «Индиана». 20.
«Ермак». 21. Домра. 24. Наборщик.
- Астара. 26. Лавров. 28. Лидер.
- Каток. 32. Рыбы. 34. Киви.

поступить в Государственный институт театрального искусства дважды не увенчались успехом, и он пошел в рабочие — сначала на сцену Большого театра, потом на завод. Затем призвали в армию...

— Считаю, именно в армии я окончательно определился как будущий профессиональный певец, — вспоминает артист. — Работа в воинском ансамбле песни и пляски дала необходимые профессиональные навыки. А главное, появилось личное отношение к каждому исполняемому произведению и умение выразить эти мысли и чувства. Сейчас я очень хорошо понимаю, почему сначала мною не заинтересовалась приемная комиссия ГИТИСа: я просто ничего тогда не представлял собой. Зато после армии меня сразу приняли туда на отделение музыкальной комедии...

Когда с песней Шаинского «Белая береза» пришло первое признание, а с победой на международном фестивале песни в Сопоте (песня «За того парня» Фрадкина) — настоящая слава, за спиной молодого певца уже были годы напряженной учебы у педагога П. И. Селиванова и три сезона не менее интенсивной работы в Московском театре оперетты. Теперь Лев Лещенко — заслуженный артист РСФСР, лауреат двух международных конкурсов и Всесоюзного конкурса артистов эстрады. Высокий профессионализм, неброский, но глубокий артистизм, собственное видение драматургии песни, желание не только спеть, но сыграть ее по-своему, умение сделать это выразительностью самого голоса и максимально лаконичными сценическими средствами — таким запомнился Лев Лещенко с первого дня знакомства. Эти сразу проявившиеся черты его творческого облика привлекают и сегодня.

В большом репертуаре певца сразу выделяются самые «лещенковские» песни — те, в которых наиболее ярко проявляется его артистическая индивидуальность, которые неотделимы от него, немислимы без него. Кроме уже названных, прославивших его, это: «Начало», «Притяжение Земли», «День Победы»,

С ПЕСНЕЙ — В ДОРОГУ!

Уже десять лет как с экрана телевизора вошел в нашу жизнь певец Лев Лещенко. Вошел просто, ненавязчиво, старым и добрым знакомым. Теперь для нас всех его пение — непременно встреча с любимой и популярной песней, теплой, лиричной и гражданской. Это всегда задушевный разговор о былом и настоящем.

Но не все знают другого Льва Лещенко — исполнителя оперных партий и романсов.

...Сверкающий белизной мраморных колонн и хрустальных люстр Колонный зал Дома союзов был переполнен. Всесоюзное радио записывало осуществленную Ю. Силантьевым постановку оперы Джорджа Гершвина «Порги и Бесс». Главные партии исполняли солисты радио Людмила Симонова и Лев Лещенко. Оркестр и исполнители удивительно верно и близко к подлиннику воссоздавали душевную драму реалистической негритянской истории, положенной в основу первой оперы, написанной американцем. А задача перед исполнителями стояла наисложнейшая: точно передать особенности интонаций говора американских негров, воплотить в спиричуэлсах и народных песнях их своеобразный юмор, суеверия, буйный национальный темперамент.

В том же зале и с тем же эстрадно-симфоническим оркестром радио состоялся недавно и необычный сольный концерт Льва Лещенко, в одном из отделений которого певец вновь предстал в непривычном для широкого слушателя амплуа: ария Кутузова из оперы Прокофьева «Война и мир», рассказ цыгана из рахманиновского «Алеко», романсы русских компози-

торов, арии из оперетт, русские народные песни... И все это прозвучало своеобразно, интересно, легко.

Впрочем, эта сторона творчества Лещенко удивительна и необычна не для всех любителей музыки: многие знакомы с его камерным репертуаром, записанным на Всесоюзном радио. Друзья же по работе считают Лещенко певцом гораздо больших возможностей, чем проявленные им на эстраде.

Вокальные способности Лещенко выявились еще в школьной самодеятельности. Тогда же зародились и первые планы о будущей профессии. Но попытки

«Вечное движение», «Соловьиная роща»... Сам Лещенко называет их своими. Без них не может быть ни один его концерт, без них не может быть он сам как личность.

Лев Лещенко поет повсюду, где его ждут. Его аудитория — вся страна, его концертные залы — и заводские цеха, и Дворцы спорта, и огромные открытые площадки. Он охотно встречается со слушателями самых разных возрастов и профессий. И все-таки самая любимая аудитория — молодежь: студенты, рабочие, строители дорог и заводов, солдаты... Радует ставшее обычным присутствие детей. И певец точно чувствует любую аудиторию. Не изменяя собственной индивидуальности, он умеет стать то чуть более современным, то, наоборот, радостно, в искреннем порыве сердца «утонуть» в традициях.

Композиторы, певцы, музыканты, близко знающие Лещенко, всегда подчеркивают необыкновенную его легкость на подъем при колоссальной загруженности: в какую бы творческую командировку ни потребовалось поехать — Лещенко никогда не откажет, сославшись на занятость.

— Я не могу не приехать к тем, кто меня ждет. Я должен быть там, где нужен, и пропагандировать как можно шире лучшие песни советских композиторов. Мне кажется, я просто не имею права ограничивать себя небольшой аудиторией, пока меня зовут в цеха, на поля и строительные площадки. Может быть, настанет время, когда появится возможность серьезно заняться камерной музыкой. А пока стараюсь разнообразить отдельными камерными номерами свои обычные программы, рассчитанные на широкую аудиторию.

Да, положение популярного исполнителя обязывает. Как и высокое звание лауреата премии Ленинского комсомола. Быть со всеми, расти со всеми, делать все, чтобы приносить максимальную пользу всем.

Эдда ЗАБАВСКИХ